ТЛЕНИЕ НЕ НАСЛЕДУЕТ НЕТЛЕНИЯ

2018 год

2 января

Прочитал книгу «Возвращение к истокам». Есть у меня к ней довольно серьёзные редакторские претензии (повторы, угловатые переходы от одной темы к другой, тяжеловесность и некоторая занудность в изложении, использование профессиональной терминологии, когда о почувствованном и пережитом при соприкосновении с картинами художника можно рассказать доступным «человеческим» языком), но это не помешало постичь характер творца, осознать пройденный Шиховым путь. Он, как и у всякого человека, связавшего свою жизнь с созданием нечто небывалого до него на земле, непрост, с испытаниями, искушениями и всего этого преодолением. В этом моём постижении главное достоинство книги-альбома Квачей. Я с ещё большим пониманием и уважением стал относиться к Киму.

Оказались в книге иллюстрации картин, которые хранятся у меня — подаренные К.И. Шиховым «Небесный свет» (2010 г.) и «Преддверье весны. Валаам» (2014 г.) Наталья Викторовна Квач со второй половины книги всё больше и больше говорит «о любви Шихова к отечественной природе, истории». Зная Кима Ивановича, мне кажется, это определение его отношения ко всему окружающему не совсем верно. Он человек не сентиментальный. Даже напротив — резковатый, категоричный. Но талант художника позволяет ему по-особенному видеть красоту — и обыденного, и исторического. А истинному таланту (чтобы раскрыться, воплотить в произведения искусства то, что затронуло твою душу, зародилось в ней образом-предчувствием, образом-ощущением) нужен твёрдый и целеустремлённый характер. Что и демонстрирует Ким в свои почтенные (по обывательским меркам) годы.

Я думаю, он ещё успеет кое-что создать… И немало.

В своих пейзажных картинах Ким зачастую изображает (отображает) те места, что и мне знакомы — от Заветлужья и Болдина до Кижей и

---

* «За тайной гранью» является продолжением дневников писателя «Искры потухающих костров» (годы 2000-2016), которые публиковались в журнале «Вертикаль» №№ 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 58, 59, 60.

Белого моря. Это меня каким-то неопределённым неведомым чувством роднит с его живописью. И ведь Кирилло-Белозерский монастырь мною исхожен до каждого заветного уголка, и там было нечто особенное пережито, как и в Сарове, Городце, Ростове Великом, Валааме… А вот на Соловках так пока и не довелось побывать. Господь туда дорогу пока не выстроил, не определил.

3 января

Слушал в интернете рассказы И.А. Бунина. Уже не первый вечер это делаю, но сегодня захотелось найти что-то из произведений Юрия Казакова — с высочайшим пиететом относившегося к прозе Ивана Алексеевича, говорившего о жизни и творчестве писателя в Париже в 1967 году с тогда ещё живым Борисом Зайцевым.

Сеть выдала много интересных ссылок, но я первым делом выбрал документальные фильмы о судьбе Юрия Павловича — и счастливой, и мучительной одновременно.

Но, наверное, стоит немного повспоминать о том, как в мою жизнь вошла проза этого замечательного русского писателя. В начале 80-х годов прошлого века на занятиях в Доме учёных литературного объединения «Воложка» о рассказах Казакова довольно часто вспоминал Валентин Арсеньевич Николаев. Он старался привить нам вкус к слову, к классической русской литературе, чтобы мы поняли, насколько сложен, ответственен и большей частью неблагодарен писательский труд.

— Если можете, то бросайте этим заниматься сейчас. Дальше будет сложнее… Литература — дело жестокое, безжалостное. Писательство сломало много судеб.

Но мы, конечно же, писать не бросили и, вернее всего, Валентину Арсеньевичу не поверили. Да и не могли тогда понять всего откровения, высказанного В.А. Николаевым. Слишком разный жизненный опыт был за нашими плечами. У него — первые книжки, публикации в столичных журналах, литинститут. У нас… да какие писатели мы тогда были? Так, пробы пера. Но именно под впечатлением от размышлений руководителя «Воложки» я впервые прочитал роман-газету с «Северным дневником» Юрия Казакова и полюбил прозу этого удивительного писателя навсегда.

Тексты Казакова не были легки для моего восприятия, их, что называется, «не проглотишь», но они воспроизводили, создавали незнакомую для меня жизнь в полноте достаточной, чтобы её почувствовать, испытать, окунуться в неё, самому существовать в ней. И воспроизведена она была потрясающе красивым языком — изящным, многоцветным, ароматным.

Однако Николаев не забывал своих предупреждений, и как-то посоветовал нам прочитать статью Казакова «О мужестве писателя». Эти литературные заметки задержались в моей памяти только для того, чтобы намного позже осознать их глубину и горькую правду. Сейчас у меня этого текста нет под рукой, но я помню, что в конце его Юрий Павлович как-то «смазал» не совсем к месту появившейся риторикой. В общем, надо бы найти эти заметки и перечитать. По объёму они небольшие, но написаны, как ещё совсем недавно говаривали, кровью.

Надо признаться, прошло ещё несколько лет, прежде чем я прочитал главные произведения писателя — его рассказы второй половины 50-х — первой половины 60-х годов XX века и два поздних рассказа «Свечечка» (1973 г.) и «Во сне ты горько плакал» (1977 г.). В сборник с этими рассказами (в конце его) я и вклеил вырезку из «Литературной газеты» от 8 декабря 1982 года с некрологом на кончину Ю.П. Казакова и прощальным словом «Памяти друга» Георгия Семёнова: «Перо не слушается, сердце не верит и не поверит никогда, что умер Юрий Казаков… смерть его кажется чудовищной неправдой. Он очень трудно и медленно писал в последние годы, но каждая строка его рассказов, оставленных нам, наполнена пронзительным предчувствием выстраданного и пропитан-

ного слезами счастья... Это один из тех писателей, которые входят в литературу навсегда и никогда не умирают».

В 1986 году в издательстве «Современник» вышла книга Казакова «Две ночи: Проза. Заметки. Наброски», куда вошло кое-что (совсем немного) из дневников и записных книжек писателя, его наброски, а в основном тексты, опубликованные ранее в журналах, предисловия к книгам и прочее. Конечно, я её сразу купил. Тираж 200 тыс. экземпляров. А так как уезжал в командировку в Вельск (летели через Архангельск, а уже оттуда на поезде до этого городишки), то взял книгу с собой.

Архангельск встретил холодом, замёрзшей Двиной, пронизывающим ветром. Было нас из управления «Горьклесурс» трое, потому, немного побыв на набережной, мы ушли в ресторан (кажется, он назывался «Север») и до поезда просидели там, так и не посмотрев город.

Городок Вельск оказался жутким захолустьем. Делать в нём, кроме как участвовать в совещании, было нечего, и тогда вечером я приступил к чтению. Правда, урывочному, несосредоточенному. Но и такого оказалось достаточно, чтобы для меня открылся другой Казаков — путешествующий, читающий, размышляющий о литературном труде, делающий зачины для будущих, но так и не написанных рассказов. Особняком в книге выделялся большой очерк «Мальчик из Снежной Ямы» о Тыко Вылко — «Президенте Новой Земли», художнике, сказителе, поэте.

Выбирались мы из Вельска другой дорогой — поездом сначала до Ярославля, затем, пересев, до Горького. Вот в этот-то последний переезд и оказался я в купе с двумя молодыми ребятами, которых заинтересовала дочитываемая мною книга «Две ночи». Пришлось им рассказать о писателе, о его произведениях, о местах, где он побывал и где побывал я.

— Как вы много прочитали, и много где побывали, — искренне удивились пареньки.

Не скрою, их удивление мне тогда польстило. Это теперь, когда с того времени прошло более чем тридцать лет, я понимаю — и прочитано мною к тому времени было не так уж много, и главные путешествия, открывающие нечто совершенно новое и важное для меня, были ещё впереди. Но именно книга Юрия Казакова сблизила тогда нас — трёх случайных попутчиков. Книга его душевных странствий под названием «Две ночи», которую я читал на протяжении двух ночей странствия от Вельска до Нижнего.

Теперь вернусь к собственно просмотренным мною фильмам. В первом «Трали-вали Юрия Казакова» о судьбе и творчестве писателя рассуждали Алексей Варламов, Павел Басинский, Василий Аксёнов, Евгений Попов, Тамара Жирмунская (это всё коллеги по цеху), прочитал стихотворение, посвящённое Юрию Павловичу, Евгений Евтушенко, рассказывал о том, как создавался художественный фильм о Казакове («Послушай, не идёт ли дождь», в роли писателя Алексей Петренко) в середине 90-х годов режиссёр Аркадий Кордон (сценарий написан по рассказам «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал»). Как бы несколько отдельной темой идут воспоминания вдовы Юрия Казакова Тамары Судник, отрывки из беседы Юрия Павловича с Борисом Константиновичем Зайцевым в Париже о И.А. Бунине (магнитофонная запись).

Но и это всё как бы подкрепляло главную мысль, высказываемую писателями, что Казаков слишком мало написал (хотя, что написал — это создано гением).

Слушал я всё это, и во мне невольно зарождалось два противоположных чувства: первое — благодарности, что вспоминавшие писателя не акцентируют тему его пьянства, алкоголизма; второе — несогласия количественной оценки написанного Казаковым.

Первое я выделил именно потому, что открывая памятную доску на доме, в котором жил писатель в Лопшеньге, а затем проводя встречи с жителями этой приморской деревни в местном Доме культуры, писатели из нашей делегации (лично знавшие Казакова, встречавшиеся

с ним — Владимир Личутин, Юрий Пахомов, Владимир Смирнов, Николай Старченко, Юрий Немченко) как-то уж очень подчёркивали эту зависимость Юрия Павловича, болезнь, мешавшую ему и жить, и творить, и в конце концов отнявшую у него жизнь. Хотя — стоит ли об этом вспоминать, когда уже всё свершилось, и остались только книги (даже дом его в Абрамцеве, вместе с библиотекой, рукописями, дневниками и черновиками сгорел). О них, и только о них в первую очередь стоит говорить, вспоминая писателя.

Вот вокруг рассказов и шёл разговор в фильме «Трали-вали Юрия Казакова». Тут Варламов с Басинским как-то уж очень акцентированно говорили о малом количестве написанного героем фильма.

Если сравнить по количеству с написанным ими — да, мало. А если сравнивать с изданиями Петра Дмитриевича Боборыкина, Евгения Николаевича Чирикова — то и вообще малость. Я уже не беру в пример современных создателей любовных романов, детективов — тут совсем несравнимые количественные величины. Только разве этим измеряется значимость литературного труда? Ведь можно и один гениальный рассказ написать, и остаться в памяти благодарных потомков навсегда. Конечно, хочется нам, чтобы и Пушкин, Лермонтов, Есенин написали больше. Да и Достоевский до конца не высказался. Но неведомы нам пути, определённые Богом. И видимо, нам следует довольствоваться тем, что есть, быть благодарными тому, что имеем. Да ведь и не сказать, чтобы уж совсем мало написал «житель Абрамцева».

Кроме рассказов, упоминалась в разговоре трилогия казахского писателя Абдижамила Нурпеисова «Кровь и песок» (в Википедии она названа «Кровь и пот» — не знаю, как всё-таки будет правильно её отмечать), которую перевёл Казаков, тем самым сделав имя писателю (романы были удостоены Государственной премии СССР). Да, эта работа совершена для заработка, но и высокое качество её несомненно.

И уж совсем не упоминался «Северный дневник», что, на мой взгляд, несправедливо. Пусть не всё из этих очерков, но многое осталось и останется (несомненно) в русской литературе. Нет никаких поводов эту удивительную книгу вычеркивать из списка творческих достижений Юрия Казакова. Были и публикации путевых заметок, статей и прочего, что сопутствует основной писательской работе, а в итоге образует его мир, придаёт ему всесторонность, цельность.

Второй фильм «Спрятанный свет слова» (подготовленный к показу телеканалом «Культура», 2013 г.), включает в себя основу предыдущего фильма с добавлением высказываний некоего литературоведа Вячеслава Мешкова и писателя Андрея Битова. Понятно, что последний не мог обойтись без каких-то оценок Советского времени, выпадов против него. Вдруг заговорил, что Казакова не печатали (десятки книг и миллионный тираж «Роман-газеты», как я понимаю, не в счёт), привычно сводя все свои размышления к мести прошлой стране (СССР) и доперестроечной власти.

Тут и высказывания вдовы, что не вошли в первый фильм, пригодились: «Он не боролся, а противостоял времени своим образом жизни, мыслями».

Господи, да любой творческий человек во все времена находится в подобном состоянии относительно окружающего его мира, со всеми обывательскими пристрастиями, ценностями — неужели это непонятно!

Но одно из высказываний Андрея Битова меня тронуло, и я записал его дословно:

«Конечно, он был верующий человек. Неверующий не может хорошо написать. Может быть, он веровал в слово, а слово дело Божие. Не соврать в слове — это и есть такая вера. А у Юрия Павловича совесть присутствовала в каждом слове».

4 января

Домой приходил Андрей Альпидовский. Новый писательский блог в интернете, который я задумал и начал уже заполнять (с помощью Андрея Дмитриевича) с сегодняшнего дня полностью перешёл под моё управление. Думаю, это чрезвычайно важный шаг «разговора с читателями». Со временем многие свои материалы (заметки, статьи, беседы, рецензии и, конечно, книгу «Искры потухающих костров») размещу на этом ресурсе — полностью независимом от кого бы то ни было.

Название блога: «Союз писателей России. Нижегородская областная организация».

6 января

Давненько мне была подарена книга Всеволода Соловьёва «Великий розенкрейцер» (в конце XIX века она вышла в С.-Петербурге в серии «Историческая библиотека альманаха «Русская старина», а в 1992 году переиздана в Москве «Профиздатом» и Товариществом «Возрождение», в редакционную коллегию которого входили Юрий Бондарев, Пётр Проскурин, Валентин Пикуль, Владимир Солоухин и прочее…), а прочитать её решил только сейчас. Да и книга-то попала в руки будто случайно — искал в шкафу иное, а наткнулся на неё, и взял с мыслью: «Знать, пришло время прочесть».

И простое, и непростое это произведение одновременно. Но интереснейшее — философско-масонско-богословский роман, где есть две основных сюжетных линии (тайна эзотерических знаний носителя знака Креста и Розы князя Юрия Захарьева-Овинова и служение обыкновенного деревенского священника Николая, призванного в столицу в дом отца князя). Есть и третья (довольно большая по объёму), повествующая о жизни в Страсбурге графа Калиостро (он же Джузеппе Бальзамо), но этот кусок в романе наиболее неинтересен и в художественном плане уязвим. Слишком много явных фантастических придумок, а ведь произведение тяготит как бы к отражению реальной жизни того (восемнадцатый век) времени.

Кстати, уж сразу как о неудаче скажу и о некоторых моментах (особенно в окончании романа), связанных с образом «святого из простецов» отца Николая, где он и жизнь помещика Метлина восстанавливает (помогает вернуть неправдой отнятое его имение, устраивает жизнь семьи), и беса из его дочери Катюши изгоняет, и своей праведной любовью преодолевает гордыню и неприязнь собственной супруги Настасьи Селиверстовны, чем и её душу спасает — поначалу грубой деревенской бабы. Всё это уже слащаво, святочно, многажды раз использовано в русской литературе, хотя (трудно спорить) чтение такое умилительно и как бы духовно укрепляюще.

Но когда я называл чтение этого романа интереснейшим, я имел ввиду два места в книге, вызвавшие у меня несомненный интерес: знакомство и его первые помощи духовно страждущим отца Николая (эпизод со странствующей пешком по богомольным местам купчихой, носящей на руках болящего своего сына Николушку, уродца шестнадцати лет) и речь князя Захарьева-Овинова в полуразрушенном тайном замке Небельштейна в Германии во время его избрания главой розенкрейцеров. Тут в этих эпизодах раскрываются (захватывающе интересно, неравнодушно) два главных стремления в человеческой жизни — поиск силы и счастья через обретение силы над материальным и духовным. (По сути, в вульгарно упрощённом виде в XX веке это отразится в споре «физиков» с «лириками».)

И та и другая силы — бесконечны (через познания и опыт), дающие великую силу управлять человечеством. Но материальная лишена главного — тепла, любви, Бога. И потому не может привести к полному освобождению, счастью.

Вот как на эту тему размышляет князь в романе Соловьёва:

«Пройдёт немного лет, и мы будем присутствовать при страшных, кровавых событиях, которые окажутся кризисом в болезни человечества. Человечество оправится после этого страшного кризиса, и начнётся для него новая эра… Знания человеческие станут возрастать с необычайной быстротою… То, что считается теперь безумной сказкой, станет для всех привычной действительностью… Но… человечество, в какой бы высокой области познаний ни оказалось, этим самым не достигнет ещё счастья… А между тем ведь понятие о счастье существует, оно не звук пустой. Существо человеческое способно к счастью и, достигая его, возвышает и развивает свою душу более, чем знанием, более, чем силой и могуществом. …Мы теперь должны наконец убедиться… что познания не дают его, значит, даёт его нечто иное».

Однако, если открытия князя Юрия вызывают в нём самом разочарование, то отец Николай вот как переживает своё открытие:

«— Ах ты счастливая!.. Да и сын твой счастливый, дай мне его… дай!

И он взял дрожащими руками у матери это уродливое создание, бессмысленно на неё глядевшее, и с несказанной нежностью стал осенять его крестным знамением, целовал его, целовал его в страшное лицо, целовал его руки и ноги.

— Батюшка, что же ты меня-то не благословишь на моё хождение?

— Чего мне тебя благословлять, мать! Бог тебя благословил, сам Бог, слышишь, благословил тебя! Милости Его над тобою и над твоим сыном!»

Перечитал эти отрывки ещё раз и убедился — эти рассуждения не потеряли своей актуальности и о многом заставляют задуматься.

8 января

Моя Наташа рассказала о случае в Городце, когда двух мальчишек, нарвавших по пучку дикой конопли в овраге у старицы Волги, задержала милиция, и теперь ребятам грозит суд и даже какое-то серьёзное наказание. (Добавлю от себя — это при том, что в городке, впрочем, как и по всей России, всякой дурью торгуют чуть ли не в открытую, но этих «предпринимателей» почему-то арестовывают крайне редко и с каким-то уж совсем титаническим трудом.) Наташа мальчишкам сочувствует, но…

— Ведь они нарвали коноплю, а значит «нет дыма без огня».

— Да сколько угодно, — возразил я и рассказал свои истории задержания доблестной милицией.

Первый раз меня схватили, как великого злодея, недалеко от площади Революции. Было мне лет десять. Занимался я тогда на детской железной дороге. И вот, идя по путям от озера Цыганка в сторону Московского вокзала, нашёл металлический кружок — знак, который прикрепляется к последнему вагону состава. Поднял его, очистил (он был прикрыт грязью) и понёс куда-то, уже сам не помню, куда, но с благими намерениями передать нужную вещь по назначению. Недалеко от вокзала предложил взять знак машинисту тепловоза (он с любопытством смотрел из кабины, с высоты на двух мальчишек), но тот отказался. Тогда под воротами почтамта мы пролезли на улицу, и тут меня схватил какой-то негодяй и отвёл в железнодорожное милицейское отделение, которое находилось совсем рядом. Сдал туда. Далее меня препроводили к тётке, занимающейся несовершеннолетними. И вот эта тётка из ерунды раздула грандиозное дело. Я ей рассказал всё, как было. Она не поверила. Я, как честный человек, дожидался в коридоре, пока она была на совещании, не убежал (хотя мог, но зачем, ведь я был прав и хотел совершить доброе дело).

После продолжилось выяснение, звонки на работу матери и отцу (а они при должностях). Помню, что были предпраздничные дни (1 мая или 7 ноября), люди готовились отдыхать. За мной пришла мама. И ей пришлось что-то выслушать, но она вела себя достойно, попыталась обратиться к разуму «доблестной милиционерши», поверив моему рассказу…

В общем, подвёл я своих родителей. Таково было первое моё знакомство с органами внутренних дел, но не последнее. Потом меня забирали в милицию за то, что идя со стадиона «Локомотив» (зимой там заливался грандиозный каток — свет прожекторов, музыка, буфет с горячим кофе и выпечкой), зашёл в буфет Московского вокзала купить коржик; на Ярмарке за то, что в брюки был заправлен солдатский ремень, и так далее и тому подобное.

Из этого детско-юношеского опыта я усвоил лишь одно — в мире много негодяев, злых подонков, которые (либо для того, чтобы выслужиться, улучшить показатели своей работы, либо, чтобы попользоваться служебной властью над другими и от этого получить удовольствие) ещё много впереди принесут мне горя. И надо сказать, я в своих прогнозах не ошибся.

— Поэтому, Натуля, не верь всему тому, что тебе говорят про других людей. Прежде постарайся увидеть то, что не сразу бросается в глаза за внешним проявлением случившегося.

8 января

Уже не первый год по зимам живёт где-то вверху нашего оконного блока синичка. Видимо, когда заменяли конструкцию и заполняли пустоты пеной, некоторое малое пространство осталось свободным. Птичка (со стороны улицы, конечно) его расширила (в углу занесённого снегом подоконника была накрошена мелкая стружка от застывшей пены) и стала там зимами жить.

Всё это продолжается года три-четыре. Если синички живут меньше, то сейчас уже следующее поколение облюбовало наш оконный блок.

В одну зиму Ирина пичугу напугала, сильно постучала по карнизу, когда синичка что-то там заскребла в своём убежище. Птичка выпорхнула в щель у стены, и больше мы её не слышали. В этом году всё повторилось, но пугать птичку я не разрешил.

Как-то раз наблюдал за ней. Синичка подлетела к стене дома, вцепилась в неё коготками и тут встретилась со мной взглядом. Миг — и сорвавшись, она устроилась на голой ветке берёзы, что растёт под окном. Чтобы больше её не «смущать», я отвернулся от окна и вскоре услышал, как птичка шебуршится в своём гнёздышке, устраиваясь на ночлег.

И так мне хорошо от этого, так радостно.

Теперь, когда поздно вечером в своей комнате пишу, читаю или что-то выискиваю в интернете, занимаюсь электронной почтой, то часто слышу, как совсем рядом живёт крохотное существо. У него свои заботы — вдруг что-то зацарапает (словно во сне) крохотными коготками или еле слышно зашуршит пёрышками, удобнее укладываясь.

Время к полуночи, дома и за окном тихо. У меня над столом горит небольшая лампочка, на столе светит прямоугольник ноутбука, соединяющий пространство моей комнаты с необозримым мировым пространством. Но это всё где-то там, далеко, неживое. А тут, рядом, крохотная птичья душа видит свои загадочные сны, и мне от осознания этого отчего-то светлее и радостнее жить, теплее на сердце, умилительнее.

Оказывается, чтобы испытать счастье, не обязательно ехать за тридевять земель, зарабатывать огромные деньги, получать немыслимые награды.

В час (или миг), когда невыносимо тяжело, спасением может оказаться крохотная птичья душа, что нашла себе убежище за тоненькой стеночкой возле тебя, у окна.

13 января

Сколько уже раз убеждал себя — нужно прекращать писать (по просьбам, которым нет конца) все эти предисловия к книгам, рецензии и статьи, тексты к юбилеям. Но вот Лукин просит откликнуться на выход пяти томов их антологии поэзии «Война и Мир», и как тут Борису откажешь

— дело-то они «со товарищи» сделали огромное. «Литературная газета» дала согласие напечатать подготовленный об антологии материал (хотя, конечно, это уже совсем не та газета, к которой я привык — и по размеру печатной площади, и по формату и, главное, по сотрудничающими с редакцией авторам), и вот сижу, сочиняю.

Около 1200 авторов представлены кто одним, кто несколькими стихотворениями. Но сколько боли и страдания. Это всё люди, родившиеся до 1927 года, сполна хлебнувшие военного лихолетья. Это какой-то коллективный плач, замешанный на мужестве, воле, стойкости. От этого чувства и осознания скорбь только глубже, трагичнее. Господи, сколько же страданий выпало на долю нашего народа, справился ли бы кто ещё в мире со всем этим?

В томах имена классиков соседствуют с беззвёздными авторами, выпускавшими свои сборнички стихов в захудалых, трусливых проинциальных издательствах. Но вот они все вместе соединились в один голос — и это потрясает душу.

У антологии есть подзаголовок: «Великая Отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX-XXI вв.». Ну, до XXI века ещё надо дойти. Вроде бы свёрстаны уже все 10 томов, но средств для печати хватило пока только на половину. А вот насчёт «русской поэзии» — это и правильно, и хорошо. В книгах произведения поэтов разных национальностей, но и они составляют часть именно русской поэзии. И не только потому, что переведены на русский язык. Главное — они воспитаны осознавать произошедшее именно русской литературой. Хотя это не исключает и национальных традиций, национальных особенностей, колорита… Но дух, основу великой традиции изжить невозможно.

В завершении необходимо будет отметить ещё два момента: очень хорошо, что об авторах приводятся биографические справки (почти все с фотографиями); оплачено издание, конечно же, не государством, а бизнесменом и поэтом Дмитрием Мизгулиным.

И ещё: и патриоты, и демократы (перестроечного периода) теперь вместе под одной обложкой. Как мелки кажутся споры и раздоры прошлых лет.

14 января

Целый день за компьютером. Николай Викторович Офитов дал набор своих рассказов. Это художественной прозой переданные воспоминания военного и послевоенного детства, жизни в родной деревне, о матери, природе. Неравнодушные, добрые воспоминания, и я рад, что они наконец-то обретают форму книги. Но набирать тексты на компьютере (чисто, аккуратно) Николай пока не умеет. И вот сводя всё в один файл, убирая из текстов всякую грязь, приводя их в порядок, исправляя ошибки, опечатки, тире, я и потратил семь часов непрерывной работы. Зато увидел, что книга получилась… Сегодня же всё отправил на вёрстку.

Вечером спектакль «Наш городок» в театре драмы. Пьеса Т. Уайлдера. Постановка Линаса Мариюса Зайкаускаса (г. Паневежис, Литва). Драматург так говорил о своей пьесе (знаменитой, как мне сказали): «Это простая пьеса, в которой присутствуют все сложные темы: и это сложнейшая пьеса, где я с любовью рассказываю о простейших вещах на свете». Сказано несколько вычурно, не без рисовки, но по сути верно.

Тихий захолустный американский городок самого начала XX века. Все друг друга знают. Неспешная жизнь. Начинается действие с того, что «у поляков рождается двойня». Об этом сообщает доктор. Молочник привозит молоко. Дети уходят в школу. Соседки говорят о домашних делах. Их дети (девушка и парень) начинают влюбляться друг в друга…

Всё показано как бы нарочито тягуче, без спешки, усыпляюще. Я так спокойно смотрел спектакль, потому что невольно был подготовлен к его восприятию книгой «На Ключищинском косогоре» Н.В. Офитова. Так всё сошлось. Хотя они о разном, но в высшем смысле об одном и том же

— рождении, продолжении жизни (любви, свадьбе, буднях, наполненных всякими бытовыми мелочами…), смерти. Круг всегда замыкается одинаково.

И у Офитова и у Уайлдера найдена своя правильная повествовательная интонация, естественная для той среды, о которой они рассказывают.

Потому я и не принял финальную сцену спектакля о загробной жизни (хотя сделана она интересно, с выдумкой), потому что в ней именно эта естественность интонации нарушена, применён, как мне показалось, театральный штамп с криком, истериками, пощёчинами. (Умершая девушка на день возвращается в живую жизнь — возвращается её невидимая душа — в своё детство, и понимает, как неправильно, мелочно всё было, как неправильно люди живут.)

Сколько уже говорено-переговорено, что живём мы не так, как надо бы. Большинство из тех, кто задумывался над этим вопросом, согласится — да, не так. А как нужно (и возможно) жить, чтобы было так, чтобы правильно распорядиться этим данным нам чудом?

Правильных, скороспешных ответов много, и в то же время нет ни одного. И в этом огромная загадка человеческой жизни — для чего она даётся?

15 января

Таня разместила на своей странице в «Фэйсбук» сообщение с фотографией обложки 44-го номера «Вертикали. XXI век»:

Дорогие друзья!

Я бы хотела познакомить Вас с творчеством своего папы Сдобнякова Валерия Викторовича — прозаика, публициста, главного редактора литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», председателя Нижегородской областной организации Союза писателей России.

Папа начал писать в юном возрасте, он много путешествовал по бывшим республикам СССР, в 1994 года по рекомендации писателей В. Г. Распутина, С. И. Шуртакова, С. А. Иванова принят в члены Союза писателей России. Папа награжден многими международными и всероссийскими наградами и премиями, в частности международной премией им. М.А. Шолохова, всероссийскими премиями. В 2011 году Указом Президента РФ папа награжден Медалью Пушкина. В настоящее время папа также ведет новый информационный ресурс о литературной жизни в России: http://soyuzpisateleinn.blogspot.ru/

Будет приятно, если Вы найдете время почитать.

И вот мой блог начали посещать люди из разных стран. Больше всего из Норвегии (сотни посещений), но есть и из Украины (тоже среди лидеров), Польши, Франции, Германии, Великобритании, Прибалтики, США, Испании. Заходят из Венгрии, Чехии, Швейцарии, Вьетнама, Перу… Как всё это удивительно, необычно. Потому заполняю своё новое электронное издание всё большим количеством текстов. В основном — мои статьи, беседы, статьи и стихи авторов журнала, предисловия к изданным мною книгам и прочее.

18 января

Ходил по пустынным залам выставки Кима Шихова. Все, кто собрался послушать о том, как готовилась к выпуску книга к 85-летию художника, остались в первом большом зале, куда принесли стулья, а я спокойно рассматривал пейзажи и особенно портреты Юрия Адрианова, Бориса Пильника, картину «В одиночестве», и находил удивительные, неслучайные, но ранее мною незамечаемые детали. А ведь как на полотнах всё продумано, никакой искусственности не ощущается — всё естественно, органично и в подборе книг на стеллаже за спиной Бориса Ефремовича,

и в расстановке фотографий в портрете Юрия Андреевича (и сам он уже среди этих портретов — в прошлом, в вечности).

И удивительно, как легко, хорошо душе среди картин Шихова.

Вот об этом обо всём я и говорил, когда Ким Иванович попросил высказаться. Упомянул и о его щедрости (ни один приведённый мною к нему в мастерскую гость не ушёл без подаренного, хорошо оформленного этюда), но и твёрдости, даже жёсткости характера. Этот характер помог художнику преодолеть все испытания, что выпали на его долю — непонимание его замыслов, предательства коллег (об этом ещё на выставке мне говорил Вячеслав Грачёв).

Сам Ким оценивает свои способности трезво:

— Я человек, хорошо знающий ремесло.

Мне к этому всегда хочется добавить — и мыслящий, ищущий, жаждущий новых встреч, знакомств с новыми людьми. Вот и Квачам, как сказала Наталья Викторовна, путешествие на Соловки оплатил Шихов.

Единственное (и это не в первый раз) я пожалел, что мой портрет для города потерян. А ведь какая хорошая, красивая работа. Вот и Николай Переяслов, разместив репродукцию картины на своей странице в «Фэйсбук», написал:

Мой друг — Валерий Викторович Сдобняков, поэт, прозаик, издатель журнала «Вертикаль, XXI век», руководитель нижегородской писательской организации Союза писателей России. Знаком с ним уже порядка двадцати лет, часто с ним встречался в Москве, но был несколько раз и в Нижнем Новгороде — и с писательской делегацией, и однажды с женой и дочкой на отдыхе там, на одной из пригородных турбаз. Валерий и сам любит природу, о чём свидетельствует приводимая ниже картина. Замечательное полотно, я просто не могу его не показать всем моим друзьям, вот оно:

https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1606188076086665&set=a.184547441584076.36481.100000864645423&type=3

21 января

Ходили с Ириной гулять к Мещерскому озеру. На морозе снег пушист, невесом. Ветер его гонит у земли, поднимает и швыряет в лицо.

Вернувшись домой, пообедали (выпил рюмку коньяка). Ушёл в комнату, что окнами выходит на Оку, на Стрелку. Ветер воет в щелях балконной рамы, тревожно раскачивает голые ветви тополей за её стёклами.

Не понимаю, отчего на душе и сладко и тревожно одновременно. Захотелось лечь, закутаться в плед и уснуть. Лёг… и нахлынули далёкие воспоминания. Как стоял на закате на строительных лесах у задней стены строящегося дачного дома. Один (отец с рабочими ушли в тепло), смотрел, как ветер гонит снежную позёмку по льду Линды и за неё, в дикое поле. Как он свистит в ветвях прибрежной ольхи. И чувство абсолютного одиночества в сердце. Будто нет никого на всём свете — и вот этот ветер, белеющая в сумерках безжизненная даль, а больше ничего. Только чувство глубокого сиротства где-то внутри себя — неприкаянности, брошенности. Казалось бы, можно было уйти в дом, к людям. Я даже подумал об этом, но в тот же миг ощутил, как сладостно для меня это одиночество.

А вчера, после того, как послушал у нас в Союзе (фестиваль «Святки на Рождественской») пение хора Духовного православного женского училища, идя домой через мост, испытал что-то похожее тому давнему чувству. Несколько раз останавливался и смотрел на замёрзшую Оку. Ближе к берегам лёд торосистый, изломанный, помятый, а главное русло ещё черно, под непрочным льдом вода живая, но белые перемёты уже эту замёрзшую черноту расчертили. Красиво там, внизу. Но какой-то жутковатостью веет от этой красоты — только представишь себя одинокого на этом непрочном льду — и холодеет сердце.

Значит, вот уже сорок лет это чувство неизменно живёт во мне. Для чего-то живёт. Как некое напоминание о главном… Но что же из себя представляет это главное, я и в этот раз не понял. Уснул.

24 — 27 января Москва

Не откладывая (только завёз сумку с книгами и журналами Н.В. Офитову), отправился с Николаем в редакцию «Нашего современника». По пути в метро повидались со Строкиным. Анатолий Андреевич меня и с поезда встретил на Курском вокзале, передал текст сборника стихов, который хочет издать в «Вертикали. XXI век». О своих пожеланиях он говорит несколько сумбурно, торопливо, но главную идею предстоящей книги я понял. Долгонько мы воочию не виделись, и я рад этому общению, хотя и много скорбного приходится вспоминать. У Анатолия ушла из жизни дочь, и в воспоминаниях о ней он корит себя за что-то. Так ведь и все мы себя корим, потому что иначе всё видим и оцениваем по завершению.

В редакции обменялись с Казинцевым журналами, обговорил я с Александром Ивановичем все интересующие меня вопросы.

Уже вечером, после ужина, утащил я Николая походить со мной по центру города. В телевизионных передачах праздничная столица уж совсем сказочно хороша. В действительности всё оказалось скромнее, формальнее, а холодный ветер довольно скоро вновь нас загнал в метро. А я ещё и переживал — не заморозил ли спутника. Но ничего — обошлось.

25.01. Со вчерашнего вечера Николай засел за вычитку своей книги рассказов «На Ключищинском косогоре» (распечатку вёрстки я привёз с собой с пожеланием, чтобы пока я здесь, он всё проверил), продолжил этим заниматься и сегодняшним ранним утром. А я проснулся, когда солнышко уже светило в окно. Подумал — морозно на улице.

Так и оказалось. Да это хорошо — повёз свои книги в Российскую книжную палату. Кажется, впервые ехал в московском трамвае — от дома Офитова до ВДНХа. Вагон большущий, новый, состоящий из двух или даже трёх секций, но холодный и для пассажиров не совсем удобный (из-за расположения пассажирских кресел в салоне). Хотя я всё время читал в «Нашем современнике» (№ 1, 2016) роман-биографию «Вечная весна». Это Сергей Шаргунов о Валентине Катаеве написал. Мне всегда было интересно творчество Валентина Петровича, много всего сплетничали о его жизни. Это действительно необыкновенный писатель, опубликовавший ближе к концу жизни два романа («Алмазный мой венец» и «Уже написан Вертер»), в которых много всего биографического зашифровал.

Я помню Катаевскую фотографию, на которой видно, как небрежно приколота на пиджаке звезда «Героя Социалистического Труда» (так дети значки на рубашки прикрепляют). И было во всём облике писателя нечто ехидно-насмешливое, мол «я для вас кое-что приготовил, ещё вспомните меня». Вот Шаргунов и вспоминает… Ну, не вспоминает (молодой совсем), а восстанавливает по архивам, библиотечным подшивкам дореволюционных газет Одессы, встречаясь с разными людьми.

Всё-таки Катаев числился в крыле демократических, вольных советских писателей. Но в дореволюционной молодости сотрудничал с черносотенскими организациями, воевал (и был ранен) во время Первой Мировой войны и вообще оставил за собой непростой, запутанный след.

Поплутав (до этого книгу привозил на машине) в районе метро «ВДНХ», всё-таки вышли с Николаем к нужному зданию, сдали «Память сердца» и «Вертикаль Валерия Сдобнякова». Пятнадцать минут ходьбы от метро до Российской Книжной палаты на Звёздном бульваре.

Во второй половине дня в Российской государственной библиотеке. В отдел комплектования передали те же книги (только с автографами), прибавив к ним № 52 «Вертикали. XXI век» и «Оду русскому слову» С.И. Шуртакова. Зашли и в саму библиотеку. Уточнил в отделе периодики (в компьютере) наличие моего журнала. Все номера есть, кроме (почему-то) 50-го выпуска. Договорились с Николаем, что он его занесёт.

Сразу в метро идти не захотелось. Предложил Николаю Викторовичу пройти через Александровский сад. Заодно посмотреть воссозданный памятник Александру I у Кремлёвской стены. Монументальное сооружение (сохранены атрибуты XIX века), не без помпезности, но можно ли было иначе отдать дань памяти государю, чьи войска одолели «непобедимого Наполеона», тем самым принеся славу русскому оружию. Нет, это достойный памятник не только человеку, но и отечественной истории.

26.01. Немного посомневавшись, всё-таки поехал в Синодальную библиотеку РПЦ. Чего же на Офитова перекладывать свои заботы, когда есть возможность их самому выполнить.

От метро «Воробьёвы горы» почти в одиночестве шёл по заснеженной Андреевской набережной Москвы-реки. Наблюдал за движением по течению немногих льдин, да вольной жизнью никуда не улетевших уток. Сытно им тут, обжились, забрасывают клювом на себя студёную воду, и она жемчужинками скатывается по перьям.

Русские мужики режут пилами гранит, ремонтируют подход к реке. Таджики лениво убирают нападавший за ночь снег. Одинокая бегунья сосредоточенно пробежала в сторону моста. И всё равно — после сутолоки центральных улиц тут ощущаешь пустынность одиночества.

Передав всё то же в библиотеку, не задерживаясь ушёл из монастыря. Сегодня ещё нужно попасть на заседание Нижегородского землячества.

Вчера в интернете случайно увидел, что моя статья «Собор поэтической памяти Великой Победы» (об антологии «Война и Мир») в «Литературной газете» опубликована. Решил по дороге в киоске этот номер купить. Но увидел, что продавщица положила голову на руки, опёрлась на прилавок и спит. Пожалел тревожить, прошёл мимо, подумав: «Веселилась, наверное, допоздна в компании. Теперь никак не может прийти в себя. Тяжело».

Но вот с Николаем идём к метро, а картина та же. Офитов стучит в стекло. Девушка встрепенулась, открыла окошечко — и такое у неё светлое, чистое, интеллигентное личико, что я устыдился прежних своих догадок. «Может, с ребёночком всю ночь мучилась — молодая мама. Денег не хватает, вот и подрабатывает продавцом газет, а я — гулянки, похмелье…»

«Союз женщин в России» занимает большой старинный особняк в центре Москвы на Глинищевском переулке, 6. В этом доме бывал А.С. Пушкин. Об этом говорит большой бронзовый барельеф на фасаде. Внутри здания следы былого советского величия — портреты женщин, руководивших Союзом в прежние годы, в том числе космонавта Валентины Терешковой, залы с круглым столом для встреч и приёма делегаций и прочее.

О книге «Ода русскому слову» говорили хорошо, вспоминали С.И. Шуртакова. Затем перешли на другие темы — Землячество предпринимает какие-то действия, чтобы теплоход «Максим Горький», который сейчас хочет купить Азербайджан, остался в России и в качестве музея был переправлен в Нижний Новгород. В.А. Карпочев тут ведёт активную работу. Как я понял, задействован наш Сормовский завод.

Возвращаясь к изданию книг, Виктор Александрович вновь обратился ко мне:

— Нам с вами предстоит ещё одно дело — издать текст, подготовленный Р.И. Чарыковым.

Вернулся к Офитову. Николай дочитывает вёрстку.

Поздно вновь отправился на прогулку (застолье, организованное землячеством, немного утомило, хотелось проветриться) — доехал до Красной площади, прошёлся по Кузнецкому Мосту, Тверской. Холодно и неуютно в Москве. Покружил в переулках Лубянской площади.

Возвращаясь, в вагоне метро обратил внимание на молодую пару, сидящую на сиденье напротив. Парень, похоже, южной национальности.

Девушка наша, русская, тёмные круги под глазами. И идёт от неё ощущение жизненной неустроенности, какого-то разрушения. Попеременно пьют кока-колу из пластиковой бутылки. Уж не в наркотиках ли тут дело. И такая жалость в моём сердце к этой девчушке — только подумал о её родителях, о ней самой. Как легко всё губится, теряется в нашей жизни.

А пока шёл к дому, увидел совсем другую пару. Девушка несколько впереди меня, парень ей навстречу. Высокие, красивые, интеллигентные. Обнялись и поцеловались радостно. Видно, что он истомился. Пока я их не обогнал, парень вновь останавливал девушку, целовал. Она отвечала на ласки, но в её движениях ощущалась и некоторая неготовность к ним. А в парне, я это видел, бушевала неудовлетворённая страсть. Истомившаяся, ищущая выхода. Я уверен — сейчас придут к нему, и не выдержав, первое, что он сделает, это овладеет этой девушкой. (Знаю всё это по себе. Себя вижу в этом парне.) И нет в этом ничего дурного. Это любовь, это великий природный инстинкт.

27.01. Давно собирался проехать по новому большому кольцу. Поезд у меня вечером, время есть.

На электричке от «Измайловской» по полному кругу — ровно полтора часа. В «Ласточке», конечно, удобно, но и скучновато. Маршрут в основном проходит мимо строек, промышленных зон, по задворкам «Ботанического сада». Все рекламные призывы использовать этот маршрут в качестве экскурсии пока не состоятельны. Но впечатляет объём работ, выполненный за короткий срок — восстановленные железнодорожные пути и мосты, построены и оборудованы корпуса станций, большие надземные переходы к станциям метро. И всё это завязано в одну систему. Удобно.

28 января

Мюрисеп с оркестром Кузнецова читает «Вия». Удивительное сочетание музыки и выбранных фрагментов текста. В зале киноцентра «Рекорд» довольно прохладно, но действо так захватывает, что обо всём забываешь. Александр Васильевич интонацией, голосом погружает зрителей в мистический мир, созданный Гоголем, и от этого жутковато, но и притягательно-сладостно одновременно. Это чувство сродни прикосновению к «запретному плоду». И страшновато переступить через нечто, через какую-то черту, и одновременно нестерпимо любопытно узнать — а что же за ней.

Второй раз слушал это выступление (правда, до этого в другом зале), а ощущение — будто впервые.

Удивительно образна и красива проза Николая Васильевича.

7 февраля

Нижегородский государственный академический театр драмы имени М. Горького отмечает 220-летие бенефисом. Представление (капустник) готовил Сергей Блохин. И ему удалось создать (в определённой части) довольно оригинальные куски в действии с юмором, энергичные, так что все остались довольны — артисты сыгранным, зрители увиденным. А.В. Мюрисеп подготовил исторический сюжет, связанный с давним прошлым театра, и эта сцена оказалась наиболее внятной, законченной, выверенной. Наиболее уморительный кусок (тут блистал Блохин) — «Суфлёр». Совершенно неудавшийся, скучный — посвящённый театральным приметам (его вёл Фирсов). Видимо, стоило бы несколько сократить вокальные номера и танцевальные — цитаты из спектакля «Бесплодные усилия любви». А то иногда уж и забывать начинаешь, чему посвящён бенефис — большой дате театра или молодому девичьему танцевально-эротическому коллективу. Из двух монологов Котова хватило бы одного. Второй к образу философа-поэта-мечтателя уже ничего не добавил. Вся эта строгость (будь она применена постановщиком) сдела-

ла бы действие более энергичным и менее продолжительным. Так мне кажется.

9 — 10 февраля Большое Болдино

Ким Шихов позвал в компанию с Квачами поехать на открытие его выставки. Не решился отказаться, хотя, как потом выяснил (в дороге), это можно было сделать — замену бы нашли.

В местную картинную галерею перевезли (с небольшими заменами) юбилейную выставку Кима Ивановича из нашего Выставочного комплекса. Но новое размещение экспозиции и читалось, воспринималось как-то по- иному. Этим занималась Наталья Викторовна Квач.

Подарили мне хозяева довольно большой каталог галереи — более двухсот страниц. Как оказалось — и его, и альбом-справочник к юбилею Союза художников, и альманахи Союза — всё готовили Квачи. Вообще я рад, что познакомился с этой парой. Сергей Иванович, как мне стало ясно из разговоров, больше занимается архитектурой, организаторской работой. Издательская деятельность — это лишь одно из направлений их трудов.

В гостиничном номере (нас поселили с Шиховым), листая перед сном альбомчик «Болдино в сердце и на холсте» (всё собрание галереи, представленное в книге, состоит из даров художников), ахнул, увидев репродукцию акварели Светланы Ивановны Юсовой «Деревня Погореловка» — такая она лёгкая, прозрачная, поэтичная… Потом-то, когда всё возвращался и возвращался к ней, начал находить и какие-то огрехи, что-то потерялось от прежнего впечатления. Но первое впечатление было невероятно сильным.

Кстати, и акварели Евгения Ивановича, написанные в реалистической манере (подаренная мне работа — из этой «болдинской серии») красивы, я бы сказал, живописны. Особенно «Старые деревья в усадьбе» (2005 г.)

Шихов мучился бессонницей (хоть и принял для сна какие-то таблетки), ну и я вместе с ним непонятно как провёл ночь, ворочаясь в кровати с боку на бок.

Утро холодное, морозное. Некоторое время у моих спутников ушло на улаживание мелких хлопот — и в обратный путь. По солнышку, через мостики, под которыми поблёскивают в стремнинах незамёрзшие речушки.

12 февраля

В Каминном зале Литературного музея заседание комиссии по присуждению областной премии имени А.М. Горького. Заявок немного. По литературе три — но все слишком мелки, не профессиональны. В остальных номинациях что-то выбрали. Но вообще от увиденного осталось ощущение провинциальной убогости, затхлости. Прозвучал и риторический вопрос — почему так мало претендентов по литературе?

Да всё поэтому же. Сначала навручали премии бездарностям, при этом отвергнув действительно талантливые книги, а теперь удивляются, почему порядочные люди не хотят иметь с этой премией никаких дел. Хотя, как сказал министр С.А. Горин, с этого года денежные выплаты по ней увеличились до 50 000 рублей.

Одно хорошо — присудили премию «Степени свободы» А.В. Мюрисепу.

14 — 19 февраля Москва — Смоленск — Москва

По приезду ещё в метро повстречались с Анатолием Андреевичем Строкиным. Окончательно всё определили по изданию его книги стихов «Петровская тетрадь». Я уж и своё предисловие к ней в интернете выставил.

У Офитова оставил экземпляры «Вертикали. XXI век» (№ 52) для Российской книжной палаты. Вместе с Николаем Викторовичем и в библи-

отеку имени Ф.М. Достоевского на Чистые пруды отправились.

Как она хороша, современна, удобна для читателей стала. Большущие, чуть не во всю стену окна, разделяют пространство залов библиотеки (их три — главных для читателей) и тротуар улицы, по которой идут прохожие. На улице морозно, бело от снега, а тут, в царстве книги (по всем стенам до потолка стеллажи с ними) тепло, уютно от мягкого света, за большим столом сидит молодёжь с компьютерами.

На вручение премии Ф.М. Достоевского пришли два лауреата (о. В. Чугунов и А.Ю. Убогий) и три зрителя (я, Владимир Щукин и В.П. Смирнов). Но, как мне показалось, отца Владимира это нисколько не смутило. Он установил камеру и с энтузиазмом рассуждал о том, как книги лауреатов теперь, благодаря итальянским издателям, «будут распространяться по всему миру».

Долго говорил (почти прочитал лекцию) Владимир Павлович Смирнов.

После пошли в пивной ресторан отмечать свершившееся событие. Андрей Убогий — врач по профессии — довольно молчалив, в общении приятен.

Разошлись чуть не к полночи. Офитов (не пил и не ел) утомился, меня дожидаючись. Уже на Чистых прудах обогнал нас прихрамывающий Андрей Убогий.

15.02. Уже в метро и по дороге в ЦДЛ начали встречаться наши писатели, спешащие на съезд.

Зарегистрировались и мы с Чугуновым, получили временные удостоверения и мандаты.

Вёл съезд Н.Ф. Иванов. Процедурные вопросы решал энергично, и всё равно времени на них угробили много. Разочаровали меня прения (до обеда, пока я был в зале) — суть их даже не буду пересказывать. Всё сводилось к местно-административным делам. Кого на местах власти поддерживают, кого нет. И никаких творческих, мировоззренческих проблем у «мастеров пера» не возникает.

Только в зале узнал, что по предложению советника по культуре Президента РФ Толстого на должность председателя Союза писателей России выдвигается и кандидатура Сергея Шаргунова. Мне кажется — это разумный вариант. Писатель уже известен, довольно молод, набрался опыта в организационной работе, депутат Государственной Думы (тут важнейший административный ресурс).

Но в итоге кандидатура Шаргунова не прошла. Подавляющее большинство проголосовало за Иванова. Сергея избрали ничего не значащим сопредседателем. Возможно, это для Союза писателей упущенный важнейший шанс.

На коляске ввозили, увозили и вновь ввозили за стол президиума В.Н. Ганичева. Ну, что тут скажешь — время, не весёлое это всё зрелище. В своём слове (тихом, с трудом различимы отдельные фразы) Валерий Николаевич несколько раз повторил: «укатали сивку горки» и «мы ещё поработаем». Руки при этом трясутся, подпрыгивая над столом.

С необъяснимой скукой в сердце отправился я в Смоленск. В чём тут дело — не знаю. Когда позвонил отец Евгений Юшков (я сидел в зале ожидания на Белорусском вокзале) — даже он заметил моё подавленное состояние.

— Да, что-то не масленичное у тебя настроение.

Но в поезде потихоньку дурное состояние развеялось, и уже в Смоленске я был искренне рад увидеть встречающего меня Володю Макаренкова.

16.02. Владимир энергичен в своей деятельности, даже кипуч. Пока ездил на вокзал встречать Бориса Лукина, мы с журналистом местного «Радио России» записывали интервью для его передачи. Говорил я довольно откровенно, по многим вопросам наши оценки с ведущим совпадали.

Награждение премией имени Н.И. Рыленкова прошло в Центральной городской библиотеке. Мне и тут пришлось «произносить речь» перед пришедшими старшеклассниками. Но говорил, как сам чувствую, не совсем удачно. А вот Лукин молодец, заставил аудиторию себя слушать. Читал отрывки из моего очерка «Путешествие к мечте», делал свои выводы — в общем, произнёс конспект готовой статьи. После ещё успел и о своей антологии рассказать, тома которой привёз для библиотеки.

Культурное же сообщество города эта акция почти не заинтересовала. Было два-три писателя, местный певец-композитор, всё жалующийся на отсутствие внимания в Смоленске к его творчеству. А он и гимн для города написал, и много другого чего сделал…

Как всё это похоже на то, что слышал я множество раз в Нижнем Новгороде, да и в других городах России.

Хорошо, что после церемонии награждения заехали на городское Братское кладбище, положили цветы на могилу Николая Ивановича, к талантливо выполненному скульптором надгробью.

— Он именно таким был, как на этом барельефе, — подтвердила Ирина Николаевна, дочь писателя.

После гуляли по центру города сначала с Макаренковым, затем с Лукиным. Посмотрел памятники, прошёл у фрагментов Кремлёвской стены. Во все времена непростая судьба была у Смоленска. Ещё государь Алексей Михайлович отбил его у поляков. А после — кто только ни стирал его с лица земли — французы, немцы. И как же по-варварски вели себя на русских просторах представители «цивилизованной Европы». Непременно им нужно было всё сжечь, взорвать — особенно при отступлении.

Мстительны и невежественны полководцы «высшей расы». Следы пребывания поляков в городе остались в виде большого католического собора и польского кладбища вблизи его.

Успели с Борисом (немного стали замерзать, а коньяк во фляжке закончился) посидеть в зале центральной почты. Колонны, лепнина на потолке, люстры — всё образец позднесталинского величественного стиля.

Ужинали у И.Н. Рыленковой в довольно тесноватой квартире трёхэтажного дома послевоенной постройки. Много книг в шкафах и на стеллажах. Кабинет писателя и вовсе сплошная библиотека. Из мебели только диван, кресло, письменный стол со стулом. Кого только в этих стенах не было. А сколько было всего написано!

Вечер удался. И не то чтобы случился уж очень интересный разговор. Этого всё-таки не было. Но тёплое, располагающее хлебосольство меньше ли дорого человеческой душе, чем умные разговоры.

Возвращались к Владимиру домой пешком по запорошенному снегом Смоленску. Он нам ещё и о местных достопримечательностях успевал рассказывать, встречавшихся на пути, — от тюрьмы до мастерской знакомого скульптора.

17.02. Весь день в поездке. В первую очередь посетили во Флёнове усадьбу М.К. Тенишевой, здание её Сельскохозяйственной школы для крестьянских детей (в этом музее мемориальных экспонатов немного — разве что балалайки, расписанные С.В. Малютиным и М.А. Врубелем — «Змей Горыныч» и «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» — для оркестра балалаечников М.К. Тенишевой). Тут больше всего восхищает идея, ради которой княгиня Мария Клавдиевна положила столько сил и средств, из-за чего привлекла в своё имение стольких замечательных людей. Здесь они жили, творили, передавали своё мастерство детям крестьян.

На первый взгляд может показаться, что всё это барская потеха. Может, оно отчасти так и было. Но ведь и семена разумного эта «потеха» непременно сеяла, «пускала по ветру» на просторы великой империи. Понятно, что после революции эта школа не уцелела в отличие от чудной красоты «Терема». Тут и здание затейливой сказочной архитектуры сохранилось, и экспонаты оказались не разграбленными. Их перевезли (поначалу) в старинное здание (в Смоленск) музея «Русской старины»,

в котором и княгиня хранила свою коллекцию. Частично после их вернули в «Терем». Это был гостевой дом в усадьбе Тенишевой, в котором жили Игорь Стравинский, Николай Рерих, Сергей Константинович Маковский.

Среди выставочных экспонатов: керамические ковшики в «русском стиле», созданные самой Марией Клавдиевной, мебель и утварь, выполненные С.В. Малютиным, А.П. Зиновьевым и самой хозяйкой; невероятной красоты портал «Георгий Победоносец» работы М.К. Тенишевой (дерево, эмаль). Это поизведение фашисты упаковали к вывозу в ящики, но не успели отправить. Потерянными оказались только створки ворот. Тут же эскизы церкви Святого Духа, выполненные М.А. Врубелем, ну и множество других замечательных экспонатов. Экскурсовод предупредила (когда поднималась на второй этаж Терема), что резные перила, как и большей частью всё в доме, подлинные.

— Представляете, за эти перила держался Стравинский, — с восторгом сказал Лукин, и мы как по команде все до них дотронулись.

Церковь Святого Духа — особое сооружение. Расписывал её внутри (алтарную часть) Николай Константинович Рерих в 1908-1914 годах. Теперь фрески утрачены, но сохранилась фотография, где главенствует непривычное, странное изображение Богородицы. Да и изображения апостолов библейских сюжетов абсолютно нам непривычны.

Церковь не была освящена. Революционные события поставили крест на её строительстве. Но и сейчас огромная мозаика Спаса Нерукотворного над западным входом поражает и своими размерами, и выразительностью, и искусством воплощения, исполнения.

Далее нас (Рыленкову, Лукина и меня) Макаренков привёз на хутор Загорье — родину А.Т. Твардовского. Глухое место. Заснеженные поля и перелески. Занесённые снегом небольшие деревни, плохо очищенная просёлочная дорога.

В музее нас ждали, встретили приветливо — домашним салом и блинами.

Конечно, вся усадьба Твардовских — новодел, воссоздана на прежнем, историческом месте благодаря памяти младшего брата поэта. Но земля-то та же самая, прежняя. Да и мебель воссоздана Иваном Трифоновичем Твардовским та, что и использовалась в семье. Так же, как и все постройки — двор, сеновал, колодец, баня, кузница. Всё это даёт возможность ощутить тот мир, в котором зародилась поэзия будущего автора «Василия Тёркина». И фотография (военная) Твардовского, где он запечатлен у единственно сохранившегося обгорелого столба или иное — всё, что осталось от его дома, от хутора, в котором жила их семья, здесь производит совершенно особое впечатление на зрителей — как нигде.

18.02. Рано утром уезжаем из Смоленска. Переезжая через реку по мосту — мысленно попрощался с Днепром. Неширок и мелок он здесь, не судоходен, а всё ж требует уважительного отношения к себе.

В Москве слякотно. Снег после обильного снегопада убран плохо, но всё равно от Белорусского вокзала до Красной площади пошёл пешком. Хотелось прогуляться после поезда. К тому же вечером по приглашению Землячества предстояло идти на концерт.

С хорошим настроением дошёл до метро «Площадь Революции». Николай Викторович дома меня ждал — приготовил обед. Пока я перекусывал, делился впечатлениями от прошедшего писательского съезда. Он там был, как я понял, с Аршаком Тер-Маркаряном. Ну, да это всё суетное, проходящее. Всё схлынет и забудется.

На Кузнецком Мосту в Центральном доме работников искусств юбилейный концерт полусамодеятельной певицы. Одно достоинство — поёт некоторые хорошие песни русских композиторов. Во всём же остальном — никаких достоинств.

Грустно — и в этом, некогда знаменитом центре столичной интеллигенции витает дух опустошения, упадка, угасания и разрухи.

19.02. Измайловский парк утопает в белом. До поезда времени достаточно, чтобы тут побродить по тихим, немноголюдным дорожкам. После столь суетных дней хочется этого спокойствия. Будто сам себя останавливаю, притормаживаю, успокаиваю что-то внутри себя.

С этим же чувством и в Нижний Новгород возвращался. Отрываясь от книги, смотрел в окно и всё любовался на то, как сугробисто лежит снег на лапах елей, даже на обнажённых ветвях лип и тополей, пока сумрак не сделал всё густонеразличимым.

21 февраля

Приходил И.К. Кузьмичёв. Наговорил много хороших слов о мною написанном, и в итоге сказал, что хочет написать книгу о моём творчестве. Уже сидит в областной библиотеке, подбирает материал. Но, как оказалось, не все из моих книг там есть (во всяком случае, в свободном доступе). Подобрал и отдал Ивану Кирилловичу десять своих книг от «Сопротивления нелюбви» до «Лестницы». Тяжеловатым получился пакет, но профессор убедил меня, что это ничего, он живёт недалеко, на Ковалихе (а это вверх в гору через Кремль!), и потому без труда донесёт книги до дому.

Мне показалось, что ему не терпится поскорей углубиться в чтение, потому и поторопился домой. Всю жизнь Кузьмичёв посвятил книгам. С ними же и заканчивает свой земной срок. Для него читать — как дышать. Может, поэтом и ум ясен, и жизненная энергия ещё не иссякла.

Я понимаю — никакой книги он не напишет. 95 лет — не возраст для больших начинаний. Но я рад, что мои книги пробудили в Иване Кирилловиче импульс к работе, творческий азарт. Может быть, их чтение скрасит последний срок его жизни. Дай-то Бог!

2 марта

Вот уже несколько дней с левого берега Оки на правый перехожу по льду. Морозы впервые за много лет сковали реку, и наши предприимчивые люди быстренько натоптали по льду тропинку от Стрелки до улицы Рождественской. В этом месте, где впадает Ока в Волгу, русло реки очень широкое, но его разделяет (примерно с одной стороны треть, с другой стороны две трети) остров, и потому снежная ширь не так пугает своей бескрайностью.

Мне кажется, что последний раз я ступал на лёд в этом месте лет двадцать назад, или даже больше — году в 1995-м. Тогда зима была необычайно снежной, морозной, а в моей жизни шла такая ломка, что не дай Бог подобное пережить заново. Вот тогда в один из выходных (ярких, солнечных) я взял с собой дочурку и пошёл с ней к реке. Спустились с Таней на лёд, подходили к рыбакам, сидевшим у просверленных лунок.

Помню, прогоняя жуткую тоску из сердца, начал сочинять в уме какой-то рассказ, который потом так и не написал. Спасало меня от гибельного уныния, поддерживало то, что рядом была дочурка, которая всё мне что-то говорила, о чём-то рассказывала…. Всё это происходило в разгаре дня, так же ранней весной…

Но вот чтобы идти по реке поздним вечером — подобное со мной случалось только в детстве. И вот теперь…

Иду по льду мимо мостовых опор — невероятно громадных, если смотреть на них отсюда, снизу, из подбрюшья конструкций. Центр города — а ощущение жутковатого одиночества. Взвизгивает под ногой утоптанный снег. Когда идёшь не по тропинке, он, напротив, рассыпчато шуршит.

Остановился на фарватере, озираясь по сторонам.

Сотни метров до берегов — и ни души. За Волгой, с малым добавлением белого, непроглядное морозное марево. Очертания берегов не видно. Склоны справа и слева залиты точечным светом фонарей. По мостам едут машины, взблёскивая фарами между дорожных столбов. Но вся

эта городская жизнь, хоть и рядом, но мне, стоящему здесь на льду, кажется, что невероятно далека от меня, что мой удел — вот это ощущение холода, безбрежного белого пространства и одиночества.

Под моими ногами невероятной силы течение несёт холодную воду. Для человека — это гибель. И от этой гибели меня отделяет (сантиметров двадцать — не больше) толщина льда. Больше ничего.

Никого вокруг. Только одна моя одинокая жизнь…

6 марта

Написали мы со Станиславом Смирновым письмо на имя нового главы города Владимира Панова с предложением (от Топонимической комиссии при Нижегородской областной организации СП России) на старинных улицах города разместить двойные таблички, где бы, кроме теперешнего её названия, указывалось и прошлое, досоветское. Одна местная газетка (не думаю, чтобы по собственной инициативе) напечатала заметку (без указания автора), где перечень (наш) двойных названий улиц опубликовала с предложением к читателям высказать своё мнение, позвонив в Союз писателей. Тут же и номер телефона поместили.

Я об этой публикации узнал именно из звонков (их было два). Один хамский, другой убогий по своим взглядам на историю города. В общем — оба неприятные. Но вот по этому же поводу позвонил парень из какого-то интернет-агентства, попросил о встрече. Хочет написать о поднятой нами теме статью. На сегодня пригласил его в Союз писателей. Приехали двое (второй с камерой — снимал непрерывно) — не грубые, но и особой вежливостью не отличающиеся. Тот, кто расспрашивал меня, довольно странного вида — в мочках ушей дырки, в которые вставлены пластмассовые кольца, на голове причёска торчком, волосы выкрашены в неестественно-рыжий цвет.

Но, как оказалось (с его слов) — это он организовывал митинги против сноса металлических конструкций пакгаузов на Стрелке (чем сразу меня к себе расположил), а теперь занимается информационными делами при поддержке нового мэра.

Рассказал парню о сути нашего предложения, о том, что история города не может замыкаться только последним столетием — она намного шире.

Вообще-то паренёк был довольно скучен, не внимателен, в задаваемых вопросах поверхностен. Хотя главным в этой встрече было иное — общение с поколением людей, для меня совершенно неведомым, будто мы живём в разных эпохах, нас разделяют столетия. При этом мы живём в одном городе, ходим по одним улицам, но пребываем в совершенно разных информационных пространствах.

У меня в кабинете при нашем разговоре был скрипач Евгений Анатольевич Андрианов—готовили программу его юбилея. И я подумал — а в каком же отдалении эти парни находятся от него, восьмидесятилетнего?..

Звонил И.К. Кузьмичёву, чтобы пригласить на встречу с Шиховым у нас в Союзе писателей. Тот, взяв телефонную трубку, рассмеялся.

— Чего это вы, Иван Кириллович?

— Да я ведь с вами и не расстаюсь, — ответил профессор, имея в виду, что читает подаренные мною книги, думает об их содержании. Но завтра пообещал быть.

7 марта

Вечера Шихова не получилось. Почти никто из местных писателей не пришёл. Потому я сразу предложил немногим собравшимся сесть за стол, выпить по рюмке и закусить. И вот тут как-то сразу разговорились. Ким Иванович подписал в подарок привезённые свои альбомы, А.В. Мюрисеп прочитал посвящённое Шихову стихотворение Юрия Адрианова по приготовленному мной для этого прежнему альбому художника (издан в 2007 г.). После А.А. Абрашкин прочитал своё стихотворение, на-

веянное посещением мастерской Шихова — так в спокойном общении и досидели сначала до сумерек, а потом и до темноты.

Пить почти не пили, разговаривали о взаимно интересующих нас предметах. После у меня в кабинете и вовсе остались втроём — я, К.И. Шихов, А.В. Мюрисеп. И вроде бы никто не оказался разочарован этой встречей. Только жаль было видеть, как резко сдал Ким — побледнел, осунулся. Проводив его на остановку, пошли с Мюрисепом к Речному вокзалу — по продуваемой холодным ветром Нижне-Волжской набережной. И там пришлось постоять — пока прощались.

В этот вечер вновь одолела меня (мою душу) смута — чувство обширной и неконкретной вины. О чём бы ни вспомнил, не подумал — во всём выходило, что я виноват: в поступках, высказываниях, в общении с близкими и дальними, случайными знакомыми. Всё было неправильно, не так. Всем я нанёс какую-то рану.

Но я и сейчас не знаю, как жить так, чтобы было правильно. Чтобы и другим в помощь, и себе в душевное утешение. Может быть, в этом и кроется главная тайна человеческого существования, его бытия…

12 марта

Читал прозу Бориса Константиновича Зайцева («Аграфена», «Голубая звезда», рассказы), потом мемуары («Москва»), и вот в последних, в статье «Леонид Андреев» наткнулся: «И если не захватил друга из юности, то нового не жди; да и старого-то не удержишь. И не случайность для меня, что кончилась моя дружба с Горьким — все писатели дружат в юности, а со зрелостью приходит к ним неизбежное одиночество. Так оно и надо, пожалуй». (Это из письма Андреева Зайцеву от 23 июня 1911 года.)

Насчёт писательского одиночества — тут не поспоришь. А вот насчёт дружбы, или, лучше сказать, близких приязненных отношений, то у меня иной жизненный опыт. И почему-то одаривают меня этим чувством чаще всего люди намного старше меня самого. Так происходило почти всю мою сознательную жизнь. Тут можно многих вспомнить — от В.А. Николаева до О.Н. Шестинского.

Да вот и И.К. Кузьмичёв сегодня позвонил:

— Вы своими книгами меня ошеломили. Я нахожусь просто под огромным впечатлением.

Такие слова услышать от нашего прославленного филолога — дорогого стоит. И уж пусть лучше позже, чем никогда. (Это я отвечаю на реплику Ирины о том, что слишком поздно они — Шестинский, Кузьмичёв — меня узнают.)

По телевидению услышал любопытную информацию — с 2004 года Пентагон в Ираке потерял сожжёнными более 80-и танков «Абрамс» (как они всегда утверждают — это лучшие танки в мире). Их уничтожили выстрелами ещё из старых, советских противотанковых гранатомётов.

16 марта Богородск

Поддался на настойчивые приглашения Виктора Александровича Гурьева и приехал в Центральную районную библиотеку на представление книги «Максим Горький и писатели провинции». Гурьев — её составитель. В архивах выискал много всяких документов, связанных с жизнью местных писателей, кто как-то соприкасался с Горьким: Ф.А. Желтов, А.А. Белозёров, Н.И. Новиков, Н.С. Власов-Окский.

Устроил Виктор Александрович длиннющий доклад. Впрочем, это беда всех краеведов. Любят они о своих архивных изысканиях рассказывать подробно, с «погружением» в тему. Я несколько утомился, слушая о том, кто где что напечатал, где жил, откуда и кому писал письма. Подозреваю, что и старшеклассникам, пришедшим на встречу, не всё было интересно, понятно в изложении краеведа. Потому в своём выступлении больше говорил именно о Горьком — его прозе, драматургии, публицистике.

Зал ожил, первые ряды удовлетворённо закивали головами, соглашаясь с моими оценками и замечаниями.

Уже после одна экзальтированная дама подошла меня благодарить с такими словами: «Меня и сейчас шатает от ваших слов. Такая в них энергия».

Но вообще Гурьев в районе делает большое дело. Им подготовлена и издана целая серия книг перечисленных мною писателей (все они были выставлены). В Николая Степановича Власова-Окского он просто влюблён. Вот недавно напечатал найденный в архиве его неоконченный роман. (Ещё раньше Виктор Александрович мне эту книжку передал, я её полистал — слабое произведение, но всё же… вот не пропало.)

На обратном пути с Виктором Сидоровым заехали на источник в Сартаково.

Тихо, пустынно, только утки вольно разгуливают у водоёма, совершенно не боясь людей. Даже с тропинки не сошли, когда мы проходили мимо. И сразу думается о чём-то вневременном, вечном.

21 марта

В Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки А.В. Мюрисеп с симфоническим оркестром подготовил представление комической оперы Моцарта «Директор театра». Сам этого самого директора и сыграл. Поскольку действие оперы небольшое (Либретто Г. Стефани в переводе М. Павловой. Сценическая редакция нашей консерватории), вставили в представление и выступление оркестра с двумя произведениями. Получилась как бы репетиция перед директором, который набирает новую труппу.

Слушая оркестр, отчего-то так ясно вспомнил, как ходил с Наташей на её выступления в музыкальную школу (это на улице Советской). Как она, крохотулька стоя на сцене в синем бархатном платьице, пиликала что-то на скрипке. Или как я однажды опоздал, чтобы её в эту школу проводить. Тороплюсь по Совнаркомовской, а она идёт мне навстречу — маленькая, в чёрной цигейковой шубке, тащит два огромных чехла — в одном скрипка, в другом гитара… Вспомнил это всё, слушая оркестр, и так защемило сердце — аж до внутренних слёз. И ту маленькую дочурку жалко, и безвозвратно ушедшее время, и раскаяние за свою тогдашнюю беспечность давящим камушком лежит на сердце.

А Наташа в это время (уже взрослая, с мужем) сидела на несколько рядов сзади меня. Вспоминала ли она хоть когда-то всё то, что так тревожит памятью меня?

22 марта

Долго собирался подготовить беседу для журнала с Анатолием Абрашкиным. Позвонил ему, а он всё ещё в Вене на научной конференции. Чтобы в очередной раз не откладывать задуманное в «долгий ящик» — начал писать вопросы, чтобы отправить их Анатолию Александровичу. Темы, что ни возьми, за один раз неохватные. Но попробую как-то свои вопросы оформить, чтобы обозначить основной круг тем заочной (пока) беседы.

Написал и отправил по электронной почте.

Нижегородский государственный академический театр драмы им. М. Горького продолжает сотрудничество с московским режиссёром Аллой Решетниковой. На этот раз она сделала инсценировку двух старых рассказов Виктории Токаревой («Центр памяти» и «Неромантичный человек»), назвав спектакль «Параллельные влюблённости».

В основном, в постановке занята молодёжь театра, но небольшие роли есть у Тамары Кирилловой, Анатолия Фирсова, Алексея Хореняка.

Балетмейстер — Асия Горбачева. Отмечаю это специально, поскольку, как мне кажется, постановки нашего театра всё больше и больше начинают напоминать представления мюзик-холла — много беготни, шума, крика… ну и танцев, склонных всё больше к показной эротике.

Действие рассказов происходит в деревне (где деревня и где Токарева!). Много в них всего смешного. Но юмор как бы наднационального свойства, и потому было в нём что-то искусственное, для русского уха не восприимчивое. Впрочем, сидевшие рядом со мной профессора-филологи Фортунатовы спектакль воспринимали вполне доброжелательно. Да и директор театрального училища Леонид Александрович Чигин (он был по левую руку от меня) оценил постановку высоко. Попутно договорились, что покажет он мне свою прозу — некие сценки влюбчивого Дон Жуана.

Но возвращаясь к «Параллельным влюблённостям» — мне показалось, что в действии явно ощущается не драматургия, а проза. Не знаю — хорошо это для режиссёрского замысла, или плохо. Вообще главное, чтобы зритель эмоционально откликался на происходящее на сцене. И всё-таки — уж очень далека по времени та действительность, о которой рассказано в произведениях Токаревой. Всё другое — житейские проблемы, социальные оценки поступков, наконец, главные устремления героев. Разве что любовные перипетии неизменны.

25 марта

Позвонила Татьяна Антипова, сообщила, что умерла Мария Арсентьевна Сухорукова. Нелёгкая жизнь досталась этому поэту. В Волгограде совсем раннее (ещё девчонкой) супружество с поэтом Фёдором Григорьевичем Суховым. С его стороны, судя по оставленным его стихам, это была сильнейшая страсть. Разность в возрасте огромная. Но думаю, это же привело к дальнейшему их разрыву, когда жили уже здесь, в Лыскове. Я с большим опозданием узнал о случившемся конфликте (всегда был далёк от писательских склок и сплетен) — когда ко мне в редакцию пришла дочь Сухова Елена, принесла копии всяких документов и заявлений (Сухов писал в милицию, что Мария его избивает, что он не признаёт своим сына Марии, что та обманом и без его согласия зарегистрировала их брак в ЗАГСе и прочее).

Я не влез в эту склоку и тогда, когда стал председателем областной писательской организации, хотя Елена вновь приходила, возмущённая публикацией воспоминаний Марии о Сухове. Предлагала, чтобы правление приняло какие-то меры против автора.

Всё время были у нас с Марией Арсентьевной ровные, доброжелательные отношения. Но не близкие. Стихов я её, можно сказать, что не принимал. Слишком мало в них поэзии, но много риторики, лозунгового крика. Да и написала она их невообразимо много — каждый год выпускала по здоровенному тому. Но публично её поэзию я никогда не критиковал (каждый в литературе делает то, что считает нужным), от недоброжелателей защищал…

Последний наш разговор произошёл (по телефону) недели две-три назад. Повод — публикация отрывков из моего дневника в альманахе «Арина», где слово «академик» (относящееся и к ней, и к Скатову) я взял в кавычки. Сухорукову это обидело.

Я думаю — все склоки тут поднял Скатов. Он звонил многим, истерически возмущался, говорил в мой адрес всякие гадости. (Даже Коломийца пытался наставить на «путь истинный».) Жаль, что так немирно закончились наши земные отношения. Хотя — кто знает, как они закончились. Тогда в словах Марии было только сожаление — и не более. А позже нам ни повидаться, ни обмолвиться словом не пришлось. Любителей же ссорить людей, раздувать скандалы во все времена было предостаточно. Во всяком случае, я не забуду, что со слов Марии Арсентьевны каждый день во время молитвы она поминает меня с Ириной и детьми, а когда бывает в монастырях, то вписывает наши имена в подаваемые ею записки. Сухоруковой прошлым летом исполнилось 65 лет.

26 марта

В городе готовятся к юбилейным торжествам в честь 150-летия М. Горького. Мне дважды пришло приглашение быть в качестве «почётного гостя» от местного министерства культуры, беспокоились и приглашали из музея Горького, недавно пришло дополнительное приглашение по тому же поводу от врио губернатора Г.С. Никитина.

Из министерства попросили что-то сказать на торжестве. Я не знаю — придётся ли, весь план выступлений могут ещё не раз переиначить, но своё краткое слово на всякий случай подготовил.

«Да, временами лихой мы народ. Кого только не сбрасывали с корабля современности. Сначала А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, заменив их Максимом Горьким и Алексеем Толстым. Затем (в очередные времена реформ) «сбросили» и их, утвердив на их место Василия Васильевича Розанова и Михаила Афанасьевича Булгакова.

Слава Богу, что теперь мы поняли: вся русская литература — это единое великое целое, великое достояние мировой культуры.

Слово — вечно. И русская литература пребудет вечно, до скончания веков. Это некая цепочка, тянущаяся из бесконечности в бесконечность. И Алексей Максимович Пешков — Максим Горький необходимое, неотъемлемое звено в этой цепи. Потому я и поздравляю всех нас с его юбилеем. С юбилеем великого русского писателя.

Для меня такая оценка его творчества несомненна».

А в России опять беда. В Кемерове в огромном торговом центре в пожаре погибли десятки людей. Пока говорят о 64-х, среди которых много детей. Но и эта цифра не окончательная.

Из международных новостей — вслед за Великобританией (выслали 24 наших дипломата), то же сделали США (60 человек) и почти все страны Евросоюза. Всего более ста дипломатов покинут российские загранучреждения. Все это из-за продолжающихся обвинений России в отравлении Скрипаля (химическим оружием) — бывшего агента, работавшего у нас на спецслужбы Запада.

Что-то невероятное происходит в отношениях США, Европы и России. И чем всё закончится — неведомо. Ясно одно — теперь нашей стране ни на какие уступки идти нельзя. Иначе гибель.

28 марта

Площадь М. Горького. Утро. Назначено возложение цветов к памятнику писателя. Всю свою сознательную жизнь я любуюсь этим замечательным творение Веры Игнатьвны Мухиной. В отличие от современных памятников, где в бронзу переводят известные фотографии знаменитых людей, тут Горький-символ, Горький-трибун — грудь открыта ветру, взгляд устремлён в будущее, за Волгу…

Народу набралось много. Толпа. Все ждут приезда главных гостей. Они и прибыли. Вслед зарубежные гости — всё больше китайцы, но были и другие, европейцы. Выступил губернатор Г.С. Никитин. На вид Глеб Сергеевич интеллигент («очкарик») семидесятых годов прошлого века. Говорил хорошо, неравнодушно, да, к сожалению, всё больше общими фразами. За ним руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Вадимович Сеславинский, кто-то из рода Пешковых (бывший дипломат) и, собственно, всё. После понесли по красной ковровой дорожке, постеленной на снегу, цветы к гранитному подножию памятника. Я выждал, пока толпа схлынет, и спокойно, в одиночестве подошёл к монументу. Положил свою гвоздику и посмотрел вверх. Ведь только в такой день мы и подходим вплотную к памятнику.

Холодно. Солнечно, но ветер просто ледяной, обжигает. Быстрым шагом по Большой Покровской спустился к Кремлю в Художественный музей. Тут открытие выставки «Кому нужен Горький?» из фондов, которые

редко тревожатся. В двух небольших залах на втором этаже, где традиционно проходят камерные выставки «к датам», показаны несколько живописных полотен, акварели интерьеров московского дома Алексея Максимовича (особняк Рябушинского), 13 рельефных композиций (бронза, литьё, патинирование) Сергея Борисовича Малькова.

Живопись любопытна тем, что это всё для зрителя в новинку. В центре на главной стене большое полотно А.И. Кириллова (1918-1997) «А.М. Горький читает пьесу «На дне» артистам Художественного театра в 1902 году» (1949 г.).

У входа справа портрет «Портрет А.М. Горького» (1930-е г.) Л.А. Хныгина (1882-1969). Это произведение выставлялось сразу после его создания, но публике такой Горький не понравился, и по её требованию картина перекочевала в запасники музея, где и хранилась до сегодняшнего времени. Теперь несколько отреставрированную картину вновь показали. На ней Горький уставший, «трагический», не парадный.

Впервые выставлено полотно В.Л. Мартынова (1888-1971) «Проект памятника Горькому» и В.П. Ефанова (1900-1978) «Сталин у постели больного Горького». Проект грандиозный. По задумке художника огромный монумент должен был возвышаться над откосом (где теперь установлен памятник сидящего Горького, смотрящего на Волгу — его перевезли из Зелёного города и я помню, как ребёнком, когда был в пионерском лагере, лазил на колени бронзовому писателю), вниз спускается парадная широкая каменная лестница (что-то на подобии теперешней «Чкаловской»). Ни монастыря, ни прочих старинных зданий улицы Рождественской сохранять, по замыслу художника, не предполагалось.

К картине о Сталине дано разъяснение, что посещения вождём больного Горького действовало на писателя благотворно. На некоторое время тот ободрялся, Алексею Максимовичу становилось лучше.

Любопытная и даже несколько неожиданная выставка.

Главное торжество дня прошло в нижегородском государственном академическом театре драмы им. М. Горького. Вновь те же выступающие, к которым добавились некоторые столичные театральные знаменитости, которым о творчестве Горького сказать было совершенно нечего. (Вообще я удивляюсь, как подобные знаменитости всегда плохо, неинтересно говорят по любому поводу. Так — долгий пустой трёп с бесстыдным самолюбованием. Мол — будьте счастливы тем, что я перед вами стою.) Вся их пустопорожняя (заранее извиняюсь за такую резкость) болтовня сводилась к рассказу о себе и Горьком, который при них — играли в его пьесах, читали в детстве его книги…

В отличие от этого концертные номера оказались хороши — вокальные, танцевальные («Песня о Буревестнике»), чтение рассказа («О первой любви»).

За весь день торжеств ни одному писателю не было предоставлено слово. Будто местные руководители всё никак не могут наговориться. По каждому поводу стремятся на сцену. Даже в такой день, когда (на мой взгляд) в первую очередь должно звучать писательское слово. Впрочем — это всё показатель места русской литературы в современном общественном сознании. Такова ценность её в глазах власть держащих. А будет ли у неё другая оценка, если так относиться к книге и слову?

Тут невольно пришлось вспомнить 2013 год. Тогда на площади Горького нас собралось немного. И из администраторов приехал только мэр города Олег Сорокин (ныне находящийся под следствием, и потому заключённый под стражу в следственный изолятор), остальное говорили писатели. Запись об этом у меня наверняка сохранилась в дневнике. Вот и подумаешь — может, это и хорошо, когда власть относится безразлично к вопросам культуры. Тогда она, культура, имеет хоть какую-то возможность на существование, на разговор с читателем, зрителем, слушателем. Иначе ведь всё загубят, засыпят дустом пустословия, формализмом отмечания юбилейных дат.

Между посещением выставки и торжества в театре драмы успел переписать и подготовить предисловие к книге о. Евгения Юшкова «Община».

30 марта

Россия ответила всем странам, выславшим наших дипломатов, высылкой из Москвы 60 человек из посольства США (закрыто и их консульство в Санкт-Петербурге), ну и далее по списку всех европейских стран.

В Союз писателей приходил Павел Кренёв (приехал для участия в Горьковском фестивале, и вот под конец, перед отъездом, заглянул ко мне), вместе с Коломийцем просидели с ним до позднего вечера. Говорили большей частью так, ни о чём конкретном, вспоминали детство (каждый своё), свои литературные труды, общались мирно, без споров и, выпив по рюмке водки в кафе в башне Кремля, разошлись.

Я ещё проводил Павла Григорьевича до гостиницы «Октябрьской» на Верхне-Волжской набережной. Тут и коснулись несколько обстановки на Комсомольском проспекте, 13 после прошедшего съезда. Оказывается, В.Н. Ганичев стал председателем Высшего творческого совета, который, как мне кажется, фактически не существует.

Звонил из Смоленска Евгений Самоедов («Радио России»). Оказывается, передача с моим участием вышла в эфир только сегодня. Ссылку в интернете он мне выслал. Вернувшись домой (от «Октябрьской» до дома через Почаинский съезд шёл пешком — мороз сковал ледком растаявший на тротуаре снег, он хрустел громко, стеклянисто, лопался под ногой), прослушал передачу. Великолепная работа интервьюера — много ссылок на книгу «В предчувствии апокалипсиса», цитат из неё, из «Искры потухающих костров»…

Я поначалу говорил плохо, не очень складно, но далее разошёлся, и так получилось, что довольно много рассказал о себе, чего не делал в других интервью.

В этой же передаче Боря Лукин говорит обо мне добрые складные слова.

Надо будет написать Евгению, поблагодарить.

31 марта

Концерт Евгения Анатольевича Андрианова у нас в Союзе писателей. Скоро музыканту 80 лет, и он решил отметить предстоящую дату так творчески. Аккомпанировала (и вела концерт) на привезённом электрическом пианино Наталья Геннадьевна Горшкова.

Скрипач, по всеобщему мнению, в этот вечер был в хорошей форме. Я обзвонил с приглашением наш круг художников и писателей. Все пришли, потому и застолье в зале прошло дружно, с хорошими тостами, с размышлениями о значении творчества, искусства в нашей жизни.

Замечательно выступил Иван Кириллович Кузьмичёв. Как же глубок и искренен наш 95-летний профессор в своих размышлениях, оценках, обобщениях. Всех восхитил своей речью (а был с нами Кузьмичёв до самого окончания застолья). Я впервые слышал от него воспоминания о военной юности. Когда Ивана взяли на фронт (Кузьмичёв 1923 года рождения), ему было всего восемнадцать лет. В Донбассе у Саур-Могилы чудом спасся.

Перед концертом Иван Кириллович показал мне набросок титула книжки, задуманной обо мне, спрашивал, где можно больше узнать о моём детстве. Назвал ему «На острове» (там отрывок есть о Сибири) и «Староярмарочный собор» (это ярмарочные воспоминания). Тут, к слову, вспомнил и о радиопередаче. Дал свой электронный адрес для связи и пообещал, что если его сын напишет, то я вышлю ссылку. Там я тоже кое-что рассказываю о своей прошлой жизни.

А.М. Коломиец, приехав из Москвы, с коллегии министерства природных ресурсов РФ, передал «большой привет» от В.П. Полеванова. Алексей Маркович там его увидел, подошёл познакомиться, ну и невольно разговор коснулся «Вертикали. XXI век», меня.

В России произведён очередной испытательный запуск межконтинентальной боевой баллистической ракеты «Сармат». Её вес — 200 т. Поражает любую точку на планете, летя хоть через Северный полюс, хоть через Южный. Оружие страшной разрушительной силы. Но, судя по сегодняшней ситуации в мире, без него не обойтись.

И тут вновь возвращаюсь к разговору с Павлом Креневым (да и не только с ним в последнее время об этом говорили) — убедительнейшая победа В.В. Путина на прошедших президентских выборах (76% голосовавших отдали свои голоса за него) говорит о том, что люди ждут перемен в социальной политике государства. Растерявшиеся во время ломки СССР отцы ушли. Их дети не желают более терпеть той несправедливости, что творит сегодняшнее правительство. Страх к возврату 90-х годов прошлого века (к той нищете, бесправию, грабежу) изжит. Теперь общество наполнено ожиданием перемен к лучшей жизни. И ожидание это (несмотря на столь явную поддержку В.В. на выборах) на пределе. У Путина на изменение ситуации не годы — месяцы.

Высокий градус недовольства властью показали трагические события в Кемерове — гибель в пожаре людей (особенно детей) немедленно вывела на площадь население города. И власти пришлось к ним выйти, объясняться, каяться, обещать… Прилетел и Путин.

Читаю воспоминания М. Горького о Льве Толстом, А.П. Чехове, В.Г. Короленко. Владимир Галактионович говорит молодому писателю (всё происходит в его доме на окраине Нижнего Новгорода):

«— Когда кто-нибудь немного высовывается вперёд, его — на всякий случай — бьют по голове; это изречение одного студента-петровца… Слушайте — не уехать ли вам отсюда?..

— Разве я кому-то мешаю здесь?

— Вам мешают.

Было ясно, — дальше пишет Горький, — что он верит рассказам о моём пьянстве, «оргиях в бане» и вообще о «порочной» жизни моей…

— Но ведь вы сами должны видеть, что всё это совершенно невозможно и — чужой вы во всей этой фантастике! Нет, вы послушайте меня. Вам необходимо уехать, переменить жизнь.

Он уговорил меня сделать это».

Ну и кто будет утверждать, что теперь мы переживаем (в литературной жизни) нечто новое, особенное, до нас не бывавшее? Издавая журнал и публикуя «непонятные» для большинства местных литераторов статьи (а, значит, являясь для всех них чужим), я тоже «уехал» — оторвался от их жизни и мелких страстишек, стал общаться в Москве, Санкт-Петербурге, Запорожье, Белгороде… с О.Н. Шестинским, М.И. Кодиным, В.П. Полевановым, А.В. Ларионовым, Ю.В. Бондаревым — да всех не перечислить, тех, кто наполнял в те годы мою жизнь. Потому что в местном «болоте» я непременно бы задохнулся, погиб, захлебнулся провинциальной болотной жижей, состоящей из трусости, сплетен, склок и предательства…

3 апреля

Из Международного Сообщества писательских Союзов (МСПС) прислали ссылку на свой сайт — там моё письмо (посланное Середину Владимиру Григорьевичу) с моральной поддержкой С.Ю. Куняева после обструкции того на XV съезде Союза писателей России. Кроме меня, набрали они ещё три отклика — и всё! Мало. Теперь понятна та искренняя благодарность, с которой мне ответил мой адресат. Хотя я не оспариваю итогов съезда, выборов нового председателя, а лишь ставлю нравственный диагноз произошедшему.

Середин попросил разрешения на публикацию моего письма. Я дал согласие. И вот оно появилось на сайте, будет напечатано в «Нашем современнике».

Разговаривал по телефону с Александром Ивановичем Казинцевым. Он первым делом поблагодарил за «мужественный поступок».

— Почему мужественный?

— Да другие как-то притаились, молчат. А из руководителей организаций вы один высказались.

Оказывается, в Москве продолжаются какие-то писательские революционные действия. Всё не успокоятся. Надо же — а я за этим совершенно не слежу, этим не интересуюсь.

Но до чего же мы дожили, если выступление, весь смысл которого сводится к утверждению, что хам и писатель — эти понятия не должны быть тождественны, воспринимается как мужественный поступок.

Впрочем, с Казинцевым мы говорили главным образом о предстоящей публикации (ориентировочно в № 5 «Нашего современника») отрывков из книги «Искры потухающих костров». Я предложил Александру Ивановичу сократить в тексте всё, что он посчитает нужным убрать. Но, раз в столице кипят такие страсти, сохраню-ка я в дневнике и своё письмо, и ответ на него Середина. Как понимаю — эта публикация без последствий может не остаться.

МСПС, В.Г. Середину

Дорогой Владимир Григорьевич!

Прислали из МСПС в Нижегородскую областную организацию Союза писателей России номера «Общеписательской литературной газеты». Дело хорошее. Думаю, что это произошло с Вашей подачи, с Вашего совета редакции. За что спасибо.

Жаль, что не очень отражена там жизнь наших писателей. Ну — это мы будем исправлять.

На всякий случай (если заинтересует редакцию) отправляю через Вас в «ОЛГ» отзыв о моей новой книжке и о прошедшем награждении меня за неё премией Н.И. Рыленкова в Смоленске. Но это так — к слову.

Я был на прошедшем писательском съезде, слышал и Ваше предложение, обращенное к президиуму, и выступление С.Ю. Куняева. И вот всё никак не могу освободиться от чувства разочарования в поведении некоторых наших писателей (а их числом не так уж и мало). Ну как можно было ограничивать в выступлениях, высказываниях Станислава Юрьевича? Писатель, столько сделавший в русской литературе и для русской литературы, для патриотического движения. Одно служение в «Нашем современнике» чего стоит — добывает деньги, на них издаёт журнал, где публикует произведения русских писателей, тем самым не давая затухнуть голосу русской литературы на всём пространстве необъятной России. Благодаря его стараниям в самых дальних уголках, в сельских библиотеках люди имеют возможность прочитать тексты тех самых писателей, которые сейчас не пожелали редактора даже выслушать. Неужели им было непонятно, что Куняев (к тому же и возраста почтенного) имеет право высказывать, излагать свою точку зрения столько времени и столько раз, сколько посчитает нужным. Он заслужил это своим творчеством, подвижничеством, большим административно-политическим опытом. Нет — закрикивают, затоптывают. И ведь многие авторы «НС» были в зале. Удивительно — ни доводов чужих, ни чужого мнения они не только не привыкли воспринимать, но и терпения нет их просто выслушать. Горько всё это было видеть. Кроется за этим какая-то глубинная неблагодарность, несправедливость.

Впрочем — такая ли уж эта новость для нашего литературного сообщества? Мало ли мне самому подобную «благодарность» приходилось принимать.

Вот такими невесёлыми мыслями заканчиваю я своё письмо.

Вам же товарищески жму руку. Даст Бог — ещё повидаемся. И Станиславу Юрьевичу (при случае) передавайте от меня поклон и самые добрые пожелания. Всё его читаю, люблю его и как писателя, и как редактора.

«Председатель Нижегородской областной
организации Союза писателей России,
главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»
Валерий Сдобняков
20.3.2018

Дорогой Валерий Викторович! Огромное спасибо за письмо.

Поверьте, я человек бывалый, многое повидал за годы своей издательской и литературной жизни. Но Ваше письмо меня тронуло, душевно обрадовало. Еще раз спасибо!

Я работал в СП России 10 лет. Последние четыре года представлял его в МСПС. И мне (и не только мне) было непросто выступить как бы против Союза... Хотя наша команда во главе с Куняевым выступала именно за союз, за его возрождение, против захвата власти в литературном сообществе.

Куняев обо всем написал статью, теперь с ней могут познакомиться читатели и «Нашего современника» и сайта МСПС. Начинают поступать отклики, мы будем печатать их на сайте. Я бы предложил, если будет на то согласие, дать в качестве отклика отрывок из Вашего письма, где вы говорите о съезде, характеризуете обстановку. Сообщите мне, пожалуйста, свое согласие.

На сегодня решения Минюста РФ о регистрации нового председателя СП России нет. Группа делегатов, в том числе и я, направила в Минюст официальное заявление о допущенных серьезных нарушениях. Мы просим признать съезд незаконным. Дело это малоприятное, но лучше отстоять закон, чем потом пять лет терпеть беззаконие.

ОЛГ с удовольствие будет печатать Ваши статьи, произведения. Может, напишите свои размышления о Горьком, его юбилее? Вам — земляку его и писателю — есть, наверное, что сказать.

Материалы можете слать на мою почту: seredinvg@bk.ru. Желаю успехов!

Владимир Середин
26.3.2018»

5 апреля

В министерстве культуры Нижегородской области прошло заседание комиссии по присуждению региональной Болдинской премии за 2018 год. И.Д. Мухина опять заговорила о низком уровне представленных книг по разделу «Проза». На этот раз я не вытерпел и сказал о том, о чём думал.

— Из года в год литературный уровень представляемых на премию книг катастрофически понижается. Действительно же профессиональные писатели не хотят свои произведения подавать на региональные премии. И виной тому то, что комиссия уже наградила слишком много откровенно слабых, а то и бездарных, книг, при этом отвергнув действительно талантливые произведения. Всё это в итоге отразилось на престиже премии.

— Вы хотите сказать, что наша комиссия некомпетентна, — возразила начальник отдела Н.И. Лещёва.

Я промолчал, а надо бы было твёрдо сказать: «Да». Вместо этого предложил в этом году ни одной прозаической книжке, поданной на премию, её не присуждать, проявить принципиальность. Но при голосовании, ожидаемо, против поднял руку только я. В итоге автор ученической, слабенькой книжки теперь будет именоваться лауреатом «Болдинской премии».

Анатолий Абрашкин вернулся из Вены, с конгресса математиков. Выступал там с докладом, жил две недели, ну и, разумеется, поднабрался заграничных впечатлений.

Из неприятных то, что на улицах совсем не видно симпатичных, красивых лиц. Ощущается какое-то европейское вырождение. На президентских выборах ходил голосовать в наше посольство — красивый двухэтажный особняк. Простоял в очереди пятьдесят минут, хотя в зале неустанно трудилось десять секретарей. Похоже, посольство не ожидало такого количества голосующих. Очередь тянулась с улицы по лестнице до второго этажа.

Так за разговорами выпили с Анатолием Александровичем больше двух бутылок водки. Не надо бы было, да уж что случилось, то случилось.

Идя домой, на Канавинском мосту почувствовал, что меня вроде бы даже пошатывает. Конечно, целый день до вечера просидел за компьютером, ни разу не перекусил, а тут профессор с водкой…

7 — 8 апреля Пасха

Холодный неспокойный день перед Пасхальной ночью. Утром проснулся от солнца, щедро светившего в окно, но когда шёл к себе в Союз писателей, день совсем посерел — даже под дождь попал. Хорошо, что сегодня поработал — написал заметку, разобрал вёрстку книги Валерия Фирсова «Сказания в бронзе», составил обзор № 53 для сайтов.

В это время порывы завывающего ветра сменялись крупчато-снежными шквалистыми зарядами, да такими тёмными, что в кабинете пришлось включить свет.

Но к вечеру погода стала поспокойнее, только завывание ветра не прекратилось.

В новостях говорят о новом наезде на людей в Германии. Убито несколько человек, десятки пострадали. Сам водитель, не выходя из машины, покончил с собой.

Читаю у М. Горького о Л.Н. Толстом. Тот говорит: «… О душе я знаю одно: душа хочет близости к Богу. А что такое — Бог? То, частица чего есть моя душа. Вот и всё. Кто научился размышлять, тому трудно веровать, а жить в Боге можно только верой».

А в «Письме» он приводит другое высказывание Льва Николаевича: «Если человек научился думать — про что бы он ни думал — он всегда думает о смерти».

И вроде бы не случайно я прочитал сегодня оба эти высказывания писателя. Потому что ощущаю их прямое отношение к моему состоянию души.

В полночь у Староярмарочного собора от ледяного ветра люди прячутся за величественные стены, прячут огоньки свечей в пластмассовые стаканчики. Внутрь храма не пробиться — единственный вход наглухо заткнут людской пробкой. Но выходит Крестный ход, и всё оживает, пропадает ощущение холода. Люди торопясь следуют за фонарём, крестом, иконой.

Вот уже и провозглашено у ещё запертых дверей — «Христос воскресе!» И толпа в один голос, словно только этого момента и ждала, радостно ответила: «Воистину воскресе!»

Всё, свершилось.

Из беседы Евгения Сатановского в радиопередаче.

«В Восточной Гуте действует значительное количество иностранных военных советников из числа действующих военнослужащих США и Великобритании (кроме наёмников из частных военных компаний) с современным вооружением, спутниковой связью. Потому вся истерика по отравлению Скрипалей (в Англии русским боевым отравляющим веществом «Новичок» — по утверждению Великобритании и США) не из-за того, что они просто нас не любят. Это ответ сдерживания российских войск. Командование США разработало план удара 200 ракетами «Та-

магавк» по военным объектам Сирии, где преимущественно сосредоточены российские спецподразделения, советники, склады с боеприпасами. На это начальник нашего Генштаба Валерий Герасимов и пообещал уничтожение не только американских ракет, но и средств их доставки.

Перед началом операции по освобождению Восточной Гуты ВКС России с самолётов уничтожили пункты управления и связи боевиков. За три месяца на позиции противника было сброшено порядка 7 тысяч бомб. Погибло около 20 000 боевиков и членов их семей. Произошла точная ликвидация американских и британских военных инструкторов. Только по результатам одной ночной бомбардировки 17 марта 2018 года было ликвидировано около 200 военнослужащих спецподразделений вооружённых сил США. Это всё данные китайских военных аналитиков и разведывательных служб. Со стороны США и Британии об этом инциденте не было сказано ни слова. Зато они организовали «Дело Скрипалей».

Наши спецназовцы взяли в плен командиров террористических групп в Восточной Гуте. Окружили военнослужащих 22-го специального авиационного полка Великобритании.

Ну и прочее, прочее…

Не утерплю и выпишу для себя ещё из воспоминаний М. Горького о Л.Н. Толстом.

«Провожая (после первой их встречи в Хамовниках), он обнял меня, поцеловал и сказал:

— Вы настоящий мужик. Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего! Умные люди поймут».

Это и объяснение и оправдание некоторым моим высказываниям и поступкам. Я так же всегда чувствовал, что бояться нельзя — говорить правду, писать о ней. Иначе это гибельно не только для писателя (в профессиональном смысле), но и для человека.

В завершении вновь мысли Льва Николаевича о вере и Боге в пересказе Алексея Максимовича:

«И неожиданно спросил меня, — точно ударил:

— Вы почему не веруете в Бога?

(Это было уже позже, в Крыму — В.С.)

— Веры нет, Лев Николаевич.

— Это — неправда. Вы по натуре верующий, и без Бога вам нельзя. Это вы скоро почувствуете. А не веруете вы из упрямства, от обиды: не так создан мир, как вам надо… Для веры — как для любви — нужна храбрость, смелость. Надо сказать себе — верую — и всё будет хорошо, всё явится таким, как вам нужно, само себя объяснит вам и привлечёт вас… Вы родились верующим, и нечего ломать себя. Вот вы говорите — красота? А что же такое красота? Самое высшее и совершенное — Бог».

9 апреля

Только наступила Пасха, и тепло, будто до этого пряталось где-то за углом, хлынуло в город.

Вечером дивился невероятно большому, агрессивно-оранжевому закатному солнцу. Было в этом ощущение чего-то недоброго. На Оке появилась стая уток. Селезни с серками плавают уже парами. Готовятся к продолжению жизни.

Вчера звонил из Москвы сын Ларисы Васильевой. Приглашал сегодня на вечер её памяти в Малом зале ЦДЛ. Спрашивал, был ли я с нею знаком.

— Нет, только по книгам.

12 апреля

Ну вот и вышла книга рассказов Николая Офитова «На Ключищинском косогоре». Долго мы с Николаем Викторовичем к выпуску этой

книги готовились, не торопясь обдумывали содержание. Но одновременно я и подталкивал автора — оставь внукам рассказы о своём детстве, землякам о прошлом их района. И вот итог сделанному. Главное из написанного Николаем в стихах и прозе удалось издать — два сборника стихов и вот книга «Эпизодов жизни» (этот подзаголовок дал ей Офитов).

Правили с Михаилом Рубцовым его статью в компьютере, и тут пришёл Павел Юдин. До этого несколько раз звонил по телефону, договаривался о встрече. Вопрос один — как стать членом Союза писателей России.

— Ну, для начала нужно издать хоть одну книжку, показать, как и о чём вы пишете.

— Вот и пришёл, чтобы и себя показать, и стихи.

Возраст за шестьдесят, высок, полон, причёска конским хвостом сзади, лицом неизнежен — бывалый человек. Бард, временами выступает в ресторане «Экспедиция», что у Кремля. Когда-то закончил наш строительный институт, учился в платной театральной студии на Автозаводе (оказывается, там такая есть). Но сейчас главным образом проводит этнографические фестивали в Нижегородской области. Заверил, что всё это организует на голом энтузиазме при поддержке (куда же без этого) благотворителей.

Посмотрим со временем, во что это знакомство выльется.

Новостные телевизионные каналы забиты информацией о готовящейся атаке (ракетной) на Сирию США. Военные России ответили, что в случае угрозы жизни нашим гражданам, находящимся в этой арабской стране, будут уничтожать и ракеты, и их носители. По всему похоже, что американцы в это не верят и демонстративно направили к берегам Сирии свои корабли. Теперь нам нужно отвечать за свои слова. Иначе позор, а все страны поймут, кто в доме хозяин, и тогда уж экономическое давление, санкции будут беспредельными.

Тревожно стало в мире. Трамп много говорит и пишет (в сети) о предстоящем ударе. Путин молчит, и это последнее обстоятельство, как ни странно, вселяет оптимизм. Владимир Владимирович продолжает (будто ничего и не происходит) заниматься своими делами — ездит по стране, посещает Курчатовский центр, открывает отреставрированный павильон «Космос» на ВДНХА.

На этом фоне малозамеченной прошла новость о крушении ИЛ-76 с военнослужащими в Алжире. Все пассажиры погибли — 257 человек. Представляю, какие были бы стенания, если бы это произошло не с алжирцами, а, например, с англичанами, немцами или французами.

14 апреля

Ночью США и Великобритания с поддержкой Франции нанесли ракетно-бомбовый удар по Сирии. Как сообщает наше Министерство обороны: было выпущено 103 ракеты, из которых сирийцы сбили 71. Причём из старых, ещё советских комплексов ПВО С-125, С-200, «Оса», «Бук».

Все ракеты, выпущенные по аэродромам сирийцев, сбиты. Обстрел шёл 50 минут. Ракеты британцев, выпущенные с самолётов — сбиты. Жертв среди сирийцев нет. Есть раненые.

До этого за полтора года наши специалисты полностью восстановили систему ПВО этой страны. ПВО России в Сирии всё отслеживали с момента пуска ракет с кораблей и взлёта самолётов.

В закрытые Россией зоны ракеты не входили. Истребители России осуществляют контроль ситуации в небе, военные подразделения приведены в боевую готовность.

Министр иностранных дел Лавров на своей пресс-конференции рассказал (раскрыл) информацию, добытую «из конфиденциальных источников». Иными словами — нашей разведкой. Он зачитал оригинал документа, который отправила лаборатория города Шпиц (Швейцария)

после исследования образцов, предоставленных Англией «по делу Скрипалей». Вывод учёных — найденное вещество разрабатывалось и производилось в США и Англии. В СССР и России его не производили. Однако организация по ликвидации химического оружия, по заданию которой и производилась экспертиза, этот вывод гласности не предала. Почему?

Работал над текстом интервью с Анатолием Абрашкиным. Молодец профессор — серьёзно и сконцентрированно отвечает на поставленные вопросы. Есть один момент, который меня смущает в этом материале — рассуждения Анатолия Александровича по поводу книги «Русский дьявол: от Кащея до Воланда», его трактовки значения «дьявола», его «перекраски» в зло. Но ведь я сам вывел его к разговору на тему. И сейчас убрать из текста беседы этот кусок — проявить трусость, приспособленчество. Хотя определённые люди публикацию подобного интервью неизбежно поставят мне в вину. Особенно такие слова Абрашкина из него:

«Бога света христианские богословы превратили в носителя тьмы и мрака. Объяснение тому лишь одно — это было крайне уважаемое язычниками и крайне ненавидимое ими божество (Баал в Библии). Причина «перекраски» понятна, но, очевидно, что образ Диавола богословы исказили».

Но так Анатолий думает. Хотя для «Вертикали. XXI век» это скандально.

16 апреля

А.В. Мюрисеп вернулся из С-Петербурга, где играл в гастрольном спектакле нашего театра драмы. Делился впечатлениями от встреч со своими бывшими учениками по нижегородским консерватории и театральному училищу. Теперь они служат в известных питерских театрах — один (бас) в Мариинском, другой драматический актёр. Оставил Александр Васильевич № 46 «Вертикали. XXI век», посвящённый режиссёру Табачникову, для передачи в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина с продуманной дарственной надписью.

— Ваше задание выполнил.

— Ну почему задание. Предложение. А свою-то книгу «Степень свободы» подарили библиотеке?

— Забыл! Даже в голову не пришло…

— Ну вот. Я не стал напоминать, потому что был уверен, что вы это сделаете и так.

Пригласил Мюрисеп сходить посмотреть спектакль «Дикарь» Санкт-Петербургского государственного музыкально-драматического театра «БУФФ», который они (встречные гастроли) показывают на нашей сцене. И вот собрались, пошли.

Пьеса А. Касоны идёт в двух действиях. Сюжет — на воспитание двум старым девам остался молодой человек (24 года), который до этого двадцать лет жил с отцом в горах, полностью оторвано от цивилизации. Дамы, сёстры отца, для воспитания «мальчика» нанимают учительницу. Ей, как оказалось, тоже 24 года. Ну и понятно, что без любовной интриги тут не обошлось. Но пьеса не только об этом. О «загрязнённом» в нравственном, моральном отношении мира «образованных, светских людей».

В целом, наверно, постановка удалась, если бы не провальное непопадание с «дикарём». Тут режиссёр Ника Козоровицкая образа не поняла, и потому наделила его сплошными штампами — криками, суетой, нервозностью. Это человека, выросшего в тишине лесов, привыкшего разговаривать с птицами, дружить с косулью, слушать шум деревьев. Нужно всё было делать тоньше, глубже (текст это позволял). Зато целомудренно была выполнена эротическая сцена первого сближения учительницы с дикарём — за занавеской, на которую проицировалось видео идущего дождя.

После спектакля, когда ехали вместе, я заметил Александру Васильевичу: «Мне кажется, как бы замечательно могла сыграть роль учитель-

ницы (раньше) Раида Леонидовна Божко. По темпераменту, интеллекту — это её стихия. Так я чувствую.

22 апреля

В Кабуле взрыв. Убито 57 человек. 119 ранено.

Вот уже много лет, прежде чем лечь спать (а делаю я это поздно, чаще всего заполночь), подхожу к балконной двери и некоторое время смотрю на притихший, рассвеченный огнями город.

Главный ярмарочный дом прямо перед окном. Словно стеклянный светится изнутри — так удачно его подсветили. Крыши башен мерцают то зелёным, то синим, то ещё каким-то цветом. Дальше Канавинский мост с редкими в это время проезжающими по нему машинами, улица Рождественская с её строениями прошлых веков, склоны Дятловых гор в световых точечках-звёздочках фонарей, Кремль…

Смотрю на город, и что-то сжимается, замирает у меня в груди. Сладостно-болезненное это чувство. Чем оно объясняется — сам себе ответить не смогу. Ясно, что от понимания проходящего, конечности нашей жизни.

Не так давно в повести «Дороги» Андрея Убогого, писателя из Калуги, врача (опубликовал в номере 53 «Вертикали. XXI век») прочитал: «По сути, вся наша жизнь — возвращение. Мы должны, пройдя через жизненный сумрак, вернуться туда, откуда мы родом. Мир нам дан, как задача, но он не есть наша цель. В душе своей каждый хочет вернуться в первоначальную точку, в тот миг, когда ещё не свершилось грехопадение».

Это чувство сродни моему переживанию во время стояния в ночи у балконной двери. Ещё один день моей жизни прожит. Впереди всё та же неизвестность… и понимание скорой конечности пути, и незнание, когда, в какой миг он оборвётся.

24 — 27 апреля Москва

На поезде везу некоторое количество книжек Анатолия Строкина и Николая Офитова, которые издал в этом году, да всё никак не отвезу тиражи авторам.

Оставили пачки у Николая Викторовича в квартире (он меня встретил на Курском вокзале с сумкой-тележкой) и сразу поехали на Поварскую в Дом Ростовых — Международное Сообщество писательских союзов. Там разговор с Владимиром Григорьевичем Серединым продлился часа три. Большой административный опыт у этого человека (от заведующего отделом печати в ЦК ВЛКСМ до начальника главка, в подчинении у которого находились все центральные книжные издательства СССР). Многое понимает, знает (в происходящей кухне теперешнего Союза писателей России — где многие годы был генеральным директором), ещё больше догадывается, чувствует.

Познакомил с главным редактором «Общеписательской литературной газеты» Владимиром Фёдоровым. Тот приехал из Якутии, где трудился в тамошней центральной газете. Попробуем посотрудничать.

Закончилось общение небольшой экскурсией по особняку — зал «бала Наташи Ростовой», кабинет руководителей Союза писателей СССР. Последним в нём заседал Сергей Михалков.

Оставил гостеприимному хозяину номера «Вертикали. XXI век» для ознакомления, возможного сотрудничества, обзора в газете.

Вечером, ближе к десяти часам, обошли с Николаем вокруг Кремля. Подошли к большущему памятнику крестителю Руси князю Владимиру. Тихо, тепло. Столица будто отдыхает после недавних снегопада, шторма, шквалистых ветров с поваленными деревьями, сорванными крышами и невинной гибелью девочки. Как больной после горячки обессиленно затихает, так и Москва притихла, приходя в себя. А может, мне это только кажется, потому что тепло, тихо, поздний вечер, и я никуда не спешу

— как вышел из метро «Площадь Революции», так, сделав круг (Красная площадь, набережная вдоль Кремлёвской стены, Александровский сад) туда же и вернулся.

25.04. Ещё в поезд звонил В.А. Карпочев, просил съездить к Р.И. Чарыкову, поговорить с автором по поводу готовящейся им к изданию книги о В.П. Чкалове. И вот звоню. Рэм Иванович лежит, чувствует себя плохо. К нему на дом приезжает врач, делает уколы. Хотя голос у Чарыкова прежний, бодрый. Условились, что перезвоню через три часа.

А пока поехали с Офитовым в офис фестиваля «Золотой витязь». В фойе станции метро «Воробьёвы горы» развёрнута выставка (в круглых стеклянных витринах, стоящих в ряд по середине широкой платформы), посвящённая Адыгее. Национальная одежда (женская и мужская), предметы украшений (шкатулки, панно, пояса), детские игрушки и колыбелька, адыгейская гармошка и кавказские кинжалы. Всё красиво. Изящно — шитьё золотыми нитями, оружие и пояса в серебре.

Малые народы, в отличие от больших, во всём, (даже в быту) стараются сохранять национальную идентичность, национальные традиции, тем самым сопротивляясь мировой усреднённости. Все представленные на выставке современные изделия изготовлены в XXI веке.

Нет, с Чарыковым встретиться не получится. Отказался, сославшись на нездоровье: «Я разволнуюсь, подскочит давление».

Алексей Фёдоров позвал на открытие выставки в Московский дом национальностей. Перед тем, как туда отправиться, успел заехать в редакцию «Нашего современника», накоротке повидаться с А.И. Казинцевым, который весь в заботах по подготовке следующего номера журнала.

Внизу на стол охранника Александр Сегень выкладывает стопки старых книг. Наугад, в дорогу, взял том современной серии ЖЗЛ, посвящённый биографии казахского президента Нурсултана Назарбаева. И прогадал. Полистал в метро — фотографии официальные, текст «политический», всё больше о независимости Казахстана, пути к ней (будто когда-то такое государство существовало). Написали книгу казахи, а значит, с восточным лукавством и подобострастием. Предвидя это, потому и отказался от её чтения, передал Фёдорову. Попадался мне там в развале том «Валентина» — это Сергей Есин вспоминает жену. Надо было его взять. Про эту книгу в прощальной заметке (уже с самим Есиным) в газете «Слово» вспоминала Татьяна Доронина.

Встретились с Алексеем в метро «Красные ворота». Мимо памятника М.Ю. Лермонтову направились в Дом национальностей.

Выставку составили картины провинциальных художников России XX — XXI веков. Владелец коллекции, часть из которой представлена в залах, Зорин Владимир Юрьевич — сейчас заместитель директора по науке института этнологии и антропологии Российской академии наук, кандидат исторических наук, глава попечительского совета Дома национальностей. Выставка приурочена к его 70-летию. Фёдоров меня с ним познакомил. Среднего роста крепкий, полноватый мужчина с массивным перстнем белого металла, украшенного тёмным камнем, на пальце. Тепло отозвался о Нижнем Новгороде, где довольно долго жил, работая заместителем полномочного представителя президента РФ по Приволжскому федеральному округу. Отсюда и картины Кима Шихова, Владимира Фуфачёва…

А вообще судьба у этого человека не простая. В Узбекистане сделал хорошую карьеру, дойдя до члена республиканского ЦК КПСС, перевода в Москву. И тут всё рухнуло. Пришлось уйти в преподаватели в школу. Но вновь поднялся до депутата Госдумы, стал министром в правительстве РФ.

В своём выступлении я попытался объяснить, что служение искусству объединяет создателей произведений и благотворителей. Тут должна быть взаимная жертвенность.

— Я вспомнил ваш портрет, который написал Шихов, — воскликнул Зорин, подойдя к микрофону, чтобы поблагодарить меня за выступление.

Закончилось всё в привычном банкетном зале. И так приятно было после прогуляться по садовому кольцу. У вечерней Москвы неповторимая аура, создающая ощущение праздника.

26.04. Позвонил В.А. Карпочев. Всё по поводу Чарыкова. Подробно рассказал Виктору Александровичу о наших телефонных переговорах. Посокрушались о здоровье Рэма Ивановича и расстались с самым добрым отношением друг к другу.

До полудня просидели дома. Никуда идти не хотелось. Только после обеда все-таки решили с Николаем Викторовичем съездить в «Наш современник», посмотреть выложенные Сегенем книги. Оказалось — зря. Всё уже разобрали, и только том «Валентина» Сергея Есина остался сиротливо лежать среду других немногих книг. А он-то мне и был нужен.

У метро «Цветной бульвар» «догнал» нас звонок Алексея Федорова: зовет в гости и напоминает, что я обещал привезти книги для передачи их В.Ю. Зорину. Что делать — пришлось возвращаться в квартиру Офитова, брать «В предчувствии апокалипсиса», «Сроки» и ехать на встречу в метро «Академическая». В поезде начал читать воспоминания Есина («Никогда не забыть...») о своей супруге, журналистке, кинокритике Валентине Сергеевне Ивановой, и понял, что дочитаю их до конца. Написано небрежно, сумбурно, со многими повторами (вот что значит старость), текст не вычитан, но это подлинное отображение жизни с непростым, болезненным, хотя и талантливым, человеком.

У Алексея Степановича в мастерской говорили приязненно, с полным расположением друг к другу. Полюбовался я памятными медалями, посвящёнными юбилею Большого театра и А.С. Пушкину. Показал мне хозяин книги Бориса Покровского про советскую космонавтику, подписанные ему автором. Оказывается этот известный журналист, публиковавший свои репортажи о пусках наших ракет в «Правде» и «Известиях» (70-е — 80-е годы прошлого века) — его тесть, отец покойной жены. Вот как всё непросто в нашей жизни.

Еду назад в метро. В полупустом вагоне напротив сидя заснул пожилой сухощявый старичок: наклонился всем туловищем вбок, в коричневом старомодном плаще, у ног синий пакет ЛДПР, наполненный, похоже, газетами или брошюрами, лысеющая голова обнажена, шляпа валяется на полу. Может от усталости заснул человек, может немного выпил. Входящие в вагон пассажиры обходят лежащую на полу вагона шляпу. И я уже знал, что на своей остановке подниму ее и, прежде чем выйти из вагона, положу рядом со старичком. Так и сделал. Но вопрос в другом: почему я этого не сделал сразу? Потому что постеснялся, подумал о том, как на это отреагируют другие. Даже в этой мелочи идём на компромисс с совестью.

27.04. В поезде так и читал воспоминания Сергея Есина. Какие же возможности в советское время предоставляла столица! Можно было устроится, как это сделал автор воспоминаний, директором передвижной выставки от Художественного фонда, и ездить с ней за государственный счёт по всей стране, получая при этом неплохую зарплату. Или взять командировку от газеты, журнала... Да много подобных возможностей было — все и не перечислить.

Приехал, и в почте прочитал письмо от Сергея Овчинникова. Он заверстал мою повесть «Колька» в очередной номер альманаха «Тула». Сам путешествует — побывал в Оптиной пустыне, съездил по путёвке в Индию.

Немного отдохнув, отправился в Союз писателей — сегодня годовое собрание. Помянули молчанием ушедших в этом году из жизни Юрия Назарова, Марию Сухорукову, Владимира Колчина. Рассказал я о прошедшем съезде, о некоторых литературных событиях и форумах.

Рассмотрели на приём в члены СП России Эльвиру Куклину и Павла Шарова.

29 апреля

Курс А.В. Мюрисепа и Л.А. Чигина в Нижегородском театральном училище имени Е.А. Евстегнеева (второй год учёбы) показал «Дивертисмент» (с французского — увеселение, развлечение) в Учебном театре. Режиссёр Т.В. Ягунова.

Тут было всё — пантомима, акробатика, танцы, разыгранные сценки, пение, скороговорки (уроки по речи). Полтора часа веселья, задорности, выдумки. И уже проглядывает в некоторых ребятах (с девчонками сложнее) формирующийся актёр. Ирина особенно выделила того парнишку, который у меня на юбилее исполнял отрывок из «Лестницы».

Александр Васильевич ставит с ребятами спектакль, в котором «будут задействованы все». Это, конечно же, совершенно другая работа.

1 мая

Звонок из Смоленска Владимира Королёва. Выписывает журнал «Наш современник». Пришёл четвёртый номер. Прочитал в нём опубликованное моё послесъездовское письмо.

— Серьёзное письмо. Говорит о тебе, как о совершенно самостоятельном человеке, не «играющим» под кого-то. И для вновь избранного председателя оно не должно быть обидным.

Я уточнил, что писал своё письмо ещё не зная, что Куняев готовит свой «ответ победителям» и в общем-то оно носило частный характер. Но и возражать против его публикации (когда попросили) не стал.

Посмотрел на сайте МСПС номер «Общеписательской литературной газеты» за апрель. И там его опубликовали.

Поздним вечером дождь и долгие громовые раскаты со сверканием молний. Небо затянуто, и из этой серой мути редко пробиваются к земле отростки разрядов. Большей частью бесформенные вспышки бурлят в толще непроницаемых туч.

6 мая

Увидел по одному из центральных каналов новый фильм о Михаиле Михайловиче Шемякине. Я с глубоким уважением отношусь к этому человеку — неординарной личности, самостоятельно и оригинально мыслящему художнику. Но как много зависит от того, кто ведёт беседу! На этот раз ведущий был за кадром, но перебивал Шемякина, только тот начинал отвечать на вопрос. И это раздражало, потому что ведущему явно хотелось выговориться самому, а не слушать Михаила Михайловича.

Вспомнил, что у меня с осени прошлого года лежит непрочитанным журнал «Русский мир» (ноябрь, 2017), где опубликовано большое интервью с Шемякиным. «Я — сторонник культурной экспансии России». Прочитал с неослабевающим интересом, потому что многие оценки, взгляды на жизнь (политическую) и творчество мне близки.

«Думаю, именно Россия удостоится высочайшей миссии «собирания камней», разбросанных в последнее столетие, и создания новых духовных маяков на грядущих путях мира искусства… Вот уже двадцать лет, как я живу среди галлов. Десять лет прожил в Париже с 1971 года, затем тридцать лет — в Америке и вот ещё десять лет — во французской деревне. У меня есть чувство, что я обитаю на красивейшем кладбище. Да, прекрасные музеи, архитектура, но вокруг — опустошённые зомбированные существа, которых трудно обозначить людьми».

О революции 1917 года.

«Да, было очень много жертв и крови… Но этот обновлённый Иван, этот Хомо Советикус, вскоре создаёт действительно новый строй, новый, не на что не похожий мир. Он полон жестокости, несправедливо-

сти, но полон и романтики, энергии, невиданного энтузиазма. И возникает великое советское искусство, театр, наука, армия».

О теперешнем положении в России.

«В России сегодня очень сложная и тревожная ситуация. Если внимательно присмотреться, то увидим настоящий геноцид русского народа. Он состоит в уничтожении культуры и образования».

О В.В. Путине.

«Всё, что у меня есть в России, — благодаря Путину: он мне подарил 600 квадратных метров, два этажа отреставрированного здания, чтобы я мог приезжать и работать. Но я видел, в каком вопиющем состоянии находится образование, и отдал здание фонду — проводим выставки, научные конференции, мне важнее заниматься просветительской программой».

Нашёл в интернете давний фильм «Михаил Шемякин. Исповедь художника» (Центрнаучфильм, 1989. Текст от автора читал Михаил Казаков), в котором, несмотря на перестроечный угар, оценки художника продуманы, взвешены. Съёмки проходили в Нью-Йорке и в Москве, Ленинграде. Тогда в выставочном комплексе у Крымского моста проходила его выставка, в которую выстроилась огромная очередь (как теперь на выставки Серова и Айвазовского).

В фильме большой акцент сделан на дружбе Шемякина с Владимиром Высоцким. Художник много вспоминает об актёре и поэте. Конечно, Владимир Семёнович понимал, что он на Западе никому не нужен, потому и возвращался каждый раз в СССР после своих поездок по миру.

Интересный факт: на первые свои заработанные деньги Шемякин купил два студийных магнитофона, окончил курсы звукорежиссёров и записал пять пластинок Высоцкого, выпустил трёхтомник его стихов. Кроме того, записал и выпустил пластинки двух цыган — исполнителей песен и романсов. Представители древнейших русских дворянских родов «обливались слезами, слушая их исполнение, но никто ничего не сделал, чтобы увековечить их голоса».

В своей мастерской в США Шемякин показал огромную коллекцию репродукций картин, собранных в специальные чёрные папки-коробки. Это, конечно же, говорит о глубоком образовании художника, самообразовании.

Пришло письмо от Бориса Лукина. Написал большую статью о моей книге «Лестница». Обещает прислать.

Сайт МСПС разместил обзор 53-го выпуска «Вертикали. XXI век».

7 мая

В.В. Путин в четвёртый раз вступил в должность президента страны. Церемония торжественна (но видно, что для В.В. привычна, если не сказать больше, рутинна — вышел из рабочего кабинета, выступил, ушёл в рабочий кабинет). Интерьеры Кремля величественны и великолепны — блещет золото, резьба, лепнина, паркет зеркален.

Сегодня же в Государственную Думу президент внёс предложение по назначению премьера и вице-премьеров правительства РФ — вновь Д.А. Медведев и прочие (прежние) персоны.

Путин в последнее время всё говорит о технологическом и социальном прорыве в стране, и в то же время оставляет у власти прежних руководителей либерального направления. Это говорит об отсутствии у него кадрового резерва, или о чём-то ином?

8 мая

Саша Высоцкий попросил о встрече. Пришёл в Союз писателей — трезв, опрятен. Попросил дать ему письмо-справку о нём самом. Аккуратный черновик письма принёс. Всё это по предложению адвоката. Вступил в борьбу по возврату своего жилья, право на которое передал сыну, подписав дарственную. Пожив несколько месяцев в съёмной ком-

нате, он вдруг обнаружил, что его квартира (в которой сын вроде бы собирался сделать ремонт) выставлена на продажу. Тогда вернулся в разорённое жилище (Ярмарочный проезд), соседи, сестра помогли с новым обустройством (его вещи и мебель, которую трудно назвать таковой, были выброшены), врезал в дверь новый замок и обратился в суд. Сюжет не нов, даже вечен. Людская жадность не имеет разумных границ.

И я в своей судьбе подобного не избежал.

Письмо, конечно, подготовил, подписал, заверил печатью.

9 мая

Из выступления В.В. Путина перед Парадом войск на Красной площади.

«За новыми угрозами проступают все те же старые уродливые черты: эгоизм и нетерпимость, агрессивный национализм и претензии на исключительность. Мы понимаем всю серьезность этих угроз. Всем странам, всему человечеству важно осознать, что мир очень хрупок, и его стабильность укрепляет наше общее стремление слышать, доверять и уважать друг друга. Разгром нацистов стал грандиозной, триумфальной Победой, это долгожданное слово сразу облетело планету, и все страны, все народы понимали тогда, что именно Советский Союз определил исход Второй мировой войны, что этот великий жертвенный подвиг совершил наш солдат и наш народ. Однако сегодня подвиг народа, спасшего Европу и мир от рабства, от истребления, от ужасов Холокоста пытаются перечеркнуть, исказить события войны, предать забвению подлинных героев, подделать, переписать, переврать саму историю. Мы не позволим сделать это. Никогда! Мы всегда будем гордиться, что советский народ не дрогнул, не прогнулся перед жестоким врагом, когда некоторые государства предпочли позор капитуляции, лицемерного соглашательства или прямого сотрудничества с нацистами. Наш народ сражался насмерть. Ни одна страна мира не отражала такого нашествия, не проводила под огнем агрессора эвакуацию миллионов людей и тысяч заводов, которые практически сходу, сразу стали выпускать для фронта технику и боеприпасы. Было сделано поистине невозможное: никто не думал о себе, трудились героически и женщины, и дети. Ради Родины, ради победы, ради тех, кто защищал страну, свои семьи в пекле войны. Ничем нельзя измерить храбрость наших воинов. От рядового до маршала — они боролись в стужу и в зной, на больших и малых плацдармах, каждый рубеж был частью Отечества и потому каждый был самым главным. Наши войска одержали победы в решающих битвах за Москву и Сталинград, в сражениях под Курском и на Днепре, прорвали блокаду Ленинграда, освободили европейские столицы, решающим штурмом взяли Берлин».

В телевизионном репортаже о праздновании в разных городах Дня Победы впервые увидел, что выполняется Указ главы государства возвращать в этот день городу Волгограду прежнее название — Сталинград. И хотя корреспондент, ведущий репортаж с Мамаева кургана, продолжал именовать Волгоград Волгоградом, но на титрах под картинкой значилось: «Сталинград».

Борис Лукин прислал свою статью о книге «Лестница». Я её прочитал и восхитился — как он хорошо, профессионально её написал. Как-то незаметно, тихо, он стал настоящим, глубоким по чувству критиком. Так о моих писаниях ещё никто не писал. Да они и не заслуживают серьёзного разговора. Но Борис и на этом материале сумел порассуждать о главном.

Искренне его поздравил (написал письмо) с этой работой, на что он ответил со сдержанным достоинством.

10 мая

Оформлял медицинскую справку для продления лицензии на охотничье оружие. Целый день мотался по городу (ничто у нас не совершается

без этих никчемных мытарств — в разных медицинских конторах и лабораториях следует получить подтверждения, что ты не наркоман, не псих, не алкоголик).

А вечером в театре драмы премьера «Господа Головлёвы» по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина. (Инсценировка Владимира Жеребцова, режиссёр-постановщик Искандер Сакаев.) Длиннющий спектакль — действие длится более трёх часов. И к роману он имеет отношение больше внешнее, сюжетное. Всё время со сцены не уходит Юрий Котов (Порфирий Голвлёв — Иудушка). Из психологических кружев плетёт удивительный образ — мало похожий на литературный. В нём нет однозначно отрицательных черт. Всё сложнее, тяжелее, тревожнее в борьбе страстно-земного стяжательного с верой, Божьим началом в человеке. Котов это понимает. К тому же и как актёр он органичен, точен в жестах, мимике, интонации произносимых длиннющих монологов. Я был захвачен этой работой. Оттого и все рядом на сцене оказались втянуты в орбиту его страстей, переживаний, — Сергей Кабайло (Степан), Алексей Хореняк (Павлуша), Елена Туркова (Арина Петровна — тут, правда, не обошлось, на мой взгляд, без излишних эмоций, крика). Хуже показала себя молодёжь. Однако всё действо просмотрел без утомления.

И тем удивительнее было услышать от В.В. Никитина резко отрицательные оценки спектакля (впрочем, у нас не в первый раз совершенно не совпадают оценки увиденного с народным артистом РФ), ну и ещё от некоторых уважаемых мною людей.

Придя домой, достал со стеллажа том с произведениями Н. Щедрина (М.Е. Салтыкова), буду перечитывать роман. Давно рука к нему тянулась, а тут и повод есть.

15 мая Горбатовка

Всё цветёт — черёмуха, сирень, вишни, яблони. У одного дома деревца вишни так аккуратно обрезаны, что будто огромные белые шары на тонких бордово-красных ножках стоят на изумрудном ковре в жёлтых крапинках цветущих одуванчиков.

Приезжал к Важнёву художник Михаил Станиславович Поляков. Полноватый, добродушный, из-за очков посверкивает улыбчивыми глазами. Александр Фёдорович вознамерился купить у него небольшой зимний пейзаж, вот он его и привёз.

Работа яркая, колоритная по цвету, праздничная. Я уже писал в дневниках о выставке этого художника, работающего всё больше не кистью, а мастихином. Оттого полотно приобретает вид некой мозаичности. Важнёв походатайствовал, чтобы работы Полякова опубликовать на обложке.

Пришлось заранее обратиться в разрешительную систему по продлению лицензии на владение охотничьим ружьём. Проверяющие перед чемпионатом мира по футболу проявляют излишнее рвение — как же, в нескольких сотнях метров от моего дома пройдут матчи. Вдруг я что-нибудь удумаю. За всем этим рвением видится такая административная бестолковость, что не знаешь — смеяться над ней или раздражаться.

Все необходимые документы и справки сдал. Ружьё показал. Ещё на пять лет вперёд определил законность владением оружия.

Сегодня открыто движение по 19-километровому Крымскому мосту через Керченский пролив. Полуостров соединён с материком.

В Секторе Газа на границе с Израилем бойня. Еврейские войска расстреливают из стрелкового оружия, артиллерией, с самолётов безоружных протестующих против открытия посольства США в Иерусалиме. 62 человека убито, более 2500 ранено. Как же может быть беспощаден, жесток и немилосерден человек.

А ведь они нас учат правильно жить — свободе, демократии, правам человека, терпимости… Всё ложь…

20 мая

«Господа Головлёвы» — горько, как горько! Хоть автор и «идею» внедрил в роман, но от отражения, понимания русской жизни куда убежишь, спрячешься. От того невероятного характера, в котором всего намешано — но более эмоционально-философического, что неизменно приводит к терзаниям совести.

Повествование о гибели одного семейства… Невольно вспоминаются «Будденброки» Томаса Манна. Но там больше немецкой сдержанности, рассудительности, скурпулёзной последовательности в изложении содержания романа — оттого он в несколько раз больше произведения Н. Салтыкова-Щедрина (по объёму). Да и написан намного позже.

Михаил Евграфович «Господа Головлёвы» в «Отечественных записках» публиковал с 1875 по 1880 год. Но как это до болезненного актуально по сию пору — особенно в сегодняшней России, где идея «нового накопления капитальца» убивает многое важное в окружающей социальной среде, но в первую очередь в самом «накопителе». Оттого-то и горько, что вся эта борьба вечна. Во время всей своей жизни ничего мы не накапливаем, кроме грехов, кроме того, что так отяжеляет нашу совесть, а память цепко держит, сохраняет. И Котов всё это понимает, создавая своего Иудушку. Не совсем того, которого написал Салтыков-Щедрин, но не менее живого, психологически сложного.

Кстати, тут невольно встаёт вопрос о качестве преподавания литературы в советских школах 60-70-х годов прошлого века. Читали и изучали романы Гончарова, Л. Толстого, Достоевского, Гоголя, Щедрина… Какой же сложный духовный мир открывался перед подростками.

Безусловно — в преподавании была своя заданность (в оценках, объяснениях), но ведь произведения-то великие, остававшиеся с теми, кто научился самостоятельно мыслить, на всю жизнь.

22 мая

Гастроли Государственного русского драматического театра из Чебоксар на сцене нашего театра драмы. Посмотрел «Отель двух миров» Э. Шмитта (трагикомедия в двух действиях) В афишке сказано: «Один из старейших профессиональных театров России — в 2017 году отметил 95 лет». В ролях — все народные артисты Чувашии. А показали какое-то примитивное убожество — от пьесы до режиссуры и игры актёров.

Действие — попадают люди в некое место между небом и землёй, жизнью и смертью. Тут они дожидаются итога — спасут их доктора или нет. Кажется, какие оценочные мировоззренческие вопросы они должны бы были решать, осмысливая свою прожитую жизнь. Но нет — невероятно много пустых слов, споров с «доктором» (властелином этого места) и слабенькие, с драматургической точки зрения, развязки. Современная западная драматургия стремится развлечь зрителя, а не заставить его думать.

24 мая

Заседание издательского совета Нижегородской области. На этот раз поданы заявки довольно интересных книг. Правда, всё больше краеведческой направленности, но качество их, я думаю, будет неплохим. Во всяком случае, интригуют воспоминания Ольги Эрнестовны фон Тунцельман (Голубевой) о жизни в дореволюционном Нижнем Новгороде и о последующих послереволюционных испытаниях, пережитых ею и её семьёй («Жизнь как она есть», издательство «Кварц»). Представляла книгу Татьяна Павловна Виноградова, которая, собственно, и отыскала рукопись этих воспоминаний. Слушая её, подумал: «Вот и я пишу свой дневник для будущих читателей — краеведов и историков русской литературы». Книгу «Архитектор Александр Яковлев (ст.)» написала Ольга Владимировна Орельская, тесно сотрудничая с дочерью архитектора, которая живёт в Абхазии. Труды этого зодчего и по сию пору украшают

Нижний Новгород — дом на площади Минина и Пожарского, студенческое общежитие и кинотеатр «Рекорд» — да много чего. Всё это эпоха расцвета особой советской архитектуры, совершенно неповторимого стиля, по которому испытываешь не всегда объяснимые, но ностальгические чувства. Книга-альбом о народном художнике РСФСР Гусеве «Павел Гусев. Скульптура в пространстве вечности». Он автор памятников матросам на площади Маркина, Н.А. Добролюбову на театральной площади, композитору Глинке у Нижегородской консерватории. Ну и В.И. Ленину в центре Кстова — тоже его. А ещё альбомы о Максиме Дмитриеве, «Александр Пушкин и Нижний Новгород», книга-справочник «Нижегородцы — кавалеры Георгиевского креста Великой войны 1914-1918 гг. (К 100-летию окончания Первой мировой войны)». Ну и ещё целый ряд изданий претендует на финансовую поддержку из бюджета области. Впервые, уходя из зала приёма зарубежных делегаций, где проходило заседание, искренне похвалил подбор представленных заявок.

25 мая

Закончена работа над 54-м выпуском «Вертикали. XXI век». Два последних номера (53 и 54) как-то легко «выдохнулись» — не было ни больших сомнений, ни нервотрёпки при подготовке материалов, формировании содержания. Не часто так бывает.

Вчера в Союз писателей заезжал отец Евгений Юшков, и своим неспешным, вдумчивым разговором погрел мне душу. Но всё равно, мало побыл — рвётся в свой дом на Бору. Хоть и осиротел он после смерти матушки, а всё равно самый тёплый, уютный и родной.

— Чего вы, батюшка, спешите за Волгу?

— Там стол (рабочий, за которым пишет) и диван (на котором спит).

А я мысленно добавил: «И старые образа, у которых молится ежедневно — и утром, встав ото сна, и вечером, перед тем, как отойти ко сну…»

В этом номере традиционно идут заметки Юшкова. Продолжение книги, которая сейчас пишется. И ничего в ней нет мудрёного — проста, как сама жизнь. Всё в нашей жизни на поверхности — это мы сами выдумываем для неё сложности, которыми затем терзаемся, рвём сердце, истязаем душу.

Во второй половине дня провели представление книги — сборника статей, собранного С.А. Смирновым «Гражданская война и Нижегородский край». Жаль, что именно о гражданской войне почти не говорили — всё больше о «красном терроре» и «репрессиях». Хотя тема могла подтолкнуть к самому широкому кругу обсуждаемых вопросов. В своём выступлении я попытался к этому подвести, сказав, что гражданская война в России не только не закончилась с бегством белых из Крыма, но продолжается и по сию пору, и будет продолжаться не только десятилетия, но, может быть, и столетия в будущем. Потому что те тектонические социальные сдвиги, которые она породила, нарушили что-то главное, центроукрепляющее в русском народе. Тема же репрессий — это значит рассуждать о поверхностном, производном, действительно оставшемся в прошлом.

Приятно было слушать выступление приехавшей из Москвы правнучки хлебопромышленника Матвея Емельяновича Башкирова и редактора, издателя газеты «Нижегородский биржевой листок» Сергея Ивановича Жукова. Впоследствии дело отца продолжил сын, дед Сергиевской — Борис Сергеевич Жуков, который переименовал газету в «Волгарь», где печатались ранние рассказы М. Горького. Это было многотиражное, авторитетное и интересное издание.

За столом президиума мы с Александрой Петровной Сергиевской сидели рядом, и она, как авторитетный филолог (преподавала на переводческом факультете Института иностранных языков им. Мориса Тореза (1970-1990), заведовала кафедрой колледжа МИД РФ (1990-2010)) доверительно мне сообщила:

— Ваши книги у меня стоят на почётном месте. Не вышло ли у вас чего-то нового?

Пообещал показать у нас в библиотеке — на выбор.

После завершения встречи (я отвлёкся по какому-то поводу) Сергиевская в коридоре мне напомнила об обещанной книге. Подарил ей «Лестницу» с доброй надписью, в которой порадовался нашей новой встрече и пригласил ещё приезжать в Нижний на родину знаменитых предков.

А в книге, представляемой сегодня, помещена статья А.П. Сергиевской «Мой дед Борис Жуков: родной, но незнакомый».

29 — 31 мая Москва

Получилось с Виктором Сидоровым привезти тиражи книг Анатолия Строкина «Петровская тетрадь» и Николая Офитова «На Ключищинском косогоре». Часть этих книг оставил у себя для целевого распространения.

Поездка получилась спокойной, без обычной спешки и беготни. На следующий день в Российскую Книжную палату передали необходимое количество экземпляров книг, вышедших в моём издательстве за прошедшее полугодие — стихи, проза, литературные заметки. После обеда пошли в Измайловский парк. Я читал статью Юрия Павлова в «Нашем современнике» (№ 6, 2016 г.) «Александр Байгушев: пожалейте голого короля», о которой ещё перед её публикацией говорил мне Александр Казинцев. Повод написания текста — огромная статья Байгушева в «Литературной России», хамская по отношению к Александру Ивановичу (тогда и мне пришлось ответить статьёй «Как избавиться от клеветы и ненависти» сначала на интернет-ресурсах «День литературы» и «Русская народная линия», а затем в «Вертикали. XXI век» № 49, 2016 год). Текст Павлова логичен, аргументирован, интеллектуален. И уж конечно без площадного хамства Байгушева.

Кстати, вчера здесь же в парке прочитал в газете «Слово» отрывок из интервью бывшего (во времена Б.Н. Ельцина) вице-премьера Михаила Никифоровича Полторанина, где он рассказывает, как открывали, изучали архив ЦК КПСС и, в частности, дело о смерти И.В. Сталина, из которого однозначно ясно, что вождя, главу государства отравили. Иосиф Виссарионович был совершенно здоров и трудоспособен, все же разговоры об инсульте и прочем — выдумки. Корреспондент не единожды уточняет, настаивает — вы лично сами видели подтверждающие то, о чём говорите, документы, на что Полторанин твёрдо отвечает — «да». Сенсационное откровение, на которое никто не обратил внимание — будто разговор шёл о незначительном краеведческом изыскании.

В Москве готовятся к буре. В парке по репродукторам призывают покинуть территорию, на велосипеде ездит работник всё с тем же предложением. Но погода солнечная, тёплая с нестрашными синеватыми облаками на небе, и посетители не торопятся уходить. Однако статья в журнале дочитана — встаём не торопясь, идём на улицу Щербаковскую. Там в скверике вижу, что на первом этаже соседнего дома работает библиотека. Обязательно нужно туда сходить. А пока вечером встречаюсь у метро «Семёновская» с новым автором, пожелавшим опубликовать книжку стихов в издательстве «Вертикаль. XXI век» — Ольгой Менестронцевой. Довольно быстро уточняем все вопросы по изданию и идём с Николаем прогуляться. Заходим в примеченную мной библиотеку (её номер 84), знакомимся. Смотритель в читальном зале встречает несколько настороженно — в помещении пустынно, безлюдно, но ухоженно. Хорошая, современная удобная мебель — всё располагает к работе. С этого и начался наш разговор-знакомство.

Библиотечная беда в Москве общероссийская, что удивительно.

— В этом году получаем одну газету в неделю — «Аргументы и факты». На большее нет денег — так говорят.

— Как с новым поступлением книг?

— За это полугодие ни одной.

Предложил передать в библиотеку некоторые номера «Вертикали. XXI век».

— Подписаться нет возможности, к сожалению, а так примем с благодарностью. У нас есть читатели, которые следят за литературными журналами. Мы можем провести творческую встречу.

Я привёз в Москву около десятка номеров «Вертикали. XXI век» за прошлые годы, хотел их отнести в шкаф во дворе «Гоголевского дома», из которого желающие берут книги и журналы для чтения, но раз такой случай, то попросил Офитова отнести их в библиотеку.

Из телевизионных новостей узнали, что ураган в Москве всё-таки был, и прошёл он совсем недалеко от нас, в районе ВДНХ — ливень, поваленные деревья, шесть человек пострадало. Удивительно — в районе Соколиной горы ни тучки, ни капельки дождя или дуновения ветра.

Изрядно потрепало и Нижний Новгород. Даже в Кремле с одной башни сорвало крышу и около километра крыши с Кремлёвской стены.

В ночь выехали из столицы. Рассвет встречали в пути. Солнце пробивалось на горизонте в просвете тёмных ночных облаков алеющей полосой. И затем быстро посветлело, но ещё долго серым цветом было залито пространство за стёклами машины.

После Вязников вдоль дороги стали часто попадаться сломанные (будто какой-то гигант переломил играючи) стволы деревьев, и так до самого Нижнего Новгорода.

Побушевала стихия.

2 — 3 июня Большое Болдино

На этот раз писательская компания подобралась спокойная, вдумчивая и совершенно не пристрастная к алкоголю: Борис Лукин и Владимир Середин (Москва), Магомед Ахмедов (Махачкала), Диана Кан (Оренбург), Николай Лалакин (Владимир), Николай Алешков (Набережные Челны) ну и некоторые из местных. С Магомедом особенно рад был повстречаться. Поэт он истинный, природный, что называется — от Бога.

Встретили нас на границе района (в последние годы эта традиция стала потихоньку затухать, но вот, оказывается, возобновили) великолепными пирогами с капустой и горячим чаем, песнями местного женского хора в сарафанах и кокошниках. Вроде бы формальность, а настроение поднимает.

До главного торжества в зрительном зале Культурного центра успел провести круглый стол в конференц-зале на тему «Традиции русской классической литературы и современный литературный процесс» (сам эту тему и придумал). Разговор получился довольно энергичным, приняла в нём участие вся наша писательская делегация, но понятно, что общего взгляда по теме выработать не удалось. Впрочем — к этому и не стремились.

На вручение областной премии «Болдинская осень» ожидался губернатор Глеб Сергеевич Никитин. Он приехал в район для ознакомления с делами. Шуму в связи с этим в Большом Болдине много. Понагнали в посёлок милиции, всюду поставили патрулей — ничего подобного раньше мы и видеть не видывали. На улицах, перекрёстках, в Культурном центре — всюду люди в форме. Такое впечатление, будто готовятся отразить нападение злодеев. Это мы с Борисом Лукиным, гуляя перед большим вечером, наблюдали и диву давались. Правда, после ушли по улице (тихой, почти деревенской) в сторону окраины, набрели на пруды, затерянные между трехэтажных жилых домов из белого силикатного кирпича (советский дар деревни) — там уж никакой милиции, всё по-домашнему: под окнами, у подъездов вскопан чернозём, разбиты огороды с грядками и теплицами, к тому же довольно большие, и всё по солнечной стороне. Вот уж сколько я приезжаю в Болдино, а в эту сторону никогда не захаживал.

Торжество началось, когда в зал «забежал» (в джинсах, джемпере) гла-

ва региона. За ним суетливая свита, обслуживающие журналисты с камерами. Впрочем, слова со сцены Глеб Сергеевич сказал приличествующие празднику — о значении русской культуры, о гении А.С. Пушкина. И гладко это у него получилось, без натяжки. Вручил быстренько дипломы и столь же стремительно отправился дальше. За ним бегом холуйская толпа из помощников, депутатов, журналистов. Ничего-то в Россиюшке не меняется многие века. Впрочем — в других странах-государствах по-другому ли?

Первое слово при начале творческой встречи пришлось говорить мне. Большой зал почти полон, от прожекторов, направленных на сцену, тепло, от света, бьющего в глаза, приходится щуриться. Говорю о значении слова в нашей жизни, о его утверждающей и разрушающей силе, о Пушкине, который дал русской литературе тот язык, которым она на протяжении двух последующих веков пользуется… Непривычно долго говорил, и, осознав это, постарался побыстрее свернуть речь.

С чтением стихов выделились Магомед Ахмедов, Диана Кан. Борис Лукин прочитал большой отрывок из поэмы «Ганнибал» и отдельные стихи из своих книжек. Закончилось всё балетом «Кармен» (музыка Ж. Бизе) в постановке Государственного музыкального театра им. И.М. Якушева Республики Мордовия.

Перед сном читал пятый номер «Нашего современника» за этот год (привёз В.Г. Середин). Интереснейшая публикация стихов Мао Цзэдуна, которую предворяет статья Юрия Ключникова «Поэзия Мао Цзэдуна». Я и не знал, что кормчий, кроме всего, был ещё и настоящим (переводчик пишет, что выдающимся, с общемировым признанием) поэтом. Станислав Куняев продолжаем биться за правду с «победителями на писательском съезде». На этот раз небольшая статья «Клевета всё потрясает…» начинается с такого признания: «Для меня ценность этой поддержки (моральная поддержка после прошедшего 15 съезда Союза писателей России и оскорблений поэта в некоторых СМИ и интернете — В.С.) заключается в том, что она исходит от писателей, имеющих или всероссийское имя (Сергей Михеенко, Диана Кан, Андрей Убогий, Юрий Убогий, Валерий Сдобняков и др.) или, по крайней мере, заслуженно известных в своих краях (Юрий Перминов…)…». Для меня подобная оценка неожиданна, в точности её я сомневаюсь.

На следующий день проснулся в шесть часов утра от крика петуха, да так больше и не смог уснуть. Постучался в номер Лукина (они с Серединым тоже встали) и зазвал Бориса гулять по утреннему Болдино. Лёгкая для души была эта прогулка.

После возложения цветов к памятнику А.С. Пушкину в усадьбе музея-заповедника (на этот раз и по парку не погулял, к старой ветле и деревянной церквушке не сходил), отправились во Львовку и в рощу Лучинник. День разгулялся, солнце припекает.

Из разговоров с Магомедом Ахмедовичем Ахмедовым:

— Нынешнее время не поэтическое. В воздухе, жизни нет поэзии. Потому и новые выдающиеся стихи не рождаются. Большинство поэтов читают что-то ватное, неинтересное. Вроде бы говорят всё правильно, складно — но совершенно не трогает. А настоящая поэзия, это всегда выброс энергии, темперамент, выстрел. Она должна заставлять душу встрепенуться.

Сам Ахмедов говорит тихо, словно засыпая. Но стоит ему выйти к микрофону, и просыпается вулкан — голос звенит, в зал выбрасывается буквально ярость.

Ещё когда мы только приехали в Болдино, Магомед спросил, продолжает ли выходить журнал «Вертикаль. XXIвек» и приеду ли я на праздник «Белые журавли» памяти Расула Гамзатова в Махачкалу. На всё ответил утвердительно, хотя и держу в уме, что на этот праздник в Дагестан меня уже обещали пригласить, да что-то там не получилось. Всё может повториться и теперь, не исключаю.

Подарил Ахмедову книжку стихов Сулеймана Стальского «Дагестанские мотивы» с моим предисловием и в переводах А. Коломийца, Н. Тихонова, А. Тремасова, вышедшую в издательстве «Вертикаль. XXI век» в 2015 году.

После нашего выступления в роще покропил землю тихий летний дождь. Так с нами в этот раз попрощалось Пушкинское Болдино.

Во время последнего обеда Диана Кан и Николай Алешков заговорили о «Дневнике ректора» Сергея Есина. Что это, видимо, лучшая книга писателя, хотя наработано им за свою жизнь всего много — романы, повести, рассказы, пьесы, огромное количество статей. Некоторые его произведения имели большой успех, даже славу (например, роман «Имитатор»). Однако сам Сергей Николаевич понимал, что главным произведением после него останутся дневники.

Борис Лукин рассказал, что во время панихиды тот, кто сопровождал писателя в Минск, поделился с собравшимися воспоминаниями о последнем дне жизни писателя, и что за несколько часов до смерти именно об этой книге они говорили. Есин на дневниках сделал акцент, оценивая всё созданное им.

В автобусе во время обратной дороги В.Г. Середин рассказал о любопытном факте. В советское время в главке, который контролировал работу крупнейших всесоюзных книжных издательства, не было детского издательства. Такие («Малыш», «Детская литература» и т.д.) находились в подчинении структур РСФСР. Спрос же на детскую литературу именно на русском языке в союзных республиках СССР был огромный. Родители хотели приучать своих чад к тому языку, который давал наибольшую перспективу роста (в образовании, культурном развитии, научном, карьерном) в дальнейшем. Издательства России отдавали на общесоюзные нужды совсем незначительный объём от тиражей детской литературы. Тогда Владимир Григорьевич, как заместитель главного редактора Главной редакции художественной литературы при Госкомиздате СССР, начал пробовать решить проблему в ЦК КПСС, через структуру, дающую добро на создание нового издательства. Но Середин так и не смог добиться разрешения у заместителя заведующего отделом пропаганды Владимира Николаевича Севрука. Видимо, уже тогда кто-то хотел остановить экспансию русского языка на территории Средней Азии, Закавказья, Прибалтики. Если вдуматься, то это факт поразительный. Я не допускаю, что тут имело место недальновидность некоего чиновника, от которого зависело решение важнейшего вопроса. Тут другое — не готовили ли уже тогда, заранее некие силы почву для разрушения единого государства? К тому же стоит учесть, что во времена «раскачивания страны» этот Серук стал заместителем главного редактора в «Известиях» — самой либеральной, антирусской в то время газеты. А мы пытаемся сводить произошедшую трагедию к каким-то случайностям. Нет, тут далеко не так всё однозначно.

5 июня Горбатовка

Взял в дорогу сборник стихов Бориса Слуцкого «Время моих ровесников». Долго эта книжка у меня была на очереди, и вот пришло время.

Мне кажется, что имя этого поэта я узнал довольно давно, ещё когда только сам начал интересоваться отечественной литературой — значит, в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века. Отслужив в армии, я жадно принялся читать не только книги (в армейских частях это занятие всячески не поощряли, хотя библиотечки в них были), но и периодическую литературу — журналы, газеты. И в них имя Бориса Слуцкого встречалось довольно часто. Автор он был плодовитый, но стихи его мне не пришлись по душе. Казались сложными словесными конструкциями — с острыми углами, нагромождениями длинных и путаных фраз. Впрочем, я никогда не отличался особой увлечённостью, любовью к поэзии.

Потому, видимо, и сам (что среди литераторов встречается довольно редко) никогда не рифмовал, не сочинял стихов.

Книга «Время моих ровесников» вышла в 1977 году (значит, я её купил после демобилизации), а умер поэт в марте 1986 года. И сразу пошли большие подборки его стихов из архива, ранее не публиковавшиеся. Это тоже было не совсем привычно, потому мне всё это и запомнилось. Я читал эти публикации, и сердце моё на них никак не откликнулось. Потому, вернее всего, и эта книга так и осталась мною до сегодняшнего дня не прочитанной — но стояла на стеллажах среди прочих — словно упорно дожидаясь своего часа. (Вот в этом и есть удивительная судьба, чудо всякой книги, потому что никто не знает часа её явления читателю.) Внутри неё сохранились пожелтевшие вырезки из «Литературной газеты» за 5 марта 1986 года и газеты «Известия» от 10 сентября 1988 года. Первая публикация, это некролог на смерть поэта. Кроме официальных соболезнований Союзов писателей СССР и РСФСР, здесь помещено и прощальное слово Давида Самойлова «Памяти друга». И тут, как мне кажется, сказано много точного о сути стихов Слуцкого.

«У него мы учились верности гражданским понятиям… Слуцкий казался суровым и всезнающим… Слуцкий не терпел сентиментальности в жизни и в стихах. Он отсекал в своей поэзии всё, что могло показаться чувствительностью или слабостью… Он кажется порой поэтом якобинской беспощадности. В действительности он был поэтом жалости и сочувствия».

Вот и я теперь уже несколько иначе воспринял стихи Бориса Абрамовича. И с оценками Самойлова согласен, и горечь переживания того, что принесла людям Великая Отечественная война (всё это передано в стихах) мне понятна, доступна до моего сердца.

Всё в стихах Слуцкого правдиво, точно, иногда с необычными сверхдостоверными деталями (как, например, верблюды на улицах Граца — такого не выдумаешь, это нужно было самому увидеть и удивиться, так же, как и израненным солдатским телам в уже мирной общей провинциальной бане, или танцам измученных работой солдатских вдов, что утешаясь танцуют друг с другом, или скорби тех же вдов, только сельских, что стоят в очереди за получением пособий за своих погибших мужей) — такого не выдумаешь, если сам не видел или не слышал от кого-то с полной достоверностью.

Но вот, несмотря на всё это, на это понимание подлинности, правды, именно стихи (как поэтические произведения) мне ближе не стали.

Теперь о публикациях из архива. В «Известиях» как раз очередная подборка таких стихов. В предисловии публикатор Юрий Болдырев отмечает: «Те четыре с лишним сотни стихотворений, что напечатаны после его смерти, — лишь некоторая часть поэтического архива».

И где теперь всё это?

Я убеждён, что подобной литературы нашему обществу сегодня не хватает. Не хватает жёсткого отрезвляющего взгляда. Чтобы писать подобные стихи, нужно пройти путь, подобный пройденному Борисом Абрамовичем — двадцатидвухлетний харьковчанин, студент Литературного института им. М. Горького добровольцем ушёл на фронт. Уже в июле тяжело ранен, после госпиталя участвовал в битве под Москвой и далее до победы в Австрии. Отсюда, видимо, и такой взгляд на иной, послевоенный мир:

Я знал ходы и выходы,
Я видел, что — почём.
Но я не выбрал выгоду —
Беду я предпочёл.
Меня лобзали гадины
Без всякого стыда:
Им было право дадено

Лобзать меня тогда.
Мне руку жали идолы —
Подлее не найдёшь.
Они бы немцам выдали
Меня за медный грош.
Но я не взял, не выбрал,
И мне теперь легко:
Как лист из книги выдрал
И бросил далеко.
Моё здоровье — крепче,
Мне веселее жить
С тех пор, как стали реже
За это водку пить.

Стихотворение «из стола», из публикации перестроечных «Известий». Хотя до самой смерти Слуцкий в стихах оставался «верным коммунистом» и советским патриотом. А что там было в его сердце — кто же это знает.

14 июня Чкаловск

Узнал, что Виктор Сидоров едет в Чкаловск оформлять продажу своего участка, и предложил взять с собой меня. Никогда не бывал в этом городке на берегу Горьковского водохранилища. Да и повод есть заехать в музей Чкалова — передать диски с фильмами, что отправил для директора музея Захаровой Ирины Александровны Р.И. Чарыков со мной из Москвы.

«Низкорослый», сонный, тихий Чкаловск не произвёл какого-то особого впечатления. Исконный для этих мест посёлок Василево, что располагался на берегу Волги, в пятидесятых годах оказался снесённым, затопленным. Чкаловск выстроен заново на вершине холма. Потому старой архитектуры в нём совсем нет. Лишь на берегу, где волны с шумом бьют в берег наподобие морского прибоя, сохранился двухэтажный каменный особнячок девятнадцатого века. Не единственный ли во всей округе.

Памятник В.П. Чкалову на одной из площадей. Скульптор Гусев.

Прежде чем отправиться в Мемориальный музей лётчика, зашли в Дом культуры — подарок советского правительства родине героя. Выстроен в 1940 году, прекрасный, узнаваемый образец «сталинского ампира» с башней-шпилем — главной доминантой сооружения. Автор проекта горьковский архитектор Александр Александрович Яковлев. Здание отреставрировано, в отличном состоянии. Теперь в нём краеведческая экспозиция и «Музей скоростей» Ростислава Евгеньевича Алексеева. Осматривать не стали — пожалели время.

Мемориальный дом Чкаловых сюда был поднят. Для этого его разобрали (полностью сохранив все детали — вплоть до печных кирпичей, из которых вновь сложили ту же печь), а на новом месте заново построили. Дом просторный, семья зажиточная, а потому не избежавшая раскулачивания.

Ирина Александровна провела для нас подробную экскурсию. Подлинные вещи, принадлежавшие Валерию Павловичу — пробковый шлем, в котором совершил первый полёт на самолёте; одежда, в которой летал на остров Удд и в США (шуба, куртка, унты); куртка и шлем со следами крови, в которых погиб лётчик при испытании самолёта. Тут ощущение подлинной истории.

И уж совсем особенные чувства испытываешь, когда видишь, дотрагиваешься до подлинного самолёта АНТ-25, на котором был совершён этот удивительный для того времени перелёт. Экстремальность нахождения в этой машине лётчиков на грани выживания — тесное до крайности пространство кабины, фюзеляжа, отсутствие отопления, элементарных бытовых удобств.

Всё новое совершается на героизме и самопожертвовании.

Из новостей этого дня.

Умер Станислав Сергеевич Говорухин — режиссёр кино, а вообще много чего успевший за свою жизнь сделать (1936-2018). В переломный момент страны он метался (документальные фильмы «Россия, которую мы потеряли», «Так жить нельзя»), но всегда был на стороне совести (так мне кажется). В последние годы занимался политикой (при Путине, в его окружении).

Правительство приняло решение увеличить пенсионный возраст в России — теперь мужчины будут иметь право на пенсионное обеспечение с 65 лет (плюс пять лет), а женщины с 63-х (плюс восемь лет). Свершилось то, во что не верилось. Несмотря на все разговоры и предупреждения.

В Москве начался чемпионат мира по футболу.

19 июня

Из звонков:

— Я просто так, захотелось поговорить, — сразу предупредил Николай Офитов. — Был в редакции газеты «Слово» у В.А. Линника. Виктор Алексеевич передаёт привет. Статья твоя «Заступник родной земли» о моей книге «На Ключищинском косогоре» печатается в ближайшем номере. Анатолий Строкин прочитал книгу, хвалит, просит несколько экземпляров для библиотеки.

Да, это на Анатолия Андреевича похоже. Неравнодушный человек, понимающий и любящий литературу, всегда желающий поделиться радость нового открытия с другими. Он и мне хорошие книги присылал, организовал публикацию воспоминаний Дионисио Гарсии в «Вертикали. XXI век» — интереснейшей книги испанца о его жизни в России. Кроме нас, так эти воспоминания, как мне кажется, больше нигде и не публиковались.

— Вот и хорошо. По переданному тобою предложению от «Дня литературы» я и туда послал статью. На сайте уже выставили. Валентина Ерофеева написала, что и в газете опубликуют. Достойно отметим выход твоей книги, сообщим возможным читателям.

А.В. Мюрисеп на каком-то театральном фестивале в Сергиевом Посаде. Но продолжает (непрерывно) работать над содержанием специального выпуска «Вертикали. XXI век», посвящённого 100-летию Нижегородского театрального училища. Передали Александру Васильевичу какие-то интереснейшие воспоминания, касающиеся довольно давнего прошлого этого училища. Говорит, что зачитывается ими, хочет написать вступление к тексту. Сейчас сидит на берегу какого-то озера или пруда, наблюдает за лебедями, а сам всё о будущем номере журнала думает.

Людмила Ермакова позвонила с грустной вестью. Здоровье её совсем плохое. Недавно потеряла сознание. К онкологии теперь прибавилась еще остановка работы почек. Волнуется, как быть со спасённой ею частью (совсем небольшой) архива Семёна Ивановича Шуртакова. Зовёт приехать в Москву на машине, забрать. Сама готовится к уходу из жизни, надеется, что я свяжусь с её сыном. Не простое всё это дело, но попробую как-то эту проблему решить.

Из областного Законодательного Собрания захотели уточнить день моего рождения, как будто он за год мог измениться. Но чиновничий аппарат работает, для них это стандартная процедура — поздравлять с днём рождения руководителей областных организаций. Записываю об этом контакте не из-за этого.

Диктую позвонившей свой домашний адрес.

— Да мы с вами соседи. Я тоже на улице Совнаркомовской живу, около школы.

— 143-ю школу я заканчивал. Мы наверно в одно время учились, только вы в младших классах.

— Классным руководителем у вас не Наина Александровна Жукова была?

— Да.

— Я её дочь. А вы учились вместе со своей сестрой-двойняшкой…

Неожиданный разговор. Будто какой-то привет из далёкого прошлого, которое было ли, нет ли — теперь уж и представит сложно. К тому же учеником я был непростым, строптивым — намучились со мной учителя, немало нервов сжег и им, и себе.

20 июня

Батюшка Евгений Юшков приехал забрать 54-й номер журнала «Вертикаль. XXI век». Решил прочитать вслух (это он сделал впервые) новые свои заметки. Получилась же у него статья о том, как в современной Русской Церкви теряются традиции. Статья не обличительная, в ней сердечная боль. Приводит о. Евгений факты, которые сами собой обличают неправедное.

Наш митрополит на епархиальном собрании заявил, что такого благоденствия, как сейчас, наша Церковь никогда не знала. Может быть, да только на пользу ли духовному состоянию народа всё это. Это свободы административные, финансовые, дающие владыкам быть совсем близко с власть держащими, ощущать себя равными им (а порой, не исключаю, и выше). А что происходит с народной душой, их, похоже, вовсе не тревожит. Слишком много материальных, финансовых забот выходит на первый план. У нас в Нижнем Новгороде просто эпидемия какая-то поразила епархию — ставить всевозможные памятники у церквей, в монастырях, на площадях. И ведь разговор-то в народе идёт один — всё это ради наживы: мол, нашли способ зарабатывать деньги. Господи, да разве ж в тот мир с собой что-то заберёшь! Ведь и так, кажется, есть у них всё — особняки, загородные и курортные вилы, вертолёты, яхты… Неужели мало? Неужели внешнее важнее внутреннего?

Вот умирают достойные пастыри, священники, бывшие десятилетиями настоятелями, но хоронить их у родных храмов не разрешают, отвозят на общее кладбище. Почему? Да, наверное, чтобы «английскую лужайку» у собора не портили. А то, что вековые традиции нарушаются (всегда находили священники вечное упокоение у стен родных церквей, за алтарём), так это пустяки.

При митрополите Николае (Кутепове) на Бору при восстановлении церкви в Сергиевской слободе нашли много человеческих останков и даже одно сохранившееся захоронение. Собрали всё, вновь похоронили, поставили кованый крест с иконой (мастера во Владимире ковали), рядом плиту, где выбиты имена всех, кто на этом погосте нашёл свой последний приют (кого сумели установить). Но вот решил новый владыка навести порядок: закатали место с вновь обретёнными косточками под тот самый «травяной газон», крест снесли, и вновь памяти о прошлых поколениях нет, как и не было. Зато есть стриженная зелёная травка, своей чистотой радующая «высоких гостей».

Да разве в травке одной дело… Теряется нечто несоизмеримо большее, чем деньги. Об этом и размышляет — неравнодушно и смиренно — священник, перешагнувший 80-летний рубеж своей жизни.

22 июня Горбатовка

А.Ф. Важнёву исполнилось 70 лет. Приехали его поздравить с К.И. Шиховым. Ким чувствует себя неважно — бледен, его знобит (при тридцатиградусной жаре). Однако продолжает работать. В последнее время написал три картины. Разговорились об этом в мастерской Важнёва, когда Александр Фёдорович показывал новую работу — опять море, волна…

Сегодня и бывшему губернатору Нижегородской области Склярову исполнилось бы 70 лет. К этой дате для музея Склярова в Арзамасе (ока-

зывается, есть и такой) Шихов написал двойной портрет — губернатора и покойного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова). Интересно было бы посмотреть эту работу. Ким Иванович такие картины вынашивает, продумывает, и они почти всегда оказываются внутренне содержательными. Тут помогает и сюжетность, которую придумывает Шихов для раскрытия образа.

Продолжает бурлить чемпионат мира по футболу. Сотни тысяч болельщиков со всего мира съехались в Россию, в том числе и в Нижний Новгород. На площади Минина и Пожарского устроена фанзона. Чтобы в неё попасть, пришлось пройти два кордона с рамками металлоискателей и настоящим, тщательным обыском не только сумок. Внутри три огромных экрана, сцена для развлекаловок, по краям палатки с пивом и напитками.

Большая Покровская забита разноцветной толпой. И я впервые так отчётливо понял, что этот праздник-карнавал — не наш. Не нашего нищего народа. Это из Панамы, Уругвая, Аргентины, Исландии люди приехали веселиться. А мы тут чужие, потому что не то что поехать в другую страну посмотреть матч, а купить билет на стадион, который через дорогу — не имеем (в большинстве своём) возможности.

Всё равно — невероятная атмосфера в городе, когда приезжают многие тысячи радостных людей и становится грустно (отчего-то), когда эта поющая, прыгающая, дующая в трубы, пьющая пиво, что-то кричащая толпа растаивает, исчезает, улетучивается — будто и не было всех этих огромных шляп-сомбреро, футболок всевозможных цветов и раскрасок сборных команд разных стран мира, флагов на плечах гуляющих болельщиков, гула вертолётов в небе над городом…

26 июня

Не стало поэта Андрея Дементьева (1928-2018). Долгую жизнь прожил Андрей Дмитриевич. Я помню его ещё заместителем Бориса Полевого в «Юности». После смерти главного редактора Дементьев возглавил журнал, и тот сразу «изменил облик» — пошла совсем другая, отчасти «модерновая» проза. В перестройку «Юность» в шеренге «демократических» изданий. Лев Разгон публикует там свои лагерные воспоминания. Но как только в стране наступили жуткие времена приватизации, нищеты, голода, обездоленности, разгула криминала, поэт немедленно оказался (как и многие деятели культуры революционно-либерального направления) за границей — в Израиле.

Позже, когда страсти в стране поутихли и наступила некоторая стабильность (к власти пришёл В.В. Путин), Андрей Дементьев возвратился в Россию. Его стихи целыми полосами стала печатать, переживающая свой ренессанс после прихода в главные редакторы Юрия Полякова, «Литературная газета». Поляков остался благодарен Дементьеву за публикацию его нашумевших в восьмидесятые годы повестей «ЧП районного масштаба» и «Сто дней до приказа».

Последнее десятилетие поэт много «светился» на телевидении, стал как-то более знаменит, чем в советское время. Но и осторожнее. Хотя допускал некоторые высказывания по поводу несправедливой социальной обстановке в стране. Но вообще был обласкан и закончил свою жизнь вполне удовлетворённым, немногим не дожив до девяноста лет.

Что-то о его личной жизни и взаимоотношениях с Олегом Николаевичем рассказывала мне Нина Николаевна Шестинская, да сейчас я этого уже не помню.

3 июля

Из Москвы для организации очередной выставки «Земляки» приехал Алексей Степанович Фёдоров, и мы небольшой компанией собрались в мастерской у Евгения Ивановича Юсова попировать. Подошёл Виктор Тырданов, убежал из дома к нам Сергей Рогожкин. Прихватив из до-

машнего холодильника бутылку водки и закуску, прибыл из Горбатовки на такси Александр Важнев. И такая удивительная по душевному состоянию получилась эта встреча, что мало с каким прошлым застольем можно её сравнить. Так нам всем по-братски было хорошо друг с другом. Ни «творческих споров», ни выяснения, кто «гениальнее», а кто «мешает творить и жить».

Позвонили Киму Шихову (он в деревне, ослаб, неважно себя чувствует) и каждый, кто был, сказал ему добрые слова — простые, о том, что помним, что его присутствия не хватает за нашим столом, а мы привыкли, что Ким Иванович всегда с нами, желали здоровья и понимали в это время, чувствовали, как образовавшееся духовное единство нас самих наполняет чем-то невероятно тёплым, радостным, жизненным, вдохновенным…

Ещё был у меня разговор с Сергеем Ивановичем о состоянии современной российской журналистики, отсутствии в ней личностей, общероссийских авторитетов, чьё мнение воспринималось бы обществом в целом. Но это долгий разговор. Тут нужно искать корни. Ведь вот и литература, и живопись потеряли эти позиции.

Одним словом, больших противоречий в наших разговорах не было.

Лишь единожды Виктор Константинович (перед этим напомнил я ему, что не первый год жду от него этюда не ради какого-то «материального приобретения», а чтобы было в комнате или рабочем кабинете «присутствие родного по духу человека», чтобы глядя на его работу грелось моё сердце, а Тырданов, как оказывается, всё никак не выберется из заказов на написание небольших икон) затронул тему личности в искусстве, начал утверждать, что личность ничто без соборности. При этом поводом послужило творчество Ильи Глазунова, что кто-то в советском КГБ его поддержал, и потому глазуновская живопись стала в те годы столь популярна, даже скандальна.

Это, наверно, единственный раз за всё застолье, когда я не вытерпел и высказал свою точку зрения:

— Соборность важна, но власть только тогда уступает, идёт на попятную, когда возникает личность, когда творческая энергия этого человека, его талант, характер, убеждённость, жертвенность идут наперекор устоявшемуся мнению, понятию, сложившейся ситуации. Вспомните «Батальоны просят огня», «Горячий снег» Юрия Бондарева. Кто с такой правдивостью, жестокостью, состраданием, грязью, болью, смертями и героизмом писал тогда о войне? Или Василий Белов с «Привычным делом», с повестью о глубинной крестьянской жизни. Или Валентин Распутин с «Деньгами для Марии» и «Живи и помни». Ведь это повести — одна про растратчицу государственных денег, другая про дезертира во время Великой Отечественной войны. Но так они были написаны, так талантливо, такая в них была высшая жизненная правда, что государственно-идеологический аппарат не смог их остановить в движении к читателям. Нет, личность художника в первую очередь решает всё. А потом уже соборность и т.д.

Любопытны рассказы Фёдорова и Рогожкина о посмертных масках великих мира сего.

Алексей поведал о художнике Олеге Павловиче Филатчеве (1937-1997), которого посреди ночи вызвали снять маску с покойного Л.И. Брежнева для института Марксизма-Ленинизма (выступил заказчиком). Поначалу художник не представлял, куда его повезли на чёрной «Волге» «люди в штатском в чёрных костюмах». Вводят его в большое помещение, где стоит стол с телом покойного. У Филатчева в руках ведро с воском, гипсом. Он всматривается в лицо покойного, и вдруг узнаёт в нём Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. (О кончине главы государства сообщат немногим позже.)

Работу свою художник сделал, но пришедшим к власти новым руководителям страны маска оказалась не нужна, о ней никто не вспомнил.

Так она и осталась невостребованной, висела на стене в мастерской художника.

Разговор поддержал Сергей Рогожкин. Когда он работал заместителем главного редактора в газете «Московский комсомолец», то в его руки попала посмертная маска, снятая скульптором Митлянским Даниэлем Юдовичем (1924-2006) с покойного Андрея Дмитриевича Сахарова (по просьбе вдовы Елены Георгиевны Боннэр. Какое-то время маска хранилась у Рогожкина дома, а потом он отдал её своему шефу, главному редактору газеты Павлу Гусеву, и тот повесил её в своём кабинете на противоположную стену, перед рабочим столом.

Разъезжались на общем такси поздно, в прекрасном расположении духа.

Тем удивительнее в новостях было услышать вновь о смерти. В США обнародовали данные за 2016 год. В стране было убито 17 000 человек и 45 000 человек покончили жизнь самоубийством. И это, как нас беспрестанно убеждают, в самой богатой, свободной, счастливой стране мира. Есть о чём задуматься.

4 июля

Новый губернатор (пока ещё временно исполняющий обязанности) решил провести конкурс на замещение вакантной должности министра культуры Нижегородской области. Но поступил не традиционно, а отдал решение этого вопроса как бы полностью на откуп областной общественности. Первоначально заявок от желающих покомандовать поступило невероятно много — более 800. После отсеивания осталось 613. Тестирование прошли 382. Видеопрезентации прислали 245. С этими пройдёт дальнейшая работа. По Дмитрию Фаминскому, который участвует «в борьбе» и указал меня, как его рекомендующего, на мой электронный адрес от «Команды губернатора» уже пришла анкета, которую попросили заполнить. В итоге должно остаться человек 20, из которых специальная комиссия, после проведённого собеседования, рекомендует главе области 5-7 кандидатур. Окончательное решение за Г.С. Никитиным.

Но и экспертная комиссия выбирается из 73 человек, представляющих довольно широкий спектр деятелей культуры — от библиотекарей и музейных работников до ректоров вузов и руководителей творческих союзов (отбор провела «Команда правительства нижегородской области» — «Команда правительства Нижегородской области» — представляются и так, и так — некая новая структура, которая, как я понял, представляется и губернаторской, и правительственной одновременно). Вот нам всем и предложили порекомендовать по три кандидатуры в эту комиссию. Я вписал в лист А.В. Мюрисепа, художника В.Ю. Грачева, директора театра «Комедія» Д.И. Коновалова. Но в итоги прошли те, кто больше всех на слуху — наш народ традиционно голосует за тех, кого чаще видит на телеэкране.

Но задумка «Команды губернатора», действительно, любопытная. Глеб Сергеевич сам её перед нами представлял, убеждая, что «ничего заранее не решено», и «всё будет зависеть от вашего выбора».

Присутствовали на этом «мероприятии» и мои недоброжелатели (В. Седов, О. Рябов), которым я публично, через прессу, отвечал на всякие нападки в мой адрес. Обоюдно сделали вид, что не замечаем друг друга.

В зале сидели вместе с главой Городецкого района Н.Ф. Поляковым. Какие же вопиющие несуразности творятся в нашей хозяйственной и сельскохозяйственной деятельности — просто диву даёшься. Куда девать выращенный картофель, не знают: на корм скоту теперь пускать не разрешают, утилизировать — целая проблема и продать не дают. То же с молоком и т.д. А наши федеральные министры всё твердят об импортозамещении, пока мы в магазинах покупаем ту же картошку, привезённую из-за тридевять земель.

Тут уместно вспомнить книгу В.А. Никонова «Молотов: наше дело правое» (М.: «Молодая гвардия», 2016. В 2-х книгах), которую сейчас читаю. Чтобы понять, что творится в деревне (20-е годы прошлого века), Вячеслав Михайлович взял с собой группу товарищей, стенографиста и отправился к мужикам. Побывал в десятках сёл, провёл собрания, всё сказанное зафиксировал, и только тогда подготовил документ для Политбюро по проблемам в сельском хозяйстве. Не пришло ли время и нынешней власти отправится «в народ», послушать его, а не пользоваться в принятии решений только теоретическими выкладками, да исходя из составленных в тиши кабинетов статистических данных.

11 июля

Ушла из жизни Людмила Сергеевна Ермакова. Сообщил А.С. Фёдоров, которого я только вчера на Московском вокзале проводил в столицу, отправив с ним сборники стихов Ольги Менестронцевой, которые недавно издал. Тираж книжки «Безупречные люди» небольшой — 100 экземпляров.

Видимо, Людмила Сергеевна знала о скором неизбежном итоге (судя по её звонку мне — последнему). В таком случае, готовилась она к нему спокойно, мужественно.

А отправленный тираж в Москву восторженно принят автором.

Прочитал первый том книги Вячеслава Никонова «Молотов: Наше дело правое». Есть во мне какая-то неудовлетворённость от узнанного. Если автор хотел рассказать о жизни человека, то в тексте мало о его личностном, биографическом. Тут на первый план выступает какая-то «бюрократическая машина» без переживаний, друзей, влюблённостей… Если речь о государственном деятеле, то где открытие неизвестных фактов, новых оценок произошедшего на основе неизвестных доселе архивных документов. Ведь в книге охватывается история России в невероятно сложный исторический период с 1900 по 1939 гг. Но нет — и расстрел царской семьи, и коллективизация и репрессии, и борьба с оппозицией… — обо всём довольно поверхностно, будто в спешке. И лишь желание как бы приравнять Молотова со Сталиным прослеживается явно.

В период премьерства Вячеслава Михайловича — тут в тексте часты такие фразы: «Сталин и Молотов предлагали»; «Были ли у Сталина и Молотова основания сомневаться»; «На имя Сталина и Молотова поступил отчёт»; «В Кремле, включая Сталина и Молотова»; «У Сталина и Молотова состоялась встреча с Ежовым»; «На вакантный пост Сталин и Молотов назначили Берию, с чем позднее опросом согласились и остальные члены ПБ» и т.д. Везде Молотов подаётся как бы равным Генеральному секретарю. Нигде, ни в одних воспоминаниях или исторических исследованиях попыток подобного «уравнения влияния и авторитетов» я не встречал.

Но это тоже только до 1937 года. Репрессии, ответственность за них, в равной степени между фигурантами Вячеслав Никонов разделить не хочет.

Конечно, это всего лишь мои поверхностные впечатления от прочитанного. Буду знакомиться со вторым томом, но опасаюсь, что стиль повествования и в нём не изменится. Хотя одну любопытную фразу из воспоминаний Молотова о репрессиях я тут для себя выпишу. Вот как её приводит в своей книге Никонов:

«В целом Молотов полагал, что совсем без репрессий обойтись было нельзя. «Всё было напряжено до крайности, и в этот период беспощадно надо было поступать. Я считаю, что это было оправданно. Или в период войны, когда всё было почищено и потом подъём, общий подъём, ту уже опасности такой не было. А если бы Тухачевские и Якиры с Рыковыми и Зиновьевыми во время войны начали оппозицию, пошла бы такая острая борьба, были бы колоссальные жертвы. Колоссальные. И та и другая сторона были бы обречены… А они уже имели пути к Гитлеру».

Да, опыт Испании с её «пятой колонной» для руководства СССР не прошёл даром. На это подспудно и ссылается в своих оценках Молотов.

В завершение, ещё раз об уравнивании Молотова со Сталиным, Никонов приводит в книге такой эпизод: посол США Дэвис, возвращавшийся на родину, во время прощального визита к Молотову, смог встретиться и со Сталиным, который зашёл в кабинет Вячеслава Михайловича. На восхищённые слова посла, обращённые к Иосифу Виссарионовичу, что он будет отмечен в истории «более великим созидателем, чем Пётр I и Екатерина», Сталин ответил, что заслуги принадлежат Ленину, трём тысячам способных плановиков и русскому народу.

Ясно, что посол США не видел Молотова равным Сталину.

16 июля

Собрались в Союзе писателей тесным кругом отметить мой 61-й день рождения. Разговоры хорошие, добрые и частью интересные. Некоторые выдержки из них решил записать для памяти.

В России отмечается столетие со дня гибели (убийства, расстрела) в Екатеринбурге царской семьи. Оттого невольно заговорили с о. Евгением Юшковым (у меня в кабинете, другие званые пока не подошли) об ожидании некоторой частью русского народа «явления нового царя».

— А чего его ждать? Что нам сейчас мешает спасаться? Церкви, монастыри, святыни — всё есть. Молись, очищай душу, готовься к вечности. Ведь вот ждём нового государя, а вдруг под его видом придёт совсем другой, а мы ему поклонимся, примем.

— Это ожидание, даже если и случится, многих может разочарует — так я, батюшка, думаю. Государю придётся наводить порядок «железной рукой», а многим ли такое понравится? Сейчас почти никто не задумывается (из основной «массы приверженцев» этой идеи) — что произойдёт дальше, когда Господь дарует царя? Наступит царствие благоденствия? Ой ли! Помню, как в конце 80-х годов прошлого века никакие трезвые увещевания на буквально обезумевшую толпу не действовали — люди из неё считали, что вот сейчас скинут коммунистов — и заживут!!! Скинули — и что, зажили? Коли вам объясняли, что социалистическое хозяйство негодное, так из этого в первую очередь вытекало, что построение нового хозяйства потребует от населения страны многих усилий, самопожертвования, терпения, «затягивания поясов», а не ожидания «манны небесной». Но нет — дальше мечты о могущей наступить халявной сытой жизни у толпы «интеллектуальные потуги» не шли. И голосов, призывающих к разуму, они не слышали. В итоге получили ограбление, унижение, нищету, раннюю смерть и прочие прелести «рыночной экономики». Не подобное ли ожидает нас и в духовной сфере, если будем вести себя неразумно?

После Михаил Рубцов, затрагивая вновь тему столетия, сказал, что были обращения к патриарху, чтобы он объявил особый трёхдневный пост по случаю скорбной даты, но Кирилл на это не пошёл.

В.В. Ивенин вспомнил прочитанный текст «Искр потухающих костров» в каком-то номере «Вертикали. XXI век», и выразил несогласие со мной в оценке поступков некоторых персонажей, с которыми и он был знаком.

— Так ведь это не оценки, а заметки на память, констатация произошедшего факта, ну, может быть, эмоциональный отклик на него. Если бы я всё оценивал с сегодняшних позиций, всё переписывал под «сегодняшнюю конъюнктуру», чтобы кому-то угодить, то этот текст, на мой взгляд, ничего бы не стоил и никому не был бы интересен. Мне важно было запечатлеть непосредственный ход жизни — для истории, будущих читателей. Чтобы они могли нас воспринять настоящими, а не выдуманными — любящими, страдающими, спорящими, разочаровывающимися, сопереживающими, что-то узнающими, отвергающими... Наше общество и так сейчас большей частью озабочено тем, как оно вы-

глядит со стороны, сосредоточено на эгоистическом начале, и оттого в нём много отталкивающего, раздражающего неестественностью. В этом отношении мои заметки намного выигрышнее своей непосредственностью. Во всяком случае, я на это хочу надеяться. Потому и читавшие главы из «Искр…» сотрудники журналов в разных городах России (совершенно незнакомые с подавляющим большинством упомянутых в тексте персонажами), писали и говорили мне, что «читать книгу невероятно интересно». И я этих писателей понимаю — потому что «текст живой».

18 июля

Правительство РФ во главе с Дмитрием Медведевым приняло решение по увеличению пенсионного возраста. Теперь, если закон пройдёт, все инстанции и его подпишет В.В. Путин, мужчины будут выходить на пенсию в 65 лет (плюс 5), женщины в 63 года (плюс 8). И конечно, по нашим телевизионным каналам пошли потоком сюжеты о том, как это правильно, хорошо, как выгодно сегодняшним пенсионерам и как наши люди мечтают, чтобы им увеличили пенсионный возраст — бодрые ветераны рассказывают, как они востребованы на производстве, в школах, больницах. Будто и без увеличения пенсионного возраста им кто-то мешал трудиться. Вообще, событие в социальной сфере для России эпохальное. На такие «революционные» меры в нашей стране не решалась ни одна всласть. Но особого протеста в России как-то не видно и не слышно. Только сегодня в подъезде у почтовых ящиков обнаружил такую листовку от КПРФ с призывом прийти на митинг протеста 26 июля на площадь Ленина: «На данный момент в Росси до пенсии доживают 10% женщин и 30% мужчин… Средний период здоровой жизни в стране, по оценке экономистов, 61 год, а в 50 регионах ниже 60 лет… Суть реформы не в том, чтобы поднять пенсионный возраст. Суть в том, чтобы лишить население гарантированной возможности получить пенсию…»

Официально же никто статистические данные по смертности, заболеваемости и продолжительности жизни именно в регионах центральной России, Поволжья, Урала, Сибири не публикует.

Пришлось отправить в областной архив для моего фонда ещё некоторый комплект номеров «Вертикали. XXI век» и многие мои книги (не все запрашиваемые, потому что некоторых просто нет в наличии — остались по одному экземпляру в деревне, придётся за ними ехать) — как следует из письма архивиста, она передала вновь запрашиваемые материалы (журналы и книги) ранее в библиотеку архива (Справочно-информационный фонд), и это оказалось ошибкой, за которую её как-то могут наказать.

Что ж, нужно мне распрощаться с неприкосновенным запасом. Архивное хранение важнее. Хотя случай, конечно, несколько курьёзный.

23 июля

Подготовил для публикации в «Вертикали. XXI век» отличную статью А.Д. Степанова «Царь — Мученик Николай и Иосиф Сталин» (Заметки о преемственности русской истории). Давно не читал с таким внутренним согласием размышлений автора, касающихся личности убиенного императора. Без всяких придыханий и «вознесений очей к небу» — трезво, логично, исходя из исторических фактов, а не придуманных событий, густо политых сладкой розовой ванилью. И от этого подвиг Николая II только возрастает в глазах думающих людей.

Я не зря тут подчёркиваю — думающие люди. Сколько раз мне приходилось разговаривать с ярыми патриотами и якобы монархистами, которые на миллиметр не позволяли себе отойти от мёртвой догмы. Не говоря уже о свободном размышлении по поводу очевидных фактов.

В письме своём Анатолию Дмитриевичу предупредил главу «Русской народной линии», что подобную его точку зрения разделяют очень и

очень немногие. Автор в ответном письме подтвердил, что он это понимает, но и молчать нельзя.

27 июля

Жара стоит невыносимая. Мучаюсь. Заставить себя работать не могу. Только к позднему вечеру становится немного легче.

Пошёл прогуляться и заодно посмотреть на особое «кровавое» Лунное затмение — когда спутник проходит внутри земной тени. Сегодня же Марс максимально приблизится к Земле и три планеты — Солнце, Земля и Марс — окажутся на одной линии.

Вообще, вся эта небесная мешанина, как отметили в телевизионных новостях, случается раз в 25000 лет. Интересно, как это высчитано и кто это может проверить.

Стоял на набережной Оки напротив площади В.И. Ленина. Ещё когда только вышел из дома — посмотрел на Луну, на то, как слева её большой светлый диск затемнён. И так постепенно дождался того момента, когда последняя светлая полоска погасла, и в небе оказался висячим огромных размеров шар, будто изнутри с трудом подсвеченный едва пробивающимся коричневатым светом. Было в этом зрелище что-то очень тяжеловесное, нереальное, потустороннее. Будто этот шар вот-вот не выдержит собственной тяжести и рухнет на город.

А ровно под ним ближе к земному горизонту ярким красным фонариком горел Марс, который сегодня можно видеть невооружённым глазом. Я понимаю, насколько это грандиозное зрелище оказалось «съедено» огнями города, сверкающей разноцветными вспышками башней телецентра, цепочками фонарей на мостах и бесконечной световой лентой фар от движущихся по ним непрерывным потоком машин.

Насколько грандиознее было бы это зрелище, если бы я его наблюдал от своего дома в Кунавине… Вокруг непроглядная темень, и этот огромадный шар с огоньком — Марсом под ним, а по сторонам россыпь звёзд.

28 июля

В новостях, как об особо трагическом событии, передают о смерти писателя Владимира Николаевича Войновича (прожил 85 лет). Главное его произведение — трилогия «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» — печаталось в СССР в самом конце 80-х годов, когда изничтожалось с ненавистью, осмеивалось всё советское и русское.

«Родился в Сталинабаде Таджикской ССР в семье журналиста, ответственного секретаря республиканской газеты «Коммунист Таджикистана»… Николая Павловича Войновича» и «сотрудницы редакции той же газеты Розалии Климентьевны (Ревекки Колмановны) Гойхман». (Сведения беру из странички в Википедии.)

Я бы, возможно, и не стал отмечать эту новость, если бы не одно обстоятельство, как-то невольно резанувшее слух. Все, кто говорил об ушедшем писателе сочувственные слова, были люди не русские, но разных национальностей.

И мне вдруг подумалось: а что было бы, если Владимир Николаевич написал свой роман (или текст — ведь роман, как я понимаю, он только по печатному объёму) об Абраме Чонкине и высмеял в нём так безжалостно не русских, а евреев, или о Гиви Чонкине, о Мухамеде Чонкине и прочее, прочее. Стали бы эти люди так его восхвалять, или, напротив, объявили антисемитом, грузинофобом, азербайджаноненавистником?

Я не испытываю никакого раздражения в отношении Войновича (хотя его «Чонкина» в журнале «Юность» прочитать так и не смог — по мне, это плохая литература, скучная), но мне хочется понять сам этот феномен. Вот уехал бы грузин в чужую страну, и по радио этой страны начали бы читать текст об идиоте — Гиви Чонкине — как бы это воспри-

нималось в Грузии? Наградили бы там автора подобного произведения государственной премией? А по его кончине русские писатели сказали в своих комментариях, что он показал «истинное лицо грузинского государства»? Как бы интеллигенция республики на это отреагировала? Ведь я помню, как возмущались на съезде писателей СССР литераторы Грузии по поводу совершенно безобидного рассказа В.П. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» — как можно было изобразить грузина пьяницей. А тут…

И ведь заранее знаю, что никто мне на этот вопрос вразумительно не ответит. Единственное, что смогут — приклеить очередное клеймо — антинациональное в отношении какого-либо народа. Хотя по факту именно часть других народов к нам относятся антинационально.

Когда же закончится эта невыносимая жара? Впрочем, это всё поверхностное, а стержневое — вчера в Киеве в Лавре, а сегодня в Москве, в Кремле и у памятника Владимиру прошли торжества в честь 1030-летия Крещения Руси. Вместе со всеми в небольшом Крестном ходе шёл В.В. Путин. На митинге у памятника сказал: «Это Крещение дало нашему государству более чем тысячелетнюю историю». — Так вкратце можно определить всё сказанное президентом России.

2 августа

А.В. Мюрисеп отдыхает в санатории «Городецкий» и упорно работает над материалами для специального выпуска (к 100-летию Нижегородского театрального училища) «Вертикали. XXI век». Это будет 56-й номер. Александр Васильевич говорит, что воспоминания собрал интереснейшие (особенно бывшего многодесятилетнего директора Цыганковой), я же обратил его внимание, что от предыдущего нашего проекта (о Табачникове) этот отделяет ровно десять номеров. И будет он не менее значительным — это уж точно.

4 — 5 августа Ромашково

Наташа с Лёшей увезли Таню с Сашкой, меня и Ирину к себе в сад. Убежать от жары — дело желанное. К тому же взял с собой второй том книги Вячеслава Никонова «Молотов», решил за выходные дочитать, с чем и справился доблестно, сидя под козырьком в тенёчке на подвесном диванчике. Некоторые впечатления от прочитанного сразу записывал на оборотной стороне попавших под руку каких-то инструкций.

После И.В. Сталина, как оказалось, не было в России больше грамотного, всесторонне образованного, начитанного правителя. Оттого-то и столько бед обрушилось на государство.

Период Хрущёва по потерям для СССР ужасающий. Но ведь никто из верхнего эшелона власти не выступил против, хотя глупость принимаемых Никитой Сергеевичем решений многим была очевидна. Своё благополучие важнее, чем разорение страны. Потому и прожил Молотов так долго (96 лет), потому что молчал, а при каждом обвинении в свой адрес каялся. (Впрочем, последнее понятно — на кону почти всегда стояла его собственная жизнь.)

Но ведь так живёт власть и по сию пору. Потому сквозь созданное сито и не прорывается туда ничто совестливое, смелое, самостоятельное. Не появляется человек, который бы смел возразить, восстать против самодурства — будь то Хрущёв, Горбачёв или Ельцин.

Тягостное чувство от прочитанного. И Молотов, как бы ни старался автор (а он это, под видом объективности, делает почти в открытую), выглядит в этом «тёмном царстве» «лучом света» (по В. Белинскому). И он шёл на компромиссы, боялся, а кого? Вот как написал о Хрущёве Гаральд Макмиллан, министр иностранных дел Великобритании (стр. 385, абзац 2): «Хрущёв — для меня загадка. Как может этот толстый, вульгарный человек с поросячьими глазками и бесконечным потоком речи быть

реальным правителем — наследником царей — миллионов людей в этой огромной стране?»

Громыко выглядит по отношению к Молотову предателем, хотя именно Вячеслав Михайлович сделал его свои замом в министерстве иностранных дел СССР (как своего человека). Но он-то оставил свои воспоминания, а Молотов нет, и потому именно его трактовка событий задокументирована для истории.

После «разоблачительного» доклада Хрущёва на XX съезде КПСС множество честных людей ждали правдивое слово о Сталине именно от Молотова (как от соратника вождя, при нём — второго человека в стране). Ему писали письма, его спрашивали. Это был для Молотова шанс исторического поступка, которым бы он мог многое изменить в последующие десятилетия, спасти репутацию страны, спасти множество жизней коммунистов за её пределами. Как знать — как бы всё повернулось. Ведь многие понимали, чувствовали, что в словах Никиты Сергеевича о Сталине много лжи, личной мести. Они хотели услышать слово правды от Вячеслава Михайловича, но не услышали ничего. Молотов промолчал, и в итоге за это жестоко поплатился. И не стоит тут прикрываться партийной дисциплиной (Молотова уже на съезде унизили многократно), когда всё дело в отсутствии смелости.

Мне кажется, что тут сказался «компромисс с совестью»: как бы не лишили дачки, кремлёвской поликлиники, ещё каких-то бытовых удобств (а ведь всего лишили, хоть и промолчал) из-за того, что что-то не так описал, оценил, позволил самостоятельность в высказываниях. Оттого в тексте, написанном внуком, прослеживается «антисталинизм» — вождь как раз смел всё и неизменно одерживал победу в действительно самостоятельной борьбе.

Когда всё было потеряно, Молотов неподготовлено вступил в борьбу и, конечно же, проиграл… Но как похоже времена «дорогого Н.С. Хрущёва» повторились во времена М.С. Горбачёва!

И ещё — нельзя не вспомнить, что Громыко (а это в СССР всё-таки был не одно десятилетие сильный министр иностранных дел), следуя прежней логике в отношениях с соратниками, вновь подстроился под Горбачёва, тот в свою очередь под Ельцина (всё боясь потерять благополучие) и в итоге потеряли страну.

Спать улёгся в беседке, на свежем воздухе. Поначалу проснулся рано, и первое что увидел — склонённую ко мне ветку, усеянную поспевающими яблоками.

7 августа

В Союз писателей заехал Михаил Рубцов, забрал мною подготовленное письмо на имя директора «Нижегородского машиностроительного завода» с просьбой помочь журналу суммой в 25 тысяч рублей. Предыдущее ещё в апреле я писал ему же с аналогичной просьбой, чтобы посвятить выпуск журнала памяти поэта Марии Сухоруковой, но просьба наша не была удовлетворена, да и воспоминаний о Марии Арсентьевне никто не написал. Теперь Михаил хочет повторить попытку — уже просто на выпуск патриотического журнала. Это хорошо, что он упорно начатое дело доводит до конца. Деньги, конечно, ннебольшие, но и они лишними (при нашей нищете) не были бы.

С А.М. Коломийцем зашли на открытую веранду ресторана «Безухов» выпить по бокалу холодного пива с креветками и разговорились о его переводах стихов с украинского, английского, народов Кавказа. В этом отношении у Алексея Марковича уже много сделано. Надо бы всё это как-то обобщить, выстроить. Вроде бы опять появилась надежда на издание собрания сочинений. Коломиец хочет включить в него прозу, лирику, три венка сонетов. В двух томах особенно не развернёшься, но если разумно подойти, то многое там можно поместить. Интереснейшая

жизнь прожита, много чего достигнуто, и весь этот путь отражён в творчестве Алексея Марковича. Подавляющее большинство написанного им — очень личностное, буквально мемуарное. (В 55-м номере «Вертикали. XXI век», который сейчас заканчиваем верстать, идут его три рассказа из Ужгородского детства.) В книге стихов этого года «Испытание души», вышедшей в нашем издательстве, отражён непростой период жизни, который сам он называет промыслительным.

— У меня была, в общем-то, счастливая, удачная жизнь. И вот, видимо, чтобы я испытал и иное, горькое, чтобы постиг его и бережнее стал относиться к жизни, и были мне посланы горькие испытания унижением и несправедливостью. Я, как мне кажется, это осознал и мне стало легче на душе. За всё, в том числе и за обиды, я благодарен Богу.

Когда Коломиец говорил, я понимал и чувствовал, что всё это искренне, от сердца.

Алексей Маркович ещё раньше попросил написать вступительную статью к его собранию сочинений. Не легко это будет сделать (сколько уже мною написано о нём, о его стихах), повторяться не хочется, но, конечно, что-то составлю из воспоминаний, ощущений, самых добрых чувств.

А из ресторана нас прогнала надвигающаяся буря — со стороны Автозавода густая, вязкая и клубящаяся чернота надвигалась по небу. Официанты начали поспешно сворачивать полосатый полог над нашими головами и убирать мягкие подушки с деревянных диванов.

10 августа

Вчера ездили с отцом Евгением Юшковым ко мне в Кунавино (батюшка договорился с машиной), чтобы забрать из деревенского дома книги для областного архива (недостающие в моём фонде). Во время дороги поведал я отцу Евгению, что, как мне сказал позвонивший из Москвы А.С. Фёдоров, Киму Шихову сегодня должны сделать онкологическую операцию — у него рак пищевода.

Батюшка расстроился, поинтересовался:

— А он крещёный?

— Думаю, нет. Даже наверняка нет. Как Ким Иванович говорил мне — и отец его да и он сам убеждённые атеисты. Без воинственности, но… твёрдо.

И вот сегодня утром Юшков звонит.

— Всё-таки никак у меня Шихов из головы не выходит. Ты бы посоветовал ему послушать в интернете «Молитву» Исаака Сирина. А может, можно ещё окрестить? Есть специальный чин для такого случая, я бы приехал, совершил.

Что я мог на это ответить?

Пообещал разузнать, хотя не представляю, как это сделать. Зная характер Кима, убеждён, что он останется непреклонным.

Что же касается «Молитвы» святого, то и я её слушал по совету отца Евгения. Глубочайшее, всевременное обращение человека к Богу, с пониманием всей своей греховности, своего несовершенства, с осознанием ложности своего земного пути. В седьмом веке жил в Сирии Исаак Сирин, и что за эти столетия изменилось в душе человека? Ничего. Вокруг, в техническом плане (что мы называем прогрессом) — многое, а в душе те же нескончаемые терзания и муки. Не это ли и есть главное доказательство, что она — неизменяемо вечна.

Делаю эту запись, и вновь неодолимо захотелось услышать пророческие и спасительные слова. Включаю компьютер. (Текст читает Олег Шкловский.) И выписываю для себя то, что именно сегодня особенно тронуло сердце:

«Умоляю тебя, Господи, не вмени мне грехов юности моей, неведение старости моей и слабость естества моего, которая одолела меня и потопила меня в размышлении о ненавистных вещах».

«Освяти меня тайнами Твоими, просвети разум мой познанием Тебя, пусть надежда Твоя воссияет в сердце моем, удостой меня внутренне молиться об этом».

«Возбуди во мне видение тайн Твоих, дабы я осознал то, что было вложено в меня в Святом Крещении».

«Мир смешался с Богом, и Творение с Творцом сделалось едино! (…) Слава Тебе за тайны Твои, что сокрыты от нас!»

14 августа

А.Ф. Важнёв сообщил обнадёживающую новость — Ким Шихов после операции выписан из больницы. Конечно — боли, слабость не уходят, но есть надежда на благополучный исход.

Совершенно неожиданно для себя зачитался старым романом Алексея Феофилактовича Писемского «Тысяча душ». И дело тут не в какой-то изысканности стиля, сложности и занимательности сюжета, а именно в простоте, даже, может быть, в обыденности происшествий рассказываемой истории. Но есть ещё важная особенность, отчего хочется, не отрываясь, читать эту довольно толстую книгу. Писатель нарисовал образ одного из главных героев (Петра Михайловича Годнева, отца Настеньки) столь добрым, чистым, можно сказать, простодушным, нравственно безупречным, сострадательным, что не полюбить его читателю совершенно невозможно. Особенно именно современному читателю, так как подобные персонажи полностью истреблены из нынешней русской литературы. Пожалуй, с ещё советских её времён. Ну, давайте вспомним в отечественных повестях, романах XX века хоть одного героя, подобного Егору Ильичу Ростаневу, Макару Алексеевичу Девушкину («Село Степанчиково и его обитатели», «Бедные люди» Ф.М. Достоевского) или Илье Ильичу Обломову, слуге его Захару («Обломов» И.А. Гончарова). Нет, все они остались в XIX веке. XX век привнёс в нашу литературу иных героев — большей частью жёстких, трагичных, испытываемых «на излом». Тут можно перечислять и перечислять. Как, оказывается, тоскует душа по человеческой первооснове.

Но ведь это происходит не нарочито (мол, могли писать и так, как было в позапрошлом веке, да не желаем). Это всё показатель изменившейся вокруг нас жизни. Изменений внутри нашей духовной среды, раз окружающее не подсказывает «рождать» подобные образы на книжной странице. А ведь как их наивность тепла, живоносна… Тут есть о чём подумать с полной серьёзностью.

15 августа Ивановка — Горбатовка

Надумал уехать из города, побродить по улицам посёлков близь Доскино. Погода стоит добрая. Немного, правда, жарковато — но терпимо, особенно в тени под деревьями. Шёл со станции долгой улицей (вспоминал, как тут однажды в самой молодости ночью блуждал по переулкам, пока не выбрался на одну из центральных улиц) и оказался перед узким проходом между частными домами и огородами, ведущим через болотистую местность, заросшую камышом и деревьями. Проход облагороженно-заасфальтирован, по бокам огорожен металлическими перилами. Вышел по нему к мостику над обессиленным ручейком, который перегораживала плотинка, из-за того вода перед ней болотисто разлилась, по образовавшейся заводи плавают дикие утки, в отдалении монументально стоит сонная цапля и как-то уж совсем сонно, тихо, отстранённо вокруг. Пройдя ещё немного, увидел привязанную цепью к перилам корову. Между насыпной возвышающейся тропинкой и болотом расстояние совсем маленькое, оттого бурёнка порядочно запуталась цепью за дерево, мучается. Когда подхожу к ней, она перестаёт жевать траву и долго, грустно смотрит то на меня, то куда-то в сторону. У глаз её вьются и ползают мухи. Корова ждёт от меня угощения (подходя сюда, я видел, как девушка с мальчиком кормили её булкой, видимо, того же она ждёт

и от меня), тяжело вздыхает. Уже совсем пройдя тропинку, повстречал беззаботного бычка — тоже привязанного, но с удовольствием щиплющего травку. Наверняка, её потомство.

За болотом незнакомая улица имени Островского показалась мне скучной, жаркой. Вернулся назад, и по Советской, вдоль когда-то большого озера, теперь совершенно заросшего болотной травой, по которой важно прогуливаются вороны, дошёл до совхоза, поглядел на место захоронения на берегу у тополей нашего умницы-кота Бакса. Озеро совершенно погибло, а ведь было красивым, рыбным. Важнёв, к которому зашёл в гости после прогулки, тоже в нём рыбачил.

Напарился у Александра Фёдоровича в бане. За обедом позвонил он Шихову, передал телефон мне. У Кима Ивановича голос болезненный. Через полтора месяца ему будут делать вторую операцию, а до этого жить останется у себя в деревне, зовёт его навестить.

После долгого застолья, ушедшего в поздний вечер, отправился я домой на такси. Смотрел из машины на изменившийся, светящийся огнями и рекламой город и думал — разве мы в молодости могли его себе таким представить? А что будет после нас? От этой мысли невольно загрустил. Вспомнился фильм «Довлатов» Алексея Германа-младшего, который посмотрел накануне. Почти о времени моей молодости, и всё-таки совсем о другом.

Рецензию о нём Галины Иванкиной в газете «Завтра» («Неформат», № 11, 2018) прочитал, пока ехал днём в электричке. Это интересный кинокритик. Несколько раз после её рецензий смотрел фильмы, которые она оценивала, и всегда они оказывались достойными произведениями киноиндустрии. К тому же материалы Иванкиной читаются увлекательно, рассуждения автора ясны, последовательны, без всякой заумной шелухи, которую плохие критики чаще всего используют тогда, когда не знают, что сказать по существу. Пожалуй, после Ростислава Юренева и его «Книги фильмов» («Искусство», 1981 г.) это первый киновед, чьи тексты не скучны, продуманы в оценках.

Главную роль исполняет Милан Марич — по-моему, великолепно. Точно передаёт главное — не в политической системе дело, когда речь идёт о творчестве (хотя режиссёр «давит» в видеоряде на «серое, убогое, тупое советское прошлое» — и тут он идёт тем путём, которым до него прошли многие), а в самой природе избранности художника по сравнению с другими людьми. Он иным мучается, не находит себе места, страдает и раздражается. Он не может «вписаться» в мир обывателя, у которого другие «жизненные приоритеты» — и это неизбывно, это вечное противостояние. Ни художник, ни приспосабливающийся к условиям жизни обыватель не могут себя изменить, даже если бы захотели. В этом трагедия, но в этом и непостижимый для нас Божий замысел. И всё это в плоти фильма есть, неведомыми путями пробивается к зрителю.

Ночью за окном дождь, словно мелкими камушками, тарабанил по подоконнику, сверкали электрическими разрядами близкие беззвучные зарницы.

Так прожил день, в который ничего не произошло… А почему-то хорошо.

19 августа

Наводнение из-за дождей на юге Индии. Известно о 330 погибших.

В Генуе (Италия) обрушился автомобильный мост. Погибло, как теперь уже стало известно, 42 человека (конструкции из бетона обрушились на жилые дома, которые стояли под мостом).

О первом происшествии узнал случайно — из «бегущей строки» внизу экрана во время телевизионной новостной программы, как дополнительную информацию к главным событиям дня. (Подробности уж потом разыскал в интернете — в новостях по этому поводу даже сюжета не

было.) О втором непрерывно говорят и показывают репортажи вот уже пять дней.

Так различна ценность человеческих жизней в отличии от того, в какой части планеты они живут.

20 августа

Для обсуждения некой стратегии развития области в сфере культуры и туризма пригласили нас, деятелей творческих организаций, театров, учебных заведений и прочее в Белый зал областной библиотеки. Народу собралось столько, что «яблоку негде упасть». Из выступления зам. губернатора Сватковского я понял, что подобные встречи они проводят по отраслям, чтобы выработать план действий на 18 лет вперёд. Как отметил в своём слове один эксперт из Москвы — не все, кто сейчас находится в зале, до окончания этого срока доживут. После разошлись мы по пяти группам в разные аудитории библиотеки, обозначили главные отраслевые проблемы, чтобы затем их суммировать и обсудить.

Во всём этом, безусловно, есть рациональное зерно, но будет ли это иметь какое-то практическое значение — посмотрим. Во всяком случае, в первоначальном документе ни разу не упоминаются такие понятия, как искусство, библиотеки, архивы, образование в сфере искусства и так далее. А ведь в этих сферах мы всё ещё живём заделом советских времён.

Приезжал Алексей Лосяков, забрал тираж своей книги «Маран-Афа», которая вышла в издательстве «Вертикаль. XXI век». Рассказал, как обживается в Краснодарском крае. Уехал туда с семьёй, да вот вернулся. Трудно супруге на новом месте, тоскливо. Хотя у самого Алексея дела пошли хорошо — его уже и в казачью школу преподавать пригласили, и с местным духовенством контакт наладился. Вот ведь как всё непросто в человеческой жизни.

Алексей Фёдоров приехал хлопотать по проведению выставки. Собрались в мастерской Альберта Данилина. Я туда приехал (Алексей на своей машине довёз), когда застолье уже шумело вовсю. Художник — Павлов Вячеслав Андреевич, чья выставка недавно прошла в залах на площади Минина и Пожарского, говорил громко, почти кричал, сам никого не слушая. Уверял, что он философ, гениальный человек, его картины увозят выставлять в Англию, пишет какие-то тексты белым стихом, изучил Канта и Гегеля (думаю, может быть что-то у них и читал), потому по любому вопросу имеет своё мнение. Высок, крепок, сед, с редкими остатками зубов во рту, он моментально перебивал любого, кто пытался заговорить.

Мы с Альбертом сели чуть в стороне, рассуждали о литературе деревенщиков, вспоминали «Год великого перелома» Василия Белова — роман о трагической судьбе крестьянства. Данилин высказал мысль о том (уж своя или вычитанная где — не знаю), что писатели этого направления не изжили в себе обиды за проведённую коллективизацию. Так Павлов и в наш разговор влез. Услышав имя Василия Белова, разочарованно махнул рукой, стал высокие слова говорить о текстах Владимира Войновича, его Чонкине.

— Надо быть прогрессивными, развиваться, а не застывать в традиционном (в общих словах таков смысл им сказанного).

И обращаясь ко мне:

— А вы вообще консерватор. Об этом давно известно — и разочарованно махнул рукой.

Кому известно, кто так считает, я уточнять не стал. Но, видимо, оценки такие в мой адрес кем-то произносятся.

Евгений Юсов позвал меня в свою мастерскую, в тишину. Оказывается, не выходит из головы Евгения Ивановича и моя просьба по оформлению рассказов из книги «Солнышко — всем», и мой новый портрет

в графике для «Искры потухающих костров», и акварели для номера к юбилею театрального училища.

Присоединившийся к нам Фёдоров добавил, что главы дневника, опубликованные в 51-м номере «Вертикали. XXI век» прочитал не отрываясь. Отрадно такое слышать.

До дома ехал на такси с Важнёвым. Скорбно говорили о состоянии Шихова.

22 августа

Еще когда мы пировали, отмечая моё 61-летие, то Н.В. Чих (поэтический псевдоним Тихонов) показав мне тоненький сборник стихов «Родство» Сергея Жукова, спросил, знаю ли я этого поэта? Ответил, что знаю, и что у него в советское время выходил ещё один сборник в Волго-Вятском книжном издательстве. Умер поэт, кажется, в девяностые годы, но видимо к какой-то юбилейной дате земляки издали довольно большую книгу его произведений. Она у меня есть. Тихонов: «Жуков учился в Водной академии, где я сейчас преподаю, потому хочу его книжки передать в наш музей». Тогда я встал из-за стола, прошёл в библиотеку Союза писателей и в книгах на своей полке нашёл последний том поэта, вернулся и отдал его Чиху.

Позже дома на стеллажах разыскал и последнюю прижизненную книжку Сергея Степановича. Она называется «Поздние птицы» (Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989). Но прежде чем отдать её для музея, решил перечитать. И не пожалел о потраченном времени.

Мне запомнилось, как мы принимали Жукова в Союз писателей России. Тогда он приехал из Чкаловска, побыл на собрании и быстро ушёл — торопился на обратный автобус. Больше я его никогда не видел. Но после той встречи, по не очень-то внешней ухоженности (невысокого роста, худощав, лицо осунувшееся, измождённое, в старом поношенном свитере), осталось у меня впечатление, что это человек с какой-то трудной, неустроенной, может быть, даже поломанной судьбой. Да это и по стихам видно.

В этой сумрачной тихой избе
До утра не могу заснуть,
Будто я по чужой судьбе
Пролагаю повторный путь.

Отчего половицы скрипят?
Кто вздохнул под окном в ночи?
Это ходики громко стучат.
Или чьё-то сердце стучит?

Жизнь чужая в меня вошла.
Страх сиротства.
Чувство вины…
Брёвна тёплые по углам
Словно пальцы рук сплетены.

Отдам эту последнюю прижизненную книжку поэта Николаю Викторовичу для музея.

Закончил работу над книгой «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени». Всё, что казалось три года назад невозможным — свершилось, семнадцать глав подготовлены к печати. Об этом довольно много говорили с пришедшим за газетами (в «Общеписательской литературной газете» опубликован небольшой материал о прошедшем в помещении нашего Союза писателей его скрипичном юбилейном концерте) Евгением Анатольевичем Андриановым.

24 августа

В Кремле, идя на заседание Издательского совета Нижегородской области, увидел, что начались раскопки на месте бывшей церкви Симеона Столпника. Это совсем недалеко от кремлёвской стены, у Белой башни, что между основными Ивановской и Зачатской башнями. Оказывается, сохранились даже некоторые остатки фундамента уничтоженного храма. Археологи (работы ведутся ИА РАИ по заказу Нижегородской епархии под руководством археолога Николая Николаевича Грибова) сняли покрывавший площадку асфальт и верхний слой земли. Церковь будут восстанавливать.

Удивительно, как далека и близка история одновременно для нас, жизнь проживших в этом городе. Сколько я проходил по этой площадке и не догадывался, что «выступ» на откосе у Ивановского съезда не случаен. Потом узнал, что где-то здесь был уничтожен храм, и начал подозревать, что только здесь он и мог быть. И вот — древность как бы сама взглянула на нас из глубины времён, из глубины земли. От этого странное и волнующее чувство испытываешь в душе. Не всё считающееся потерянным на самом деле потеряно, не всё изменённое, на самом деле изменено раз и навсегда. Вот и мы должны делать своё дело, которое сейчас кажется никому не нужным, но, которое, возможно, также однажды, может быть, нежданно открыто и востребовано уже другими людьми, другими поколениями. Что потребует через столетия их душа — ведомо ли нам?

26 августа

Воскресенье в Автозаводском парке. За всю жизнь только два раза я в нём бывал, да и то так давно, что уж ничего с тех пор о нём в памяти не осталось.

В центре района за кинотеатром «Мир» деревянная арка — образец архитектуры 30-х годов XX века. Это вход в парк, который заложили во время субботника местные комсомольцы в 1935 году. «Проект парка — авторская работа академика архитектуры А.С. Никольского. До настоящего времени сохранилась историческая авторская планировочная структура в северо-восточной части парка. Зелёные насаждения, высаженные в 30-е годы XX века, отлично сохранились». (Информацию прочитал на сайте парка.) Центральная аллея начинается с большого фонтана, который построили в 1945 году. Невольно задумаешься — сколько перед страной стояло вызовов, сколько всего нужно было построить, но вот и об отдыхе людей не забывали, которые понимали (не могли не понимать!), что всё ими создаваемое воплощается во всеобщее благо.

В парке чисто, много посажено молодых берёзок, кустарников, сосен, можжевельника. На боковых дорожках асфальт явно с советских времён — квадратообразно потрескан, так, что напоминает шкуру крокодила. Но для меня это песня — всё напоминает о прошлом, о безвозвратно ушедшей молодости.

И вот тут отчего-то вспомнился недавний звонок Андрея Реброва. Начал он мне говорить какие-то упрёки по поводу опубликованного моего письма в поддержку Станислава Куняева. Пришлось объяснить, что оно написано не против Николая Иванова, а против той толпы, которая всегда зла, бессовестна и продажна. И во время прошедшего писательского съезда, затаптывая Куняева, она точно так же в следующий раз предаст и затопчет Иванова. Потому Николаю Фёдоровичу лучше выслушивать таких, как я, кто не противник ему, но кто выскажет отличное от других мнение, которое принимать или нет — это уж решать ему. Прихлебатели же и поддакивающие — не надёжные для дела люди. Знаю по собственному опыту. Они весело пьют водку, легко клянутся в верности, но исчезают как дым при первом же случае, когда потребуется с их стороны поступок или хотя бы малая жертвенность. Вспомни о толпе, которая сначала кричала Христу «асана!», а немного спустя — «распни!», и променяла его на убийцу.

Умер Джон Маккейн — может быть, самый ярый русоненавистник в США. Лётчик, сбитый во Вьетнамском небе советской ракетой, он пять лет пробыл в плену. Вернулся в Америку героем (у них каждый, кто любым способом смог спасти свою шкуру, герой), сделал политическую карьеру, во главе которой поставил ненависть к русским. И вот — рак мозга. Всё тщета в этой жизни…

28 — 31 августа Москва

Было четыре повода отправиться в эту поездку. В первую очередь, всё-таки решил отвезти полный комплект номеров «Вертикали. XXI век» в посольство Индии. Об этом по моей просьбе ещё раньше как-то договаривался Виктор Сидоров. Затем побывать в Московском доме национальностей на закрытии выставки «Земляки», встретиться с В.Г. Серединым в Международном сообществе писательских союзов, решить окончательно с Н.В. Офитовым по изданию его публицистической книги.

28.08. Жара к вечеру немного спала. Так мучившее в машине солнце (светило с моей стороны) довольно быстро скрылось за московские дома. Сумерки. Пошли с Офитовым в Измайловский парк. Бродили по нему привычным маршрутом, до тех пор, пока не потемнело и вдоль асфальтированных дорожек на бетонных столбах не зажглись фонари.

Дорожная усталость ушла, словно поглотил её почерневший на фоне электрического света городской лес.

29.08. Но следующий день вновь жаркий. До улицы Воронцово Поле добрались несколько окольным путём. В библиотеке посольства встретились с кандидатом филологических наук Митали Саркар. Индианка совсем небольшого (метра полтора) роста и прихрамывающая на одну ногу сносно говорит по-русски. Хотя и не всегда сразу понимаем друг друга. Журналы, как мне показалось, она приняла с некоторой опаской, пытаясь уяснить для себя их содержание. И только перед тем, как нам распрощаться (я в течение беседы раз пять повторил, что хотел бы, чтобы моё издание не осталось в Московском посольстве, в библиотеке, а было бы отправлено в Индию, в один из университетов, где изучают современную русскую литературу) сообщила мне, что она посоветуется с начальством, можно ли это сделать.

Митали сказала, что с нами хотела бы поговорить Второй Секретарь Отдела прессы и информации Сунайна Гахлот и вышла позвать её. Вскоре вместе с ней в библиотеку вошла высокая молодая женщина, изящно одетая в традиционную индийскую одежду. Подали чай. Тут уж разговор пошёл более по-деловому: о возможной посылке наших студентов для обучения в Индию (за счёт этого государства); о переводе трудов Джавахарлала Неру на русский язык (есть ли у нас такие специалисты); есть ли у нас офисное помещение, где бы мы могли выставить книги об Индии (подборку их на английском и русском языках они подготовят); о ежемесячной присылке журнала «Индийский вестник. Бюллетень посольства Индии в России» для Нижегородской областной организации Союза писателей России.

Обменялись визитными карточками, электронными адресами и расстались, как мне показалось, вполне удовлетворенными состоявшейся встречей.

После обеда, дабы не откладывать на завтра, отправились с Николаем Викторовичем в МСПС, на Поварскую. Беседа с Серединым, как и в прошлые встречи — обстоятельна, содержательна, приязненна. Многие вопросы для меня Владимир Григорьевич разъяснил, в некоторых устремлениях и ожиданиях поддержал.

30.08. Главная новость дня — смерть Иосифа Давыдовича Кобзона в возрасте 80 лет. Пятнадцать лет певец боролся с тяжёлой болезнью (рак). В Донецке по этому поводу объявлен трёхдневный траур.

Я бы особенно отметил — все годы разрушения СССР и унижения России Кобзон вёл себя достойно и совестливо (во всяком случае — публично).

Выставка «Земляки» послужила больше поводом отметить столетний юбилей Михаила Федотовича Рожкова — народного артиста РФ, балалаечника, всего 70 дней не дожившего до столь круглой даты. Супруга подготовила небольшой концерт учеников Рожкова, показала документальный фильм об артисте. Я дважды видел Рожкова живьём и оба раза во время получения им премий. В 2008 году мы вместе были удостоены Международной премии имени М.А. Шолохова, а позже во время получения премии Нижнего Новгорода Владимиром Цветковым.

Вновь увиделся на этой встрече (впрочем — мимолётно) с художниками П.Т. Стронским и А.Б. Егоровым (познакомились с ним в мастерской Петра Тимофеевича — священник).

31.08. Перед отъездом вновь побывали в Посольстве Индии. Мои журналы уже разобраны. Погрузили в машину целую библиотечку — тяжёлые альбомы, книги, детская литература. Передали мне письмо. Сунайна Гахлот благодарит за посещение библиотеки посольства и за подаренные в дар издания.

В дороге прочитал повесть Писемского «Тюфяк». Горькое это произведение.

Уже недалеко от Нижнего Новгорода по радио услышали новость: в Донецке убит глава Донецкой народной республики Александр Захарченко. Взрыв произошёл в кафе «Сепар» (так бандеровцы называют бойцов и жителей ДНР и ЛНР), когда туда вошёл Захарченко, чтобы принять участие в поминальном обеде по Кобзону.

1 сентября

Сормовский парк. Большая площадь занята сосновым лесом. Хожу по нему, будто и вовсе уехал за город. Если бы не крики из репродукторов на центральной площади у пруда, в котором плавают прожорливые утки и лебеди (у нас почему-то считается, что чем громче призывать народ к веселью, тем лучше), и вовсе было бы хорошо. Удивило только большое количество довольно молодых деревьев, где-то посередине ствола неимоверно искорёженных, свёрнутых буквально в узел. Из этих уродств сосны вновь вершинами вырываются вверх, к солнцу. Но что же их заставляет так страдать? Что за неведомая страшная сила их уродует? И как всё это похоже на человеческую жизнь.

Дошли с Ириной почти до улицы Чаадаева — здесь живёт А.В. Мюрисеп. И тут невольно вспомнилась вчерашняя автомобильная пробка при подъезде к городу на развилке Московского шоссе и улицы Федосеенко. А за несколько дней до этого Александр Васильевич рассказал мне такой случай о поломке его «Волги» (Газ 24 — он бережёт этот автомобиль, как память об отце) именно на этом повороте (тут нет светофора, и потому приходится выстраиваться в большую очередь, ожидая просвета в плотном потоке встречных машин). Машина заглохла в самом неподходящем месте. Но Мюрисеп уже знал: чтобы она вновь завелась, нужно подождать, чтобы остыл двигатель, — минут пятнадцать. С Александром Васильевичем была супруга, которая переживала, что-то ему подсказывала, на что тот спокойно отвечал: «Молчи». Раида Леонидовна замолчала. Через некоторое время неожиданно к «Волге» подошёл молодой человек, предложил помощь. Взяли машину на буксир, оттащили с дороги, и в это время двигатель «ожил». Но машина спасителя ещё долго сопровождала «Волгу» — вдруг понадобится помощь.

Только когда вернулись домой, супруга призналась Александру Васильевичу, что замолчав, она стала молиться, и тут же подоспела помощь.

— Вот, пожалуйста, — подвёл итог своему рассказу Мюрисеп, — и что же это было?

6 сентября

В рамках Дней Москвы в Нижнем Новгороде прошло открытие выставки народного художника России, академика РАХ Василия Игоре-

вича Нестеренко. Совершенно замечательное событие для города. На открытие приехал сам автор картин — седой, скромно себя ведущий мужчина довольно высокого роста, среднего телосложения.

Полотна выставлены в залах на втором этаже. По своим размерам для этих пространств они огромны. Классическая реалистическая живопись — городские (чаще на фоне церковных куполов, крестов) и сельские пейзажи, исторические сюжеты, портреты. Последние своей выразительностью мне понравились более всего. Совершенно потрясает картина «Распятие».

Вообще на фоне такой художественной мощи сильно меркнет творчество наших местных художников, с их небольшими этюдами, повторяющимися видами на Волгу и Оку. Невольно понимаешь, что провинция закрепощает, закабаляет устоявшимися оценками, сложившимся закостенелым административно-общественным давлением в сфере культуры. (Именно культуры, потому что термин искусство тут и вовсе не употребляется, публично не произносится.) Оттого художнику не всегда хватает смелости пойти на эксперимент (пусть небольшой, не говоря уж о значительном), отпустить в себе ту энергию, которая, возможно, ещё как-то хранится, теплится в глубине его души.

Но тут, в первую очередь, должна быть свобода в трезвой оценке того, что ты сам делаешь, на что ты сам способен.

По просьбе В.А. Карпочева накрыли стол в зале Союза писателей. Сюда он пригласил бывших своих коллег по работе в комсомоле. Предвидя предстоящие разговоры, я сразу ушёл в свой кабинет. Но в конце встречи всё-таки появился в зале — благо, оставался последний тост бывшего главы службы по правам человека в областной власти (конечно, это было уже после разрушения СССР).

Вот слушаю я этих людей, и, честное слово, диву даюсь. Ведь именно они были у власти, когда произошла катастрофа в стране. Но ни капли раскаяния, никакого сожаления о (возможно, хотя бы допустить это) совершённых ошибках.

Слушал их, и понимал, что распад Советского Союза — это не последняя катастрофа для нашей страны. Слишком глубоки корни равнодушия во власти, порождённые столетие назад! Нет, не ощущается в нашей стране единого народа (я не материальное расслоение общества имею ввиду), единого его духа. И так это горько осознавать после великолепных картин Нестеренко. Хотя патриотической риторики хватает.

Из Выставочного зала я прошёл в Законодательное Собрание. Тут в коридоре на втором этаже вновь открытие выставки — на этот раз исторически-информационной, посвящённой Нижегородскому ополчению. Всех приветствовал председатель Законодательного Собрания Лебедев, представитель правительства Москвы, а затем Карпочев, который вновь заговорил о памятнике в Москве «Сталинскому соколу В.П. Чкалову»

— Многим лётчикам памятники поставлены, а ему нет.

Да, тут есть какая-то загадка.

Вечером звонил Сергей Овчинников из Тулы. Зовёт на чтения в Ясную Поляну. Нет у меня никакой возможности туда поехать, но услышать Сергея был рад. Человек он мягкий, интеллигентный. В издаваемом им альманахе «Тула» идёт моя повестушка «Колька».

7 сентября

Звонок старейшего работника (сотрудника) нашей областной библиотеки Людмилы Ивановны Шиян. Беспокоится о предстоящем 80-летии Юрия Адрианова в 2019 году. Она уже связывалась по этому вопросу с некоторыми местными литераторами, но ясности пока никакой нет. А хотелось бы издать книгу лучших стихов Юрия Андреевича.

Это совершенно правильное желание. К сожалению, имя Юрия Андреевича у нас как-то потухло (совершенно незаслуженно), что является показателем вообще отношения в Нижнем Новгороде к литературе. Нет

однозначного литературного авторитета (современного) не только у нас, но и во всей России. И как это болезненно для всего нашего общества.

Объяснил Людмиле Ивановне, что в журнале «Вертикаль. XXI век» я юбилей поэта отмечу. О книге же разговор более сложный. Тут я отчасти пессимист, хотя любую свою необходимую поддержку оказать готов.

Звонок Митали Саркар из посольства Индии — просит побывать на концерте в рамках фестиваля Индии во Дворце культуры ГАЗ.

— Там будет Третий секретарь (фамилию я не разобрал), он о вас знает.

Пообещал, что съезжу.

Важнёв зовёт за яблоками. Ну. это если только на следующей неделе. Мне ещё статью о книгах А.М. Коломийца нужно писать.

9 сентября

Заноги приехали в Союз писателей менять выставку — забрать картины Владимира и разместить вместо них работы Евгения Бобина. В последние годы мастерство этого художника заметно выросло. Пейзажи стали более глубокими, прочувствованными. Хотя в недавнее прошлое время (как узнал из разговора) он много и плодотворно работал «на забор» — место на улице Большой Покровской около старого здания Нижегородского университета. Там металлическая решётка. На неё художники вывешивают картины (незатейливые, в большинстве ширпотребовские), которые продают обывателям. Так вот на этой торговле Евгений заработал и на квартиру и на машину. Сейчас его живопись передаёт нечто настоящее в природе. А некоторые работы просто очень интересные: «Онега. Последний луч» (2018), «Летний полдень» (2014), «Майская зелень» (2014).

Вся выставка — это летние (большинство) и зимние пейзажи.

Точно не могу вспомнить, но, кажется, после самых первых выборов губернатора я сегодня впервые отметил бюллетень за Владимира Егорова. Он, конечно, проиграет (кандидаты, за которых я голосую, всегда проигрывают — я чаще всего делаю выбор не так, как все), но мне кажется человеком серьёзным, думающим.

Из избирательного участка на метро проехали на Автозавод, во Дворец Культуры ГАЗ.

Выступление танцевального коллектива Бхаратанатьям — «Абхинайя» не оставило какого-то сильного впечатления. Постановка Анарикша санчар (Эволюция полёта) — это тематический балет, повествующий о разных видах полёта, упоминаемых в древних индийских эпосах: «Рамаяна», «Манимекалай», «Сивагачинтамани», «Силападхикарам». Хореография индийского классического танца Бхаратанатьям исполнялась под классическую музыку, в сочетании с электронным звуковым оформлением и театральной сценографией. Хореография Джаялакшми Ишвар. Музыка О.С. Арун и Гопал Рао. Единственное, что поражает, так это то, что в этих древних эпосах уже описывались удивительные космические корабли, возможности человека самостоятельно перемещаться в пространстве, создавать летательные аппараты и обучать на них летать других людей. Обо всём этом рассказывалось в танцах, которые, на мой взгляд, не блистали каким-то особенным изяществом, грацией, хотя были довольно выразительны, информационны (если так можно выразиться). Перед каждым новым действием диктор за кулисами знакомил зрителей с литературным сюжетом, о котором пойдёт повествование в предстоящем танце.

Впрочем, по окончании представления артистов благодарили тепло и искренне — несли им цветы, складывали в поклоне ладони на индийский манер. Как я понял — это были знатоки и любители индийской культуры. Наш народ может быть отзывчивым и непритязательным. Из местных же властей не было никого.

10 — 11 сентября

Областная библиотека организовала в своём помещении «Фестиваль нижегородской книги», пригласив к участию местные издательства, творческие союзы, писателей. Организовано всё грамотно, с заинтересованностью — издатели рассказывают о своей деятельности, демонстрируют книги, писатели презентуют собственные сочинения. В коридоре — столы с новинками. Есть желание — покупай. Во время Круглого стола развернулась дискуссия на тему о сегодняшнем отношении к книге в обществе… Иными словами, была возможность понять, в каком состоянии находится книгоиздание в Нижегородской губернии.

Мне пришлось каждый день выступать. Вначале представил некоторые книги издательства «Вертикаль. XXI век». И только тут осознал — как много уже сделано, сколько произведений благодаря моему труду увидели свет — в самых разных жанрах: проза, поэзия, литературоведение, публицистика… А ведь всё это сделано на общественных началах, без какой-либо поддержки со стороны власти.

Но тогда встаёт вопрос — куда же тратятся те сотни миллионов рублей, что выделяются на поддержку «культурных проектов»? Всё это расходуется на сиюминутную ерунду — песенные концерты на набережной, пляски на площадях. Я понимаю, что подавляющей части обывателей это необходимо. Пусть себе развлекаются, тешатся. Но ведь нужно думать и о будущем, что-то оставить следующим поколениям после себя, какой-то культурный слой.

Во вторник уже был особый разговор именно о журнале. Его я начал с того, что следовало бы сказать во время Круглого стола.

— Когда я наблюдаю отношение власть держащих к культуре, то у меня невольно создаётся впечатление, что они не понимают, что есть главное из общественных ценностей. По их шкале оценок (если, например, взять дом), самым ненужным в построении государства является фундамент. Крыша дома закрывает от дождя, на этажах мы живём, в подвале картошку можно хранить… Фундамент же — самая бестолковая вещь — он навечно закопан в землю. Но именно без него дом не может стоять, рухнет. Вот и литература, это тот фундамент, от которого не следует ждать сиюминутной прибыли. Она просто необходима для существования нашего общества. Однако посмотрите — за два дня нижегородская пресса не нашла возможности хотя бы вкратце рассказать о несуетливо, с достоинством происходящем фестивале.

Виктория Старикова всё спрашивает — буду ли я в журнале публиковать переведённые ею рассказы итальянской писательницы Грации Верасани. Ответил, что одну небольшую новеллу (всего их четыре, и все о любви, зачастую нетрадиционной) опубликую — ради эксперимента.

12 сентября

Продолжаем ежедневно по телефону говорить с А.В. Мюрисепом о специальном выпуске «Вертикали. XXI век», посвящённом 100-летию Нижегородского театрального училища. Я уже встретился с Андреем Стариченковым, передал ему часть материалов для вёрстки. Хотя, надо сказать, сегодняшняя моя загрузка (издательская) вновь для одного человека запредельная: в работе, кроме этого большущего текста, вёрстка трёхтомного собрания сочинений А.М. Коломийца, книга очерков Н.В. Офитова, справочник словосочетаний для изучения английского языка О.О. Коробейниковой, ждут своей очереди сборники стихов В.А. Карпочева и статей А.А. Абрашкина.

Но сегодня с Александром Васильевичем в театре драмы встретились ещё и затем, чтобы посмотреть премьеру спектакля «Без вины виноватые» А.Н. Островского. В афишке это действо обозначено как «Высокая комедия про людей-актёров и актёров-людей в двух действиях». И далее: «Спектакль «Без вины виноватые» — попытка исследовать жизнь современного артиста, по-прежнему сложную, интересную и притяга-

тельную. Это неординарное, яркое высказывание о духе нынешнего театра, о том, чем он живёт и жив сегодня. В необычной трактовке режиссёра Кирилла Вытоптова в спектакле… актёры с упоением играют в свои игры: персонажи вдруг могут «растроиться» (нет Коринкиной, но её роль, образ, текст обнаруживаются в трёх других женских ролях) или, наоборот, из двух объединиться в один, или неожиданно появятся совершенно новые лица, не указанные в классическом списке действующих лиц…»

Ну и, конечно, эта постановка оказалась такой гадостью, пошлостью, безвкусицей, что еле дождавшись антракта (был бы в ряду с краю — ушёл бы раньше), с самыми гадостными чувствами я вышел из театра. И ведь наверняка «либеральное столичное режиссёрское сообщество» этот «эксперимент» расхвалит. По сути же, режиссёр показал свою духовную и интеллектуальную пустоту.

Но зачем его пригласили поставить это на сцене академического театра? Зачем на неё вытащили кривляние, ужимки, невероятную суету с некими намёками на современную политическую жизнь. Зачем эти безвкусные танцы, когда наши (уж и не совсем молодые) актрисы, повернувшись к залу задом, как бы соблазняя его, подобно стриптизёршам в захудалом кабаке трясут ягодицами?..

Вышел из служебного входа. Захотелось полной грудью вздохнуть прохладный вечерний воздух. Домой на Стрелку пошёл пешком. В пути выбрасывал из памяти, как грязные тряпки, недавно просмотренные сцены. Освобождался от нечто такого, что попыталось осквернить во мне возвышенное чувство к русской классике.

13 сентября Бор — Горбатовка

Вновь с Виктором Сидоровым попытались сдать документы для оформления деревенского дома — и опять неудачно (во второй уже раз). Выехали из Нижнего в нудный, сыплющий крупой дождь. Но уже на обратной дороге небо просветлело, грозовой фронт на наших глазах уходил вниз по Волге, чёрная муть резко обрывалась, будто кто её обрезал, и за этим обрезом уже первозданно сияло чистейшее бирюзово-голубое небо.

Вторую неделю А.Ф. Важнёв зовёт к себе за яблоками. Даже обижался за мою проволочку, за то, что откладываю с одного «завтра» на следующее. Но сегодня я твёрдо пообещал быть. И вот срываем спелые, красивые плоды, складываем их в пластмассовые вёдра, затем пересыпаем в мешки.

После традиционная баня, ужин с водкой и коньяком, воспоминаниями. С интересом перелистал сигнальный экземпляр книги-альбома «Александр Важнёв». Там и моя статья о художнике, и мой портрет, им созданный. Тираж книги (500 экз.) уже отпечатан. При нас хозяину пришло на телефон сообщение, что его погрузили в машину для отправки сюда.

Продолжают поступать сообщения о проводимых в России крупнейших за последние сорок лет военных учениях «Восток 2018». В них участвуют подразделения Китая и Монголии. Но Россия развернулась не на шутку: 300 тысяч военнослужащих, более тысячи самолётов, вертолётов, беспилотных аппаратов, 36 тысяч танков и бронетранспортёров, 80 боевых кораблей и судов сопровождения.

До этого прошли большие учения в Средиземном море.

Возвращаясь из Владивостока с Восточного экономического форума (на нём присутствовали главы государств — Японии, Южной Кореи, Китая, Монголии) В.В. Путин выступил перед военнослужащими, сказав: «Наш долг перед Родиной в том, чтобы быть готовыми отстоять суверенитет, безопасность, национальные интересы нашей страны. А если потребуется — и поддержать союзников».

Уезжал от Александра Фёдоровича под чистым звёздным небом.

14 сентября

В Союзе писателей встреча с директором Театрального училища им. Е. Евстигнеева Леонидом Чигиным. Предполагалось, что будем говорить о предстоящем финансировании выпуска «Вертикали. XXI век», материалы для которого сейчас собирает А.В. Мюрисеп, но по этому поводу лишь обмолвились. Леонид Александрович показал письма с запросами на необходимую сумму. В городских властных структурах эти нужды встречены с пониманием, однако в областном министерстве культуры денег нет.

От этой темы мы довольно быстро ушли, и заговорили о проблемах в училище (зарплаты у педагогов от трёх до восьми тысяч рублей), о позавчерашней премьере:

— Думал, вас увижу в театре.

— Я там был, но ушёл в антракт, не мог больше на происходящее на сцене смотреть.

— Правильно.

— Вы сами были до конца?

— Да. В постановке продолжалось всё на том же уровне.

О древней («Илиада» Гомера) и современной литературе.

В 55-м выпуске «Вертикали. XXI век» я напечатал цикл рассказов Чигина «12 непридуманных рассказов, или Дневник русского Дон Жуана». Это первая публикация автора, которой он искренне рад. По-настоящему — это первая наша встреча с Леонидом Александровичем, и оставила она доброе впечатление — он эмоционален, начитан и без лукавства открыт в разговоре. Во всяком случае, так мне показалось.

Но и у него, и у меня на сегодня ещё дела — расстались.

Отправился в Нижегородскую сельскохозяйственную академию поздравить с 60-летием доктора сельскохозяйственных наук, профессора, поэта В.В. Ивенина.

Проходя по улице Рождественской, встретился с А.А. Сериковым (в последнее время что-то часто происходят эти случайные встречи). Александр Алексеевич сообщил, что 22 сентября будет отмечаться день улицы Рождественской. Предлагает и Союзу писателей в своём зале что-то организовать — интеллектуальное, поэтическое. Я пообещал подумать, хотя времени в обрез. Есть у меня задумка провести вечер поэтических переводов с участием Коломийца, Чиха (Тихонова), Тремасова: может быть, в этот день всё и осуществить?

В нашей Государственной сельскохозяйственной академии (на её территории) я впервые, хотя впереди 100-летие её создания. Валентин Васильевич всегда мне был приятен. В нём ощущается крестьянская основательность, порядочность, трудолюбие. Стихи у него незамысловатые, но читая их понимаешь, что для этого человека главное в жизни. Что-то в этом роде я и отметил в официальном поздравлении от Нижегородской областной организации Союза писателей России. Свой адрес (и книгу «Лестница») вручил, выступая сразу после ректора академии.

Авторитет В.В. Ивенина как специалиста, агронома — самый высокий. Как учёный он подготовил к защите немало докторов и кандидатов наук. Потому поздравляли его и учёные, и бывшие коллеги — директора совхозов.

Выйдя из-за стола, я спросил Валентина Васильевича о его фермерском поле. Оказалось, он продолжает на нём трудиться.

— Но уже тяжело. Хотел передать сыновьям (один подполковник ФСБ, другой в научно-исследовательском институте сельского хозяйства), но они не очень хотят этим заниматься. Ведь одно дело — вырастить урожай, а другое его реализовать. С этим очень непросто, трудно.

16 сентября

Воскресенье. Пошёл в рабочий кабинет в Союз писателей, чтобы дописать статью о А.М. Коломийце. И к вечеру, надо сказать, всё довёл до

логического конца. От этого обязательства, можно сказать, освободился. Пришёл домой, и тут сообщение на телефон от Татьяны Антиповой: «Валерий Викторович, добрый вечер. Сейчас зашла на сайт росписателя, сегодня умер Николай Коняев…»

Никак не хотелось в это верить. Вошёл в интернет. Да: «Сегодня в 13 часов 05 минут на 70-м году жизни умер Николай Михайлович Коняев». Жаль. Как жаль!

По настоящему мы познакомились не так давно — в Санкт-Петербурге при вручении мне Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в Александро-Невской лавре. До этого встречались походя, случайно. Я книги и публикации Николая знал. Он мои — не знаю, не спрашивал. Хотя на страницах одних и тех же журналов наши публикации встречались. Тогда после торжества мы до глубокой ночи сидели в каком-то армянском ресторане на Невском проспекте — большом, помпезном — недалеко от площади Александра Невского. Зал был совершенно пустым, а мы тесной компанией (Коняевы Николай и Марина, Владимир Личутин, Андрей Ребров, Павел Кренев (Поздеев) и я) весело пировали, пели песни советских времён. Вышли из ресторана в зимний заснеженный город в четвёртом часу ночи. Я остановился в гостинице лавры, и так как ворота её на ночь закрываются, то вряд ли у меня бы получилось туда попасть. (Так я думал, но ошибался — привратник всю ночь меня ждал.) Невский запорошен белейшим нетронутым снегом (город в этот час пуст), фонари светят густым оранжево-красным тёплым светом.

— Поедемте, Валерий, к нам ночевать. Мы живём недалеко от Московского вокзала, — предложила Марина. У нас квартира на целый этаж, — и засмеялась, — это я так всех изумляю. На самом деле она небольшая, хотя одна на этаже.

Но мы с Личутиным поехали к Кренёву.

Однако в гости к Коняеву я всё-таки попал. Это случилось позже, через несколько месяцев. Меня вновь пригласили в Санкт-Петербург, в преддверии Книжной выставки. В тот день нас несколько человек (я, Игорь Смолькин, Василий Дворцов, Николай Коняев) заехало в офис журнала «Родная Ладога», а уже оттуда, только без Андрея Реброва, вернулись в центр города на улицу Разъезжую — там жил Николай Михайлович, а напротив его дома находилась наша гостиница. Довольно быстро допив вино, друзья наши ушли отдыхать, а мы с Николаем ещё пытались играть в шахматы (да какой из меня игрок!), смотрели книги в его замечательной библиотеке. Увидев большую подборку магнитофонных кассет, я попросил хозяина включить «Перезвоны» Валерия Гаврилина, чем Николая Михайловича несколько удивил («Это такая тонкая музыка…»), но просьбу мою выполнил.

Было уже совсем поздно, когда мы стали расставаться. Николай Михайлович вновь гостеприимно предложил переночевать у него, но гостиница была через дорогу, только пройти двор и подворотню, и я ушёл в ночь, забрав с собой подаренную книгу (Н.М. Коняев, А.А. Образцов. «Застигнутые ночью». — С-Пб. Русский остров, 2013) с такой авторской надписью: «Валерию, застигнутому ночью, но не сдавшемуся. Дружески. 23. 04. 2015 г. Николай Коняев».

На следующий день, уже более тесной группой, мы вновь заходили в квартиру на Разъезжей — вручали хозяину медаль от Краснодарской писательской организации (привёз Василий Дворцов), фотографировались. Я теперь сожалею, что эти снимки так мне и не передали. Какая бы осталась память. Тогда я обратил внимание на небольшую бронзовую скульптурку (человек сидит на городской скамейке — если что-то не путаю). Как сказал Николай — это его портрет, подаренный скульптором.

Понимаю, что сейчас сумбурно вспоминаю о всяких мелочах, но ничто более «глобальное» по сравнению с тем, что произошло, что бы было хоть приблизительно равное ему по значимости, в голову не идёт.

Николай Михайлович Коняев — писатель неповторимого интеллектуального темперамента. О чём бы он ни писал (а сотворено им чрезвычайно много!) — всегда получалось оригинально, самостоятельно, зачастую полемично (что касается истории, литературоведения, политики) с уже устоявшимися точками зрения.

Когда мы встречались в северной столице, почти всегда он дарил мне какие-либо свои книги, и все их с жадностью я начинал читать немедленно, в этот же вечер в гостинице, продолжал в поезде. Тут я могу вспомнить, кроме уже названной, ещё и «Лихие и святые девяностые», книгу с литературными очерками о Шолохове, Солженицыне…

Кстати о книгах, созданных на основании дневниковых записей. В одну из своих последних поездок в Санкт-Петербург я подарил Николаю Михайловичу номера журнала «Вертикаль. XXI век» с первоначальными главами своей подобной книги «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени», и получил от него такую весточку: «Ваши дневники в журнале я прочитал с величайшим интересом. 1.10.2017 г.». Не скрою — такая оценка Коняевым моих записей меня чрезвычайно вдохновила. И я ждал возможности привезти ему в Питер журналы с продолжением книги… Теперь это ожидание несбыточно.

В памяти всплывают воспоминания встреч (последняя, кажется, случилась в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя — тогда Николай так добро, тепло ткнулся своей головой в мою голову), и от того в сердце беспокойное чувство горечи.

В интернете стал пересматривать сюжеты, записанные Николаем Михайловичем для портала «Русская народная линия», и вдруг осознал — никуда Коняев от нас не ушёл, он навсегда с нами со своим спокойным, сдержанным, мудрым словом — написанным и произнесённым. Но неизмеримо большей частью — всё-таки написанным.

Вечная вам память, дорогой Николай Михайлович, и вечная жизнь.

17 сентября

Звонил Андрею Реброву. Спрашивал о Коняеве. Да чего уж тут спрашивать — кто что может объяснить, кроме самых близких.

После похорон позвоню ещё, узнаю о подробностях.

А.М. Коломиец пришёл и прочитал (дважды) статью о себе. Одобрил. Поблагодарил.

Продолжается скандал вокруг решения Патриарха Константинопольского Варфоломея дать Украинской церкви РПЦ автокефалию. Совсем недавно Патриарх Московский Кирилл летал к Варфоломею в Стамбул. Присутствовавший на этих переговорах митрополит Иларион (Алфеев) рассказывал, что это было братское общение, и вообще не жалел по поводу её оценки восторженных эпитетов. Но вот прошло не больше месяца, и оценки Варфоломея поменялись на противоположные. Тот же Иларион называет действия вселенского патриарха «коварными», «наглыми и циничными», «чёрным делом». В Русской Церкви теперь прекращают его имя поминать во время богослужений и грозятся вовсе разорвать каноническое общение.

Ну и что дала РПЦ встреча патриарха Кирилла с папой, главой Католической церкви? Все эти политические игрища приводят только к ослаблению позиции, в отличии от принципиальной стойкости.

18 сентября

Утреннее сообщение в новостях. В Сирии над морем исчез наш разведывательный самолёт ИЛ с экипажем и специалистами на борту. В это время по территории арабской республики наносили удары ракетами самолёты Израиля и фрегат Франции.

В Союз писателей приходил Иван Кириллович Кузьмичёв. Всё выспрашивает, что для меня из написанного является главным и есть ли такое (из опубликованного), за что мне сейчас неловко.

На всё профессору ответил подробно и искренне.

Коснулись темы православия в моём творчестве. И тут Иван Кириллович рассказал эпизод из своего детства.

— Я был мальчишка и босиком бегал в церковь, которая стояла в отдалении. Почему-то любил бывать на службе. Это заметил местный батюшка. Жил он с матушкой, детей у них не было. Но пришли времена, и церковь закрыли, разграбили, полы выдрали, колокольню снесли. К тому времени я уже поступил учиться в Семёновское педучилище. И вот по лесной дороге 12 километров до города, а там ещё 4 километра мы вместе с бывшим священником одолевали этот путь. Он работал в Семёнове — заворачивал в рогожку металлические изделия, был упаковщиком — зарабатывал на хлеб. В прошлые времена на праздники он ходил по домам, служил. По этому поводу были всякие сплетни и злословия. Но вот когда мы вместе ходили в Семёнов, я понял, что всё злое о нём говорили несправедливо. Это был искренне верующий человек, который и меня хотел наставить на праведный путь, приобщить к вере.

Вот уже 95 лет Ивану Кирилловичу, чего он только за свою жизнь ни повидал и не испытал, каких только людей ни узнал. Но эти события и встречи не затмили в его памяти образ простого, униженного, но с горячей верой в сердце сельского священника.

Стало известно, как был сбит наш самолёт-разведчик. Когда четыре израильских истребителя Ф-16 наносили удары по Сирии, то сознательно спрятались за наш большой ИЛ. Сирийцы, отражая нападение, выпустили ракеты из комплексов С-200, которые и попали в русский самолёт.

В Министерстве обороны РФ однозначно заявили — это сознательная провокация еврейских ВВС. ИЛ шёл на посадку, был всего в пяти километрах над землёй, в тридцати километрах от родной базы.

Подготовил прощальное слово (на основе записи из дневника за 16 сентября) о Н.М. Коняеве, разместил в своём блоге, отправил на «Русскую народную линию». А.Д. Степанов ответил письмом, рассказав о последнем дне Николая Михайловича.

Отпевать Коняева будут завтра в Лавре. Совершит митрополит Константин. «Смольный разрешил похоронить на Никольском кладбище Лавры».

Попросил Анатолия Дмитриевича и от меня поцеловать покойного, или поклониться ему.

После и Андрею Реброву отослал прощание с нашей общей фотографией в Александро-Невской Лавре.

19 сентября

Пошёл посмотреть наш футбольный стадион на Стрелке. Билет подарил Бобин (художник) — он в свою очередь его получил бесплатно на избирательном участке во время выборов губернатора.

Внутренне покоробило, что и тут при проходе на территорию, кроме проверки билета — рамка металлоискателя, тщательный обыск, показ содержания карманов. Я-то родом из того «тоталитарного» времени, когда всё это казалось немыслимым. И вот — за какие-то десять лет большинство людей к этой процедуре, невероятно унижающей человеческое достоинство, привыкли, относятся к ней, как к чему-то естественному, обыденному.

Само сооружение стадиона грандиозно — трибуны первого яруса, балконы. С внешнего балкона открывается замечательный вид на центр города, Волгу. Но бетонная стяжка пола уже вся потрескалась, а ведь ещё и зиму не простояла. Поле завораживает — ровный зелёный травяной ковёр в свете прожекторов приобретает глубокий изумрудный цвет.

Но впечатление от игры — будто на сцену Большого театра вышел самодеятельный драматический кружок, такое несоответствие антуража

с происходящим на поле. И, конечно же, оглушающий рёв динамиков с иностранной и отечественной попсой. Всё для народа — жаждущего «хлеба и зрелищ».

20 сентября

Продолжаю смотреть видео сюжеты с участием Николая Коняева. И вот в одной из передач Николай Михайлович говорит (радиопередача с трансляцией в интернет посвящена книге «Лихие и святые девяностые»), сообщил, что он закончил продолжение такого же объёма и отражающего такой же примерно промежуток времени — до начала двухтысячных годов. Книга им названа «Расставание с тысячелетием». Надеюсь, что в Питере её издадут, если уже не издали. Только до меня теперь, вернее всего, она не дойдёт.

В этой беседе Коняев так сказал о поколении, выросшем в последнее десятилетие разора страны.

— Самое страшное — главная волна впереди. Это те люди, которые выросли в системе идеологии жестокого бездушия. Жить им с таким опытом невозможно, невозможно устроить свою судьбу. Она всё равно будет несчастной.

А мне тут вспомнился рассказ И.К. Кузьмичёва (в прошлую нашу встречу) всё про ту же сельскую церковь.

— Около неё погост. Сейчас через него проложено шоссе. Так что могилы моих предков теперь закатаны под асфальт.

Горько это произнёс Иван Кириллович, сокрушённо, так, что мне подумалось: последние десятилетия — это продолжение многих прошедших лет.

Пришло приглашение из Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в Пятигорск с 15 по 18 октября.

21 сентября

По НТВ в новостях сюжет о девочке четырнадцати лет из провинциального городка Пермского края, которая умерла от истощения, от голода. (Как тут не вспомнить слова Коняева об «оглушительной нищете в глубинной России».) И вот инициатива местных чиновников — учителям проводить по домам и квартирам буквально обыски: проверять шкафы, холодильники, постели… То есть опять контроль (в ином направлении у них мозги не работают — и так всё просматривается видеокамерами, обыскивают, проверяют), и ни слова о том, почему в нашей стране люди умирают от голода.

Как же неблагополучно в России, если это нас не шокирует. В какое состояние мы скатились. Бездна между теми, кто правит страной, и кто живёт на огромных её просторах. Первые просто не видят вторых, не представляют, как те существуют. И лишь один инстинкт (закабалить, напугать, задавить) у них срабатывает. И верно — чего с грязью, пылью считаться.

А девочку до слёз жалко.

23 сентября

В разговоре по телефону с А.И. Казинцевым затронули тему № 8 за этот год журнала «Наш современник», который почти полностью отдан произведениям молодых прозаиков и поэтов. Рассказы и стихи, статьи о них Станислава Куняева, Михаила Тарковского и так далее опубликованы в рубрике «Наши надежды».

Александр Иванович давно хлопочет о молодых литераторах — ездит на семинары по всей стране, печётся об их публикациях. Вот и сейчас только что вернулся из Ульяновска. И поездка эта его расстроила (так мне показалось), потому что все те, кого он опубликовал, записались на семинары, проводимые редакциями «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов», но не «Нашего современника», не к нему.

Дело тут не в какой-то неблагодарности, а глубже, и думаю, болезненнее для изданий консервативного, патриотического направления. Входящие сейчас в литературу авторы не связывают своё будущее с ними, не видят в этой связи для себя перспективы (творческой, жизненной, карьерной).

Издания либерального направления в этом отношении более привлекательны, перспективны. И в этом (я так чувствую) кроется какая-то глубинная опасность для нашей страны — отложенная на потом, на годы вперёд. Это чем-то мне напоминает искусственное выращивание вируса в пробирке, в закрытой лаборатории, который в итоге может выйти из-под контроля, вырваться наружу, и тогда…

24 сентября

Россия ответила Израилю укреплением ПВО Сирии системами С-300. (Несколько лет назад РФ разорвала контракт на такие поставки и вернула Дамаску предоплату в 400 млн долларов — это было сделано по просьбе еврейского государства.) В телефонном разговоре с израильским премьер-министром Биньямином Нетаньяху президент В.В. Путин сказал, что «РФ исходит из того, что действия ВВС Израиля стали причиной трагедии с ИЛ-20», «принятые решения по укреплению ПВО Сирии направлены на предотвращение угрозы жизни военных РФ», и они «адекватны ситуации».

Командные пункты Сирии будут оснащены автоматической системой управления всех ПВО страны, которая до этого поставлялась только в войска России. Над акваторией Средиземного моря будет осуществляться радиоэлектронное подавление спутниковой навигации, бортовых РЛС и систем связи боевой авиации, атакующей объекты на Сирийской территории.

В городе Ахваз иранской провинции Хузестан четверо человек открыли огонь из автоматов по параду к годовщине начала Ирано-Иракской войны 1980-1988 годов. Боевики скрывались за трибуной. Убито 24 и ранено более 50 человек.

25 сентября

Вот и первый холод. Ветер, дождь. Небо неспокойно — по нему гонит чёрное кипение, зловеще клубящееся внутри себя.

Но делать нечего — назначены встречи в Союзе писателей, нужно идти. И тут, проходя по Канавинскому мосту, увидел, как сквозь недобрую небесную муть, подобно полынье, в небе пробивается рассеянный свет. Видимо, в этом месте слой туч порастаял. Неверный свет падал на тёмно-серую воду Оки, встревоженную частыми невысокими волнами, и она светилась расплавленным серебром какое-то время, а потом медленно стала тускнеть, словно серебряный островок медленно погрузился в речную глубину.

И вновь только холод, ветер, высокая рябь на воде, а над ней чёрное кипение ненастного неба.

26 сентября

Несколько лет мы не общались с Натальей Адриановой, и вот сегодня бывшая супруга Юрия Андреевича позвонила. Говорили доброжелательно. Кажется, целая эпоха с давних наших встреч минула, но тёплое отношение в моей душе к Наталье Андреевне прежнее.

Конечно — вспоминали нашего любимого поэта. В следующем году ему исполнилось бы 80 лет. Хорошо к этой дате выпустить книгу его избранных стихов. Наталья подберёт, а я попытаюсь заверстать и представить на Издательский совет подготовленный сборник.

В номерах «Вертикали. XXI век» 2019 года хотел опубликовать полный вариант своего очерка «Я был в душе осенним человеком». Но тут пришла мысль ещё и о письмах Адрианова (и ему) раннего молодого пе-

риода. (Распечатку набора их Наталья Андреевна ещё раньше мне передавала.) И последнее — почему бы не собрать воедино очерки воспоминаний Юрия Андреевича из недописанной им книги воспоминаний «Память Дятловых гор. Записки нижегородского литератора», которые ранее были опубликованы только в «Вертикали. XXI век» в номерах 5, 6, 8, 11, 12-13 за 2003-2005 гг. Всё это давно кануло в Лету, необходимо возродить, дать новую интернетную жизнь.

Рассказала Наталья новости и о неблаговидной местной «литературной» жизни относительно её попытки провести вечер, посвящённый творчеству поэта, но про это записывать не хочу. Отмечу лучше то, что закончила она книжку своих воспоминаний о детских годах. Текст уже отдала в типографию для работы. Теперь задумывается о воспоминаниях о супруге — Юрии Адрианове. Это ей необходимо сделать. Иначе многое в жизни поэта окажется искажено воспоминаниями его «друзей».

27 сентября Кунавино

Нудный дождь продолжает сеять — не переставая. Поехали с Виктором Сидоровым. Сегодня приедет специалист обмерять дом, чтобы оформить на него необходимые бумаги.

В доме хорошо — чисто, уютно. Всё здесь наполнено памятью прошлых лет, оттого сердце откликается то ли щемящей тоской, то ли радостной благодарностью.

Яблони в саду стоят пусты. Или не было в этом году урожая, или добрые люди собрали его не дожидаясь нас. Лишь на антоновке на самом верху раскачиваются под ветром, робко светятся дождевыми капельками на спелых жёлтых боках несколько больших яблок. Не стал их трогать — пусть мирно доживают свой короткий век.

На дальнем участке ни одного яблочка на ветках не увидел. Одна яблоня — та, что в центре, и вовсе погибла. Это так мы с Виктором в прошлом году с пилой похозяйничали, что больше беды принесли, чем пользы. Но я прошёл к деревьям, побыл около них.

Чай пили в доме из термоса, захваченного с собой Виктором. Парень обмерил дом с помощью современных технических устройств, быстро. Оказывается, и наши участки несколько лет назад замерял он.

Собрались в обратный путь. Подошёл я к стеллажам, выбрал несколько книг в подарок Сидорову — «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамина-Сибиряка. С каким наслаждением (в первую очередь Аксакова) я читал эти тома. Какое это чудо — русская классическая литература. В ней сохранён истинный, глубинный язык народа, со всей его красотой, образностью, плавностью и логичностью построения фразы, взаимосвязью с духом, глубинной национальной основой.

Виктор обещает литературно образовываться, читать хорошую литературу. Не уверен, что это случится, но всё-таки подарил с надеждой.

Ближе к вечеру шёл по мосту над Окой. Дождь прекратился на время, несмело выглянуло солнышко, но ветер по-прежнему холоден и порывист. По реке белыми, непрерывными продольными долгими (конца не видно) лентами плывут пенные полосы. Посмотрел на них сверху, и отчего-то вспомнилась вчерашняя мысль, что в тот срок, когда наступит мой черёд покидать этот мир, то, кроме близких, родных людей, мне будет горько расставаться с книгами.

Так я думаю, ощущаю сейчас. А дальше — как знать, как знать...

28 сентября Горбатовка

Выпив по рюмке хорошего французского коньяка, пошли с Александром Фёдоровичем собирать под дождём последние осенние яблоки.

Антоновка дополнительно обрызгивала нас, когда срывали с её веток созревшие жёлто-зеленоватые плоды, холодившие ладонь дождевой

влагой. Неуютно, по куртке дробно стучат капли. Свистит в недалёких электрических проводах ветер.

Побыстрее возвращаемся в дом, спускаемся в горячо натопленную баню. Греюсь в сауне до того, что сердце начинает тревожно стучать.

Только после всего этого, в большой комнате получаю в подарок от хозяина привезённый из столицы альбом его живописных работ. Я к этой книге написал одну из вступительных статей («Бесценный дар судьбы»). Тут и мой портрет, написанный А.Ф. Важнёвым.

Несколько раз внимательно просмотрел книгу — почему бы в одном из следующих номеров «Вертикали. XXI век» на обложке не опубликовать речные пейзажи художника, такие, как «Первый иней. Керженец», «У дороги. Пробуждение», «На Ветлуге. Вечер»…

Пока я хлестал себя веником в парилке, Александр Фёдорович позвонил Шихову. Ким Иванович готовится в понедельник лечь в больницу на вторую операцию. Бодр, с надеждой на хороший исход. Передаёт мне привет.

В Индонезии землетрясение и большая волна цунами. Жуткие кадры в новостях — ожидаются большие жертвы среди населения.

29 сентября

Продолжу тему, начатую в записи от 27 сентября о красоте и образности русского языка.

Я помню, как это «открытие» впервые поразило меня. Было это то ли перед моим уходом в армию, то ли сразу после возвращения из неё. Тогда отец поехал на рыбалку к знакомым рыбакам на Оку около старинного города Горбатов. Вечером, когда все главные рыбаки разошлись спать в свои сарайчики, я остался сидеть у костра с местными стариками (во всяком случаи, такими они мне казались) и заслушался их речами — такими они были простыми, ясными, внятными, образными, музыкально-плавными. Никакого тебе городского мусора, никаких речевых «пеньков» в виде «так сказать», «как бы», «ну, это самое», «короче», «позитивно», «вау» и т.д., которые в себе не несут никакой смысловой или информационной нагрузки, ничего, кроме того, что показывают языковую косность собеседника, убогость его речевого аппарата. Тут же говорили обыкновенные русские крестьяне (хотя уже и советские), но как!.. Тогда в семидесятые годы прошлого века я впервые осознал, что великая традиция русского языка ещё не утеряна, её глубинные корни ещё живы. Хотя и основательно подрублены.

Но когда же этот подруб произошёл?

Мне кажется, главная атака на исконный русский язык началась в конце XIX — начале XX веков. И в первую очередь это происходило через литературные произведения.

Если А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Островский… (и далее — тут следует большой ряд, который, на мой взгляд, можно закончить именами И.А. Бунина и И.С. Шмелёва) возвели совершенство использование языка на невероятную высоту, открыв в нём глубинные возможности передачи не только чего-то внешнего, но и потаённого, что называется — подсознательного, мистического, то существовавшие вместе с ними в одном литературном пространстве Петр Боборыкин, Глеб Успенский… (тут логическую цепочку завершает Максим Горький, как наиболее яркий представитель упрощения литературного языка в тогдашней русской литературе) уже большей частью использовали язык, как некий информационный инструмент, упрощая его, делая более повествовательно-телеграфным, «скоростным». Эти две тенденции в нашей литературе существовали параллельно и, в общем-то, незаметно было, чтобы как-то влияли друг на друга, хотя языковые потери уже становились очевидными.

Всё резко изменилось во времена русской смуты, в революционные и послереволюционные годы, когда в отечественной литературе наиболее

заметное влияние отвоевали для себя писатели, для которых русский язык не являлся родным, естественным. Для них упрощение языка, если хотите, было средством выживания в литературе того народа, который оказался под их идеологическим и политическим влиянием. Они не могли, а вернее всего и не хотели, не ставили перед собой такой цели — разговаривать с публикой на уровне души, а не только лишь на уровне эмоций. И в этом, наверно, не было никакой злонамеренности. Такая литература легко «потреблялась», а её язык в момент критического накопления стал переходить (как образец для подражания) на бытовой уровень общения граждан страны.

Конечно, полностью истребить «коренной» язык не удалось. Более того — это, по моему глубокому убеждению, и невозможно сделать, ибо он, язык, дан народу свыше. Но именно на бытовом уровне мы тогда начали нести значительные потери. Хотя… стоило только М.А. Шолохову написать свой великий роман «Тихий Дон», где стихия сплавленности великорусского и малорусского языка своей правдой и красотой давала пищу для читательского духа, как вдруг русский человек тут же себя осознал именно национально. А ведь были затем и ещё замечательные литературные произведения, написанные Л.М. Леоновым, Ю.В. Бондаревым, В.И. Беловым, Ю.П. Казаковым, В.Г. Распутиным, которые показали живучесть традиции, заложенной классиками, что и сейчас неведомо как, на подобии родников, пробивающихся из толщи земли, истинное русское слово живёт, сохраняется, прорывается к читателю.

Несколько особняком в этом ряду стоят произведения В.П. Астафьева из-за того, что в них автор не упускал случая использовать вульгаризмы. Но ведь не в университетских коридорах постигал тайны языка будущий писатель, а в детском доме Игарки, во фронтовых окопах Великой Отечественной войны, в железнодорожной бригаде на Чусовой.

30 сентября

Становятся известны первые итоги природной катастрофы на индонезийском острове Сулавеси. Только погибших уже 832 человека. Но подземные толчки не прекращаются, обещая жителям новые беды.

1 октября

Ещё вчера график Сергей Шабанов приходил в Союз писателей, предлагал сделать свою выставку в нашем зале. Сегодня вновь зашёл — зовёт к себе показать работы. Оказывается, живёт на Рождественской, напротив, в доме с внутренним двором-колодцем.

Во второй половине дня пошёл к нему. Высокая старинная лестница с оббитыми ступенями, чугунные ажурные перила, залитые чёрной краской, этажные площадки узкие и долгие. Стены, потолки облуплены, местами штукатурка обвалилась, обнажив кирпичную кладку из старого, морковно-красного кирпича. Но дух прошлых веков продолжает в этих стенах жить — сохранившейся местами лепниной, массивными шкафами для верхней одежды, что предусмотрительными архитекторами были вмонтированы в стены перед дверями квартир.

Неповторимый колорит ушедшей эпохи. Так он мне приятен, интересен.

Работы Сергея я знал в первую очередь по его книжной графике — интересной, мастерской, но несколько суетливой (так мне всегда казалось). Он оформлял издания Юрия Адрианова, Валерия Шамшурина, Петра Еремеева.

В последние годы Шабанов работает в компьютерной графике (или это нужно назвать как-то иначе — не знаю). Все последние многочисленные тома Марии Сухоруковой оформлены им. Сейчас зарабатывает деньги тем, что для изотерического интернет-магазина создает карты таро. Эти образцы он и показывал. Интересные работы на самые разные темы — от Древнего Египта до современных художников.

Есть у Шабанова серия о русских писателях (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов… Булгаков, Есенин, Ахматова), о Санкт-Петербурге, о художниках эпохи Возрождения, о русской истории. Всё выполнено в его узнаваемом стиле — на первом плане главный портрет, на втором — сложная композиция из многих персонажей, предметов интерьера, образцов архитектуры, резко изломанных прямых линий. Всё это зрителя затягивает, завораживает яркостью, красотой, сложной интеллектуальной игрой. Мне бы хотелось, в первую очередь, выставить серию о русских писателях и поэтах. На этом и расстались.

Вечернее небо почти очистилось. Оставшиеся облака окрашены снизу розовым светом заходящего солнца. Между ними нежные краски бесконечности, что на глазах преображается, теряет свою нежную прозрачность, тяжелеет, становится скучной серой пеленой.

2 октября

Министр обороны России Сергей Кужугетович Шойгу доложил президенту В.В. Путину, что комплексы С-300 в Сирию уже поставлены. Переброска осуществлена самолётами «Руслан».

Встречался с Натальей Адриановой. Книга воспоминаний её «Жизнь моя, легкокрылая!» оказалась довольно внушительной. Начал читать — с увлечением. Главное — написано с искренней любовью не только по отношению к близким людям, но и просто знакомым — соседям по дому, друзьям по двору.

О бабушке — жизненно мудром человеке:

«Наши бабушки не были психологами, но хорошо знали, когда погладить ребёночка по головке, когда по попке шлёпнуть. Психологами их делала сама жизнь, да и была она более выстроенная, если можно так сказать, стояла на твёрдых устоях, и отклонившихся от этих устоев общество единодушно отвергало и наказывало».

«Бабушка родилась в семье простолюдинов, но хочется отметить, какова была культура быта даже в таких семьях. Помню с малолетнего возраста, что на стол никогда бутылки вина не ставили. Положено было вино или ещё что покрепче переливать в графинчики. Позже, когда всё опростилось, стали и в нашей семье выставлять бутылки на праздничный стол. Я была совсем малютка, но запомнила, как бабушка в один из таких семейных сборов горестно произнесла: «До чего я дожила! Бутылки на стол начали ставить».

«В нашей родне есть учёные, инженеры, военные, художница, заслуженные артисты, режиссёры, преподаватели вузов и школ. Профессия преподавателя в нашей семье самая распространённая: среди нас девять преподавателей. Достойный итог жизни Натальи Андреевны Летниковой».

Напомню — русской простолюдинки.

Так рождалась новая русская интеллигенция в послереволюционный период.

3 октября

Глубоко разочаровавший разговор с А.А. Абрашкиным. Никто не готов поступиться самой малостью от себя — буквально копеечкой. А если невольно случается, то помнят об этом (с сожалением, обидой) годы. И в то же время легко пользуются плодами дела, которое создал кто-то, потратив на него годы жизни. При этом не возникает в их сердцах ни чувства благодарности, ни сочувствия, ни понимания.

Вот уже сколько десятилетий знаю фразу из «Энеиды» Вергилия: «Бойтесь данайцев и дары приносящих», а всё мне не в разум, не в прок это знание.

Отец Владимир Чугунов сообщил, что сегодня у него забрали последние пачки с моей книгой «Лестница». Просили больше, да у него уже тираж закончился.

5 октября

Владимир и Мария Заноги назвали совместную выставку в Выставочном комплексе на площади Минина и Пожарского «Преемственность». Заняли своими работами всё правое крыло первого этажа. Какого-то открытия не состоялось, картины и отца и дочери известны по прежним показам. Традиционная добротная живопись «русского направления». В залах, где выставлены такие полотна, душе хорошо, уютно.

Состоялся у меня разговор по поводу нынешнего состояния русского языка с профессором, кандидатом юридических наук, полковником милиции в отставке, сейчас преподающим в Нижегородской академии МВД РФ А.Н. Лушиным. Причём начал говорить на эту тему Александр Николаевич сам — словно прочёл мои размышления по этому же поводу, что делал я уже несколько раз. И ведь полное совпадение (по теперешнему состоянию) примеров, оценок, ожиданий на дальнейшее. Тревожит эта тема думающих людей.

Отмечалось открытие выставки довольно тесным кругом в ресторане «Мокроусов» — в доме, где когда-то жил знаменитый композитор (ныне улица Октябрьская, дом 12). Как оказалось, именно здесь висит тот студенческий портрет Заноги, о котором Владимир мне ранее рассказывал. Хозяин ресторана подобрал его у контейнера с мусором — о чём всем нам и рассказал.

Тут уж и Лушин вспомнил, как в детстве в этом доме в одной из коммунальных комнатушек сидел с тётушкой, вернувшейся после 20 лет лагерей в родной город. Старушка страдала водянкой и умерла у него на глазах.

Вот так всё перемешивается, соединяется в нашей жизни в неповторимый исторический коктейль.

9 октября

В Черниговской области на Украине горит арсенал (очередной) с боеприпасами. До этого подобное было под Винницей, под Харьковом… Рвутся снаряды, взлетают ракеты залпового огня.

Невольно думаешь — теперь вся эта смертоносная жуть уже не принесёт беды безвинным людям на Донбассе. И всё-таки — пятый подобный пожар за четыре года в арсеналах украинской армии.

11 октября

Отдал выпуск «Вертикали. XXI век» (№ 56-57) в типографию. Огромная работа пока закончена. А.В. Мюрисеп собрал большой материал, посвящённый столетию Нижегородского театрального училища. Воспоминания (записанные) останутся бесценным документом культурной жизни города. Судьбы, судьбы, судьбы… Завершённые и подходящие к краю. И те, у кого достаточно времени впереди. Более четырёхсот журнальных страниц.

При запуске ракеты «Союз» с новым экипажем на Международную космическую станцию произошла авария. Космонавт Алексей Овчинин (Россия) и астронавт Ник Хейг (США) были спасены в специальной отстреливаемой капсуле.

Вот и дождались — после стольких аварий с выводом на орбиту спутников и грузовых кораблей случилось недопустимое с космонавтами. Будем ждать трагедии, или всё-таки что-то изменим в работе «Роскосмоса»?

Завершена работа с трёхтомным собранием сочинений А.М. Коломийца. Тут пришлось самому мне составлять книги, продумывать концепцию издания. Но я рад, что она состоялась. Написал для трёхтомника вступительную статью (слабую, плохую, неудачную), и тем самым за всё издание несу моральную ответственность.

Позвонил Алексею Марковичу, обрадовал.

Печатать книгу (по договоренности А.М.) будут для геологического форума, который пройдёт в Белоруссии. Там её подарят делегатам.

12 октября

Побывал в библиотеке Усадьбы Рукавишникова. Правильно это учреждение называется длинно: Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Вчера позвонил Виктор Алексеевич Харламов, напомнил о моём обещании передать в фонды их книжного хранилища комплект «Вертикали. XXI век». Вот я и решил, не откладывая на потом, сегодня, передать первую партию с 1-го по 40-й номер (кроме 5, 6, 7-го выпусков — этих лишних книжек нет, имеющиеся решил пока поберечь).

Библиотека оказалась в подвале — потолки сводчатые, коридоры узкие, в помещении, где хранятся книги, от стеллажей тесно — не развернуться. Но сразу бросается в глаза золотое тиснение на многих корешках солидных томов. Думаю, это всё издания позапрошлого века. Мои журналы библиотекарь (бывшая учительница) приняла с благодарностью. Пообещала приёмку оформить так, чтобы было обеспечено их хранение и учёт.

Возвращался в Союз писателей по Верхне-Волжской набережной. За Волгой в лесах осеннее буйство красок. Прохожие останавливаются, всматриваются в даль, любуются молча. Сейчас, пожалуй, самое грустное время года. На смотровой площадке у памятника В.П. Чкалову это почему-то чувствуется особо.

В Кремле (после летнего урагана) восстанавливают деревянное покрытие на стенах, шатры башен. Разрушения были большие, но теперь основная часть работ выполнена. И там, где покрытие осталось прежним, оно грязно-чёрное от времени и непогод. Новые участки светятся желтизной свежеструганных досок — каждый сучок, если постараться, можно разглядеть.

Вчера и сегодня отвозил книги Николая Офитова в центральную городскую библиотеку — «На Ключищинском косогоре» и «Глашатай русского слова».

13 — 23 октября Москва — Пятигорск — Москва

Поехал, захватив в столицу 54-й и 55-й выпуски журнала «Вертикаль. XXI век» для Книжной палаты и главных библиотек страны, да часть тиража книжки Офитова «Глашатай русского слова». Тяжело было тащить этот груз, да чего же делать. Ладно, Николай Викторович встретил у поезда с сумкой на колесиках.

Разгрузившись у него дома, отдохнув, пошли прогуляться по знакомым дорожкам Измайловского парка. Тут Николай и рассказал о страданиях восьмидесятилетнего поэта Аршака Арсеновича Тер-Маркарьяна. У того болела нога, совсем плохо с сосудами. Врачи предложили ампутацию. Но в одной из больниц нашелся хирург, который рискнул пойти на щадящую операцию, удалил только четыре пальца и половину ступни. Какое-то время Аршак пробыл в больнице, а затем его выписали долечиваться дома. Известное дело — у сегодняшних властей на медицину денег нет, экономят. Перевязку приезжала на дом делать медсестра, но скоро и она перестала — сказала, что положенный срок истёк, и теперь к нему могут приезжать только за особую плату. А рана, конечно же, не заживает, сочится кровью. Приходится Аршаку, опираясь на костыли, ездить на общественном транспорте в поликлинику. Денег не то что на оплату услуг медсестры — на нормальное питание не хватает. Муки терпит невыносимые. И самое жуткое в этой ситуации — помощи ждать неоткуда. Чем может — помогает сын. Но он и живёт далеко, и своих забот у него хватает.

Тяжела доля отечественного литератора в сегодняшнее время. В советском прошлом и из больницы бы, не долечив, не выбросили, и Союз писателей с Литературным фондом помогли, а теперь?.. Всё разрушено, уничтожено, переведено на финансовые рельсы, и люди, почувствовав запах денег — одурели. Все жизненные ценности измеряют

ими, потому не видят и не чувствуют главного — жизни ближнего, его страданий.

Я знаю Тер-Маркарьяна более десяти лет, потому не безразличен к его судьбе.

14.10. Самолёт в Пятигорск ближе к вечеру. Есть время погулять по осенней Москве. Позавтракав, пошли с Николаем по тихим дворикам от улицы Щербаковской в сторону футбольного стадиона «Локомотив». Когда-то бывшие новостройками, теперь эти кварталы высотных домов времён советской власти больше напоминают небольшие скверики с уютными бульварчиками, детскими площадками. Довольно плотно заросли они деревьями, и теперь на осеннем солнце они светятся разноцветной листвой, бесшумно сбрасывают её нам под ноги.

Москву заваливает жёлтыми кленовыми листьями, и они золотом горят на ярком и чистом солнечном свете — таком особенном, каким он бывает только в России в середине осени.

Зашли мы так далековато, и не помню, как возник этот разговор, но мне пришлось высказать Офитову свою точку зрения на то, что может самостоятельно сделать президент РФ (имея в виду социальную и экономическую политику в стране), а в чём он далеко не свободен. Я уверен, что и сейчас внутри властных структур идут жесточайшие схватки, и не факт, что Путин здесь уверенно одерживает верх. Такие огромные деньги задействованы, что в угоду им определённая группа политиков и бизнесменов запросто пожертвует и суверенитетом страны, и жизнями её граждан, нашими жизнями.

Видимо, в приведённых примерах я был убедителен, потому что Николай Викторович, поначалу споривший, в итоге согласился с моими доводами. И всё это происходило вместо того, чтобы спокойно наслаждаться неповторимыми красотами осени. Как знать — много ли подобных дней у нас впереди.

В аэропорт «Домодедово» из нашей группы, которая летит рейсом в Минеральные воды, я приехал первым. Только зарегистрировался на рейс — подходят поэт Николай Алешков из Набережных Челнов и Николай Петрович Бурляев. Так втроём и поднялись наверх, к пункту досмотра.

А уж потом потянулись и все остальные участники IX Международного славянского литературного форума Золотой Витязь — многие мне хорошо знакомые. Последним, когда объявили посадку, пришёл Казинцев. Увидев меня, поблагодарил за поздравление его с 65-летием.

— Значит — дошло. Я его ещё и в блоге своём разместил.

— Я видел.

Пока садились в самолёт — стемнело. Взлетев, я невольно залюбовался, глядя в иллюминатор, как светятся электрическими огнями пригороды Москвы. Набухшими венами от одного светового островка к другому протянулись автострады, артериями выглядят с высоты федеральные трассы. Но это внизу, на земле, а тут, в вышине алая, горячая полоса заката на горизонте и старый месяц в почерневшем высоком небе — мертвенно бел и холоден.

Порой я жалею, что так много видел снимков Луны. Это обманчиво упрощает наше отношение к этой таинственной планете. С каким мистическим трепетом, должно быть, смотрели на неё наши далёкие предки. Как одновременно притягательна и пугающа была она для них.

В этот день как такового общения не получилось. Пятигорск нас встретил южным теплом, но, приехав в довольно комфортабельную гостиницу «Бештау», тут же все разошлись по номерам.

15.10. Проснувшись довольно рано — посмотрел в окно (живу на седьмом этаже). Горы красивы, контрастны. Дальний Эльбрус светит белым сиянием снегов. Завораживающе красивое зрелище природной мощи, непобедимости, вечности.

(Наперёд скажу: ближе к полудню всё это величавое великолепие скрывается за солнечным маревом, исчезает в неясной молочной дымке. И так каждый день, пока не наступило ненастье.)

Первое общее мероприятие — в 10 часов молебен о проведении IX Международного славянского литературного форума Золотой Витязь в Спасском кафедральном соборе. Бурляев раздаёт всем свечи, затепливаем их. С внутренней возвышенной радостью в душе слышу слова молитв и сам произношу их. Так тепло и хорошо внутри! — и ведь невесть отчего. Тут же, получив благословляющую икону от настоятеля, Николай Петрович говорит о том, что «времена сейчас труднейшие для России, и для мира они последние настают — мы это видим», но «нашу работу благословил и патриарх Кирилл, и митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл (Покровский), и старцы на Афоне молятся за успех нашего дела». Так хорошо, проникновенно всё это было сказано, что и страшные предсказания не разрушили этого состояния. И вышли мы из собора (а над алтарём роспись всё золотом да пурпуром — глаз не оторвать от этой красоты) уже в настоящем единении.

Прошли к памятнику М.Ю. Лермонтову, возложили цветы к его постаменту. И тут выступление Бурляева, закончившееся стихотворением Лермонтова «Пророк»:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Чтение стихов наших поэтов, слово В.Н. Крупина, затем Ирины Александровны Киселёвой (доктор филологических наук, профессор, составитель книги «М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь», автор пяти монографий о творчестве поэта) о творчестве Лермонтова, о сомнении, что стихотворение «Прощай немытая Россия…» написал, вернее всего, не он, да и оригинала этого произведения никто не видел, но либеральная общественность при таких сомнениях тут же встаёт на дыбы. Хотя неизвестно ни одного случая, когда бы Михаил Юрьевич использовал в своём лексиконе слово «немытая». Тут уж и я не выдержал, вступил

в разговор, упомянул об опубликованной в журнале «Вертикаль. XXI век» статьи Александры Кутырёвой на эту же тему. Завязался хороший разговор, но… его прервали. Нужно было идти в автобус, возвращаться в гостиницу на обед. Тут ко мне и подошла женщина. Услышала название «Вертикаль» и поняла, что свой — она близко знает о. Владимира Чугунова, бывает в Николо-Погосте. Вот какие неожиданные встречи могут происходить вдалеке от дома.

После обеда, узнав у Крупина, как дойти до места дуэли и гибели Лермонтова (он рано утром туда уже сбегал), вместе с Алешковым и Андреем Фроловым из Орла отправились к западному склону горы Машук. Когда-то давно, лет двадцать семь назад я в этих краях бывал вместе со своими девчонками, которые в те года были совсем маленькими. Отдыхали в санатории «Лесная поляна». Придя на место, отмеченное обелиском и стелой, всё вспомнил. И то, как синички, не боясь, садились нам на ладонь, чтобы склевать крошки хлеба. Цеплялись тоненькими острыми коготками за пальцы, и клевали, ничего не боясь. Теперь их видно не было.

Шли дорожкой, усыпанной хвоей. Неповторимо пахло сосновым лесом. Этот запах для меня родной, он из далёкого детства — так пахло лето в пионерском лагере «Искатель», что в Зелёном городе под Нижним Новгородом.

Постояли у стелы с грифами по углам. Птицы отвернули головы от памятника в обратную сторону. Ограждающая площадку цепь висит на столбиках, выполненных в виде пули. Всё это рождает чувство драматичности.

Ближе к вечеру пресс-конференция по поводу открытия форума в подвале того же кафедрального собора. Там устроен молодёжный центр. Журналистов набилось много, всё что-то снимали, но, ни одного вопроса так и не задали — пришлось говорить самим организаторам, в том числе и присоединившемуся к ним артисту Дмитрию Певцову. Как всё-таки ничтожна подготовка современных работников СМИ по теме культуры, искусства.

Закончился день церемонией торжественного открытия Славянского литературного форума в театре оперетты, прохождением по красной дорожке под аплодисменты многочисленной публики, устроившей нам живой коридор (а Н.П. Бурляев в это время каждого из нас представлял), ярким вступительным словом (уже со сцены) Николая Петровича и прочтением им большого пророческого стихотворения Ф.И. Тютчева «Славянам», невероятно актуальным для мировой политической обстановки и сейчас.

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!
Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подда́нства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,

Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России — не прощают вас!
Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: «Это я!»
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!
Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.
И то, что длилося веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Косово поле,
Не срыта Белая Гора!
А между нас — позор немалый
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.
Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...
И эта вера в правду Бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив — верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово Царь-освободитель
За русский выступит предел...

Начало мая 1867 г.

Стихи Бурляев читает великолепно, с полным пониманием всех нюансов текста, авторского состояния во время их написания. Такое впечатление, что чтец размышляет вместе с Лермонтовым, Тютчевым...

Оценки этих размышлений ясны, чётки, логически и исторически обоснованы, и потому в них чувствуется настоящая (глубинная) убеждённость, правда.

Далее выступления народных артистов России Аристарха Ливанова, Бориса Щербакова (на мой взгляд, не к месту прочитавшего шутливое стихотворение — это не соответствовало заданному Бурляевым уровню разговора), Дмитрия Певцова (продуманный цикл песен Владимира Высоцкого), вручение Золотого Витязя (заранее, он должен завтра улететь в Белград) протоиерею Йович Б. Саво за книгу «Этническая чистка и геноцид славянской культуры на Косово и в Метохии»… Завершалось всё показом фильма «Печники» по рассказу А.Т. Твардовского, в котором Бурляев играет главную роль учителя, отставного офицера, приехавшего работать в послевоенную деревню. Любопытная картина, но мы её не досмотрели до конца — пришлось ехать в гостиницу на «званый ужин».

16.10. У меня встреча с учениками школы в библиотеке-филиале № 8 после обеда. Есть время для прогулки. Погода изумительно тёплая, светит солнце. Утром, насмотревшись на Эльбрус, так захотелось ещё что-то для себя открыть, вспомнить из прошлого.

Поначалу город разочаровывает своей неопрятностью — разбитыми тротуарами, захламлёнными дворами, неопрятными дорогами, тусклыми постройками прошлых советских лет — до невозможности надоевшими взгляду в любом уголке страны «хрущёвками». Отправился в одну сторону от гостиницы — не то! Вернулся, пошёл в другую — тот же результат. Повернул к центральной дороге, по которой в автобусе уже несколько раз проезжали, прошёл под ней по «тяжёлому» и угрюмому бетонному переходу и отправился вдоль трассы вниз. Шёл долго — и вышел к бульвару, по которому ещё с Таней и Наташей гулял. Тут начиналась курортная зона города.

Бульвар — одна из главных достопримечательностей Пятигорска. Не увидев его и тех мест, куда он выводит, можно разочароваться в городе. А так поднимаясь всё вверх и вверх из каштановой аллеи я перешел в более узкую можжевельниковую, оставив по сторонам её и кафедральный собор, театр оперетты. Мимо особнячка с балкончиком купца первой гильдии А.П. Найтаки, что явился основателем многих начинаний в городе, и домика доктора И.Е. Дроздова, в который заезжал Л.Н. Толстой, служа на Кавказе, оставив по бокам старые, особой южной архитектуры, особнячки, я поднялся к Пушкинским (верхним) ваннам (жаль, что столь интересные здания находятся, несущие в себе неповторимый аромат прежнего зодчества, в запустении) и далее по каменной лестнице до Елизаветенской (Академической) галереи 1847 года. Конечно, это лучшая часть города, засаженная каштанами, соснами, клёнами, елями. От галереи открывается захватывающий вид.

Назад до гостиницы я прошёл тем же маршрутом, только дорогу по подобному же подземному переходу перешёл около гостиницы. И сразу в душ — освежающий, снимающий утомление от долгой ходьбы.

Звонок от А.М. Коломийца. У него всё переигралось с собранием сочинений. Печатать книги надо в Нижнем Новгороде. Нужно сделать обложку, договориться с типографией. Как меня раздражает подобный хаос в делах и договорённостях. Ведь сказано было Алексеем Марковичем — обложку и печать берут на себя спонсоры. Отправил его к Андрею Стариченкову, попросил того помочь.

Выступление в библиотеке. Ведёт встречу А.И. Казинцев. С нами ещё четыре человека. Все рассказывают о своих книгах, которые школьники, конечно же, не читали. Моё выступление — последнее. Представляя меня, Александр Иванович высказал много приятных и лестных слов.

Говорю о стране, о многих в ней несправедливостях, но любить её необходимо, чувствовать себя в ней хозяином — только тогда можно многое изменить к лучшему. Две девочки старшеклассницы начали задавать вопросы, я отвечать… и тут началось — все писатели «проснулись»,

всем захотелось дополнительно высказаться. Но всех в итоге урезонил Казинцев, меня попросил сесть, а сам пустился в правильные размышления, чем и подвёл итог нашей встрече.

Подарил библиотеке книгу «Сроки». Прежде, чем подписывать, показал в ней Казинцеву очерк «Путешествие к мечте». Тот его немного «пробежал» взглядом:

— Приготовьте его для «Нашего современника». Выберите наиболее актуальное сейчас, заметив — вот что было тогда.

— Я хотел предложить воспоминания о поэте Адрианове. В следующем году ему исполнилось бы восемьдесят лет.

— Давайте два очерка.

В гостиницу возвращаемся пешком. Павел Кренёв вдруг спрашивает:

— Что за письмо в Союз писателей ты написал? На секретариате о нём говорил… что-то о прошедшем съезде…

— Ничего не писал. Может быть, имеется в виду моё письмо В.Г. Середину о том, что нельзя толпе затыкать рот известному писателю и редактору, много сделавшему для отечественной литературы и патриотического движения, к тому же в почтенном возрасте, которым является С.Ю. Куняев? Тогда мне странно. По совести их должно возмущать поведение толпы на прошедшем съезде во время обсуждения вопросов, а не моя поддержка в этой ситуации Станислава Юрьевича. Так я думаю. Ведь пройдёт время, и эта же толпа не даст высказаться им — так же предаст, заулюлюкает.

В телевизионных новостях главная тема — расстрел студентов в Техническом училище Керчи. Один из студентов, вооружившись помповым ружьём, изготовив две бомбы и купив 150 патронов с картечью, убил 21 человека (из них пять взрослых), более сорока ранил, взорвал одну бомбу в столовой (вторая не сработала) и покончил с собой в помещении библиотеки.

Это что-то жуткое, не поддающееся разумному объяснению.

Всё хотел взять благословение у сербского протоиерея, да во время обеда не подойдёшь, во время его беседы с кем-то неудобно. И вот застал его в холле гостиницы. Йович Б. Саво благословил с радостью, вместо поцелуя руки — взял меня крепко за плечи и сжал их.

Так закончился этот день.

17.10. До проведения круглого стола достаточно свободного времени. Веду на вчерашнее место своих прогулок Николая Алешкова. Правда, несколько меняю маршрут, и потому выходим на центральную площадь города, которую вчера я оставил в стороне. Но вновь спускаемся к бульвару, от него поднимаемся на противоположный склон горы Горячая, где должен быть грот Дианы. Однако тут везде стройка, потому взглянув сверху на ту часть Пятигорска, что в соседнем распадка, вновь возвращаемся на прежний маршрут, где встречаем Андрея Фролова. Дальше гуляем втроём — пьём воду из источника, выходим к грандиозному памятнику В.И. Ленину (а несколько поодаль конная статуя памятника Скобелеву), поднимаемся по улочкам, каменные ступени которых выложены в небольшие лестницы, заваленные золотом опавших кленовых листьев. Если не видеть окраин, то здесь всё радует глаз.

В Государственном музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова «Дом Алябьева» проходит Международный круглый стол «Духовные традиции литературы славянского мира». Первым вопросом принимается обращение ко всем православным церквям мира по поводу решения Константинопольского патриарха об Украинской православной церкви (раскольнической), признание её, снятие с Денисенко анафемы, наложенной Московским патриархатом и прочее.

Зал битком. Разговор несколько страстный (что касается сегодняшнего времени), да куда ж без страстей, возмущения, нервов, глядя на то, что творится в стране — столько социальной несправедливости, столько бесправия.

Передал директору музея свою книгу «В предчувствии Апокалипсиса». («Она будет в нашей библиотеке».) Сербу отдал свой сборник прозы «Лестница». Пообещал отвезти в Белград, показать сербским славистам и переводчикам.

При расставании подошла ко мне библиотекарь из филиала № 8, где мы вчера выступали. Оказывается, она в интернете начала читать «Искры потухающих костров». («Как интересно вы написали про Никоса Софронова».)

Вечером с Креневым гуляем по парку недалеко от гостиницы. Это место оставляет не радостное впечатление. Мемориал героям войны уж очень небрежно изготовлен. Надо бы тут всё привести в порядок.

Павел рассказывал о своей службе в сапёрной части, о том, как в Ленинградской области до сих пор находят огромное количество старых боеприпасов… ну и о бесшабашности солдатиков, которые при разминировании так глупо рискуют своими жизнями. Да, не простой у Кренёва жизненный путь. Но это его путь, его судьба, его тема для описания.

Уже уходя из парка, наткнулись на какую-то страшную в своей несуразности глыбу, называемую памятником первым комсомольцам Пятигорска. Надо будет завтра посмотреть его при дневном свете.

После душа любовался в окно на невероятно красивую перевёрнутую половинку луны над городом.

18.10. Туман плотный, ненастный. Город посерел, утратил осеннюю красочность.

Всё-таки решаем с Николаем Алешковым совершить прогулку к Машуку, к лермонтовскому месту. Я одет легко, без куртки, и потому чувствую себя несколько неуютно. К тому же нет-нет, да начинает моросить робкий дождичек.

У Машука ветер гонит бело-серую дымку клубами, словно от незагашенного костра. Николай поначалу так и думает, не верит мне, что это туман.

От места дуэли поэта начинается в 10000 шагов маршрут вокруг горы. Дорожка выложена брусчаткой. По бокам чисто, никакого мусора, вид ухоженный. Идём быстро, не останавливаясь, и за это время много о чём успеваем переговорить, поделиться впечатлениями. Меня в первую очередь поражает жуткое косноязычие сегодняшней молодёжи. Видно, с каким трудом (буквально физическим) им удаётся выразить словами совершенно примитивную мысль. Я отношу эту беду к тому, что совершенно перестают читать. Общение в интернете всё больше сводится не к словам, а к символам — смайликам, скобкам, точкам…

Вышли к «Провалу». Прошли по туннелю к голубому озерцу внутри горы.

Дальше началась курортная зона с санаториями и всеми прочими атрибутами «лёгкой» жизни. На отметке 8500 шагов незаметно для себя вышли к центральной части города — всё к тому же памятнику Ленину. Через Верхний рынок вернулись в «Бештау».

Наш форум подходит к завершению. Едем в Город Лермонтов (он рядом). Прояснилось, вновь светит солнце, и только на самой вершине Машука, словно зацепившись за телевизионную вышку, висит лёгкое, размытое ветром облако.

Во вновь отстроенном (как сказали — после пожара) Дворце культуры закрытие Золотого Витязя. Награждение, концерт (тут лучшим был народный артист России Сергей Шакуров с пением и чтением стихов), выступление Бурляева и прочтение им второго стихотворения «Славянам» Ф.И. Тютчева:

Man muß die Slaven
an die Mauer drücken*

* Славян должно прижать к стене (нем.)

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»

Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..
Да, стенка есть — стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.
Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла…
Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри…
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но… каждый камень в ней живой.
Так пусть же с бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!
Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.
Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

При возвращении в Пятигорск в автобусе Николай Петрович прочитал ещё одно стихотворение — с планшета. Как сказал: «Только что прислали».

Иеромонах Роман (Матюшин)

Святому Православию укор,
Фанарский русофоб, слуга Европы,
Ты осквернил корыстью омофор
И держишь патриархов за холопов.
Величия былого больше нет,
Но гордость греков, жительницу ада,
Названия питают сотни лет —
Пустые звуки и твои, и града.
Считаешься вселенским до сих пор.
Вселенная равна семи аршинам.
Константинополь, всесвятейший — вздор!
Века Стамбул внимает муэдзинам.
Влезаешь, аки тать, во двор чужой,
Но не с тобой поруганная Правда.
Кто встать велел над русскою межой
Царьку несуществующего града?
В гордыне папской всесвятейший трон!
Понтификат стамбульский! Докатились!
Молчит ревнитель чистоты Афон,
Ужели все в молитву углубились?
Долготерпи́т Господь, да больно бьёт.
Кто сеет ветер, пожинает бурю.
Зачем же Церковь к пропасти ведёт
Велереча́вый волк в овечьей шкуре?

В номере начал читать подаренную Арменом Гаспаряном книгу «Похороны моей звёздочки». Автор за неё получил Золотого Витязя. Самая высокая оценка дана повести Владимиром Евгеньевичем Орловым, который представлял лауреатов по прозе.

Да, любопытная книга о детстве в армянском Ленинакане, своей семье, родных, прабабушке (звёздочке). Особый армянский (или лучше сказать кавказский) юмор. Не знаю, насколько это выдающаяся книга, но читается легко, увлекательно и главное — образы запоминаются. Думаю, именно за эту национальную особенность, необычность и колоритность книга выделена жюри. Мы всё ещё продолжаем считать себя ответственными перед культурами соседних народов, некогда жившими с нами в одной стране. Потому даже произносим со сцены такие слова: «Книга Гаспаряна написана таким русским языком, что многим нашим писателям стоит у ней поучиться». То есть, мы и на национальное унижение готовы ради «национальных меньшинств».

19.10. Расстаёмся с Пятигорском. Перед отбытием в аэропорт с Павлом Креневым и Константином Скворцовым успеваем прогуляться к памятнику в парке. Это что-то ужасное. На несуразном кубическом бетонном постаменте, у которого зачем-то наложены каменные глыбы, всё из того же бетона врываются изваяния двух голов — лошади и комсомольца в будёновке — с оскаленными, разинутыми пастью и ртом. Смотреть на это «монументальное произведение» неприятно до гадливости.

У гостиницы разглядываю небо. Прямо над крышей облака гонит ветер, перемешивает их, рвёт. Мы сейчас метрах в пятистах над уровнем моря, потому и небесная хмарь близко, всё можно подробно (для нашего глаза это непривычно, удивительно) разглядеть.

Любовался облаками и из самолёта. Они напоминали застывшие сугробы после вьюги. Снежные горы с обрывистыми вершинами.

20.10. Жизнь в Москве началась с неудачной поездки в Андреевский монастырь. Синодальная библиотека РПЦ оказалась закрыта. Тогда отправился в мастерскую к Алексею Федорову бражничать. Подарил мне Алексей Степанович второе издание последнего выпуска каталога «Земляки», куда поместил ещё и мой портрет, выполненный В.Г. Калининым и медаль, выпущенную к юбилею Большого театра — замечательное произведение медальера. Буду любоваться.

21.10. Утром в интернете неожиданно для себя узнал, что умер Иван Вишневский. Мягкий, умный, образованный — я с удовольствием слушал его комментарии и проводимые им интервью на сайте «День ТВ». Какая горькая потеря. Оказывается, этот талантливый человек, журналист и композитор, ученик в музыке Георгия Васильевича Свиридова, сын известного советского журналиста-международника, чтобы выжить, долгие годы таксовал (работал таксистом на своей машине) в Подмосковье. Как всё это горько и несправедливо.

Выполнил давнюю свою задумку, съездил в Царицино. Великолепный парк, восстановленный дворец поражает величием и своеобразием архитектуры. Гулял долго, и уходить не хотелось. Можно было пройти и в залы дворца (в этот день вход свободен), но ведь его помещения не наполнены «тенями», историей, а смотреть музейные экспонаты…

В Центре славянской письменности и культуры выставка выдающегося русского живописца Павла Васильевича Рыженко (11.07.1970-16.07.2014). В двух залах двенадцать полотен. Не для такого пространства они созданы, потому в восприятии что-то теряется, разочаровывает. Сын художника Тихон проводит трёхчасовую экскурсию-лекцию. Мы с Офитовым послушали только заключительную её часть. Полный, несколько женоподобный, длинноволосый молодой человек говорит увлечённо не столько о художнике, его идеях и воплощённых замыслах, сколько об истории России. Конечно, сплошь борьба, измена, предательства. Но именно из этого невозможного исторического коктейля и создавалось, набирало силы, расширялось землями Русское государство,

получал духовную закалку невероятной крепости народ, несломленный никакими смутами и войнами.

22.10. В этот день нужно было выполнить всё то, что намечал, отправляясь в столицу. Первым делом отвёз пакеты с экземплярами журнала «Вертикали. XXI век» № 54 и 55 в Российскую книжную палату. Затем подписанные журналы и альбомы живописи «Александр Важнев» в Российскую государственную библиотеку и Синодальную библиотеку Русской Православной Церкви имени Алексия II.

В Международном сообществе писательских союзов встретился с главным редактором «Общеписательской литературной газеты», поэтом, сценаристом, драматургом, фотографом Владимиром Николаевичем Фёдоровым. Все необходимые вопросы обсудили и решили. Как всегда радостный для души разговор с Владимиром Григорьевичем Серединым.

Вечером с Алексеем Федоровым на посмертной выставке живописца Владимира Семёновича Захаркина. Небольшой зал на Тверской вместил довольно много картин, этюдов, набросков. Организовала всё дочь художника — Анна Владимировна Захаркина. Они вместе с матерью и открывали выставку. Выступили: председатель Московского союза художников, народный художник РФ Виктор Александрович Глухов, народный художник РФ Павел Фёдорович Никонов, заслуженный художник РФ Клара Филипповна Власова, которая вспоминала (очень стара), как раньше работали они с Захарькиным в Комбинате живописного искусства, выполняли заказы на написание картин для государственных предприятий, хорошо зарабатывали. Теперь художники нищенствуют, а произведения их никому не нужны. На это возразил Глухов: «В 90-е годы из страны вывезли огромное количество полотен. Всё утащили, пока этому не перекрыло дорогу государство. Не перекрыло бы — последнего бы лишились. Так что наши произведения нужны и ценны. Это их сейчас не ценят».

И действительно — с каким невероятным интересом сейчас разглядываешь всех этих трактористов, полеводов, жокеев во время скачек, охотников с трофеями, экскаваторщиков. Живопись передаёт искренний энтузиазм тех лет — настоящий, неподдельный. Есть «политические» картины («Великая скорбь» (это прощание с И.В. Сталиным), эскиз к картине «Встреча» (приезд В.И. Ленина с Питер), «Поход на кулака»), пейзажи («Полевой стан», «Взошла луна», «Пути, дороги», «Берёзы», «Плывут облака»), портреты («Маруся», «Портрет отца», «Юная москвичка», «Прицепщитца Катя»), бытовые сценки («Сенокос», «На остановке», «Зимним днём», «Вечером»), исторические («Степан Разин», «Вольница»), производственные («Ночная смена», «На карьере»). Вся полнота жизни той эпохи на этих полотнах — крымский берег, скачки на ипподроме, охота… Но около одного пейзажа зрители невольно особо останавливаются — «Последние капли» (1964 г.). Это довольно большая работа. Притихшая водная гладь, изумрудная зелень берега. Лес с противоположной стороны отражается в неподвижной воде, и только разводы от редких больших капель круглыми льдинками словно застыли на поверхности озера. Тишина, покой, вечность.

Долгий и интересный разговор в комнате Юрия Попкова. Они издают, так же, как и я, многие книги, только живописные каталоги, альбомы, антологии. Большая и нужная работа. Так выживаем, вопреки всему сохраняем традиционное русское искусство.

Уже совсем к вечеру забрели с Федоровым на Тверской в мастерскую к народному художнику РФ Валерию Павловичу Полотнову. Оказывается — наш земляк, родом из Вадского района. Традиционная русская пейзажная живопись. Смотреть её — удовольствие (Валерий Павлович показал с два десятка своих картин и этюдов), потому что все чувства понятны, сродни всякой русской душе. Художник оставил самое доброе впечатление — подарил два своих альбома, распили бутылку водки. Вид

из мастерской (а там их несколько, и все соединены узким балкончиком) на вечернюю Москву замечательный. Захотелось мне побеседовать поподробнее с этим живописцем для журнала, да он и сам предложил продолжить знакомство.

23.10. На столицу надвигается ненастье, холод. Пошли с Николаем Викторовичем прогуляться в парк перед моим отъездом. Забрели в безлюдные аллеи, да и разговоры выходили всё какие-то невесёлые. Вот и дождичек начал накрапывать из серых туч. Вернулись в квартиру.

Укладываю в сумку бронзовую статуэтку «Витязя». Тяжёлая. А ещё альбомы живописи, которые хочется не спеша в поезде рассмотреть. Все не взять (Попков на Тверской тоже подарил несколько), но Захаркина и Полотнова как оставить.

Уже в поезде всё рассмотрел, да не по разу. А всё-таки грустное у нас восприятие мира.

24 октября

Пока меня не было — несколько раз звонил домой И.К. Кузьмичёв, хотел встретиться. Сегодня дозвонился. Пришёл в Союз писателей, просит журналы с продолжением «Искр...». Спрашивает — как бы я стал писать «о творчестве литератора, который создал так много и столь разнообразных по жанру книг». Мне трудно своё оценивать, хотя интерес к мною написанному нашего знаменитого филолога мне не безразличен. Взял листок бумаги и на нём стал разбивать по главам возможную работу по своим книгам: проза («Искушение», «Последний день», «Лестница», «Говорящее дерево»), публицистика («Сопротивление нелюбви», «Сроки», «Собирая Россию», «Обретение России», «Возвращение»), мемуаристика («Душа живая», «Память сердца», «Яблоки русского сада», «Я рассказал только правду»), беседы («В предчувствии Апокалипсиса»). Отдельно просятся для осмысления очерки странствий. Тут и «Путешествие к мечте», и «Река Ветлуга», и «О Волге радости и боли нашей» ну и другие. Можно вроде бы сделать главу «критика», да этого у меня мало.

— Еще сколько! — последовало возражение. — Этот листочек я заберу с собой, он мне очень пригодится.

Иван Кириллович Кузьмичёв — человек удивительной скромности. В справочнике «Писатели-горьковчане» (Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1976) в биографической заметке он лишь упомянул: «В 1941 году поступил в Горьковский учительский институт, откуда был призван в армию. Пройдя через войну, демобилизовался в декабре 1945 года и продолжил учёбу». Всё! И как-то нашего профессора среди фронтовиков никогда не вспоминали. Я уж начал подумывать — может, во время войны занимался чем-то в штабах, или готовил листовки. И вот Иван Кириллович сам разговорился. Впервые!

Начали-то мы с писательской судьбы Н.И. Кочина.

— Нет, после лагерей он пришёл другим, пообкатанным. Зона его изменила. И хотя дали ему хорошую квартиру, печатали, издавали книги, наградили Государственной премией РСФСР, это всё равно был другой Кочин, не тот, что вступал в литературу романом «Девки».

Дальше, слово за словом, Кузьмичёв рассказал, как забрали его на войну. Попал на Сталинградский фронт, на тот самый перешеек, что разделял окружённую армию Паулюса и рвавшуюся к нему на выручку танковую армию Манштейна. В пехоту, миномётчиком, в снега и стужу. Да тут лучше, чем это всё описал Юрий Бондарев в своём романе «Горячий снег», не напишешь. И оттуда с боями прошёл до Саур-Могилы на Донбассе. Немцы на этой вершине окопались крепко, все окрестности простреливали. Батальон, в котором служил Кузьмичёв, пробился к самому склону горы, но в тыл за боеприпасами и прочим можно было пробираться только ночью. Этим и занимался Иван. А отсыпался днём.

Раз проснулся после ночного похода в тыл, и ничего не поймёт — тихо на позиции. Оказывается, батальон, по приказу свыше, отступил,

а про него забыли. Пришлось бойцу со многими трудностями самому выбираться из окружения. Много любопытных деталей поведал в своём рассказе Кузьмичёв. Например, земля была — сплошной камень, окоп выдолбить невозможно, но набрёл Иван выше своих позиций на круглый немецкий окопчик, который оказался сооружённым с помощью какой-то буровой машины (глубокий, аккуратный, надёжный) — в нём и укрылся на время от пуль обстреливавшего его немца, спрятавшегося неподалёку; или о том, как ночью ещё с одним бойцом вышли на расположение наших артиллеристов, которые через десять минут снялись с позиций и ушли вниз: «Немного опоздали бы, и их бы не застали. А так вышли в безопасное место».

После всех мытарств наградили Ивана Кузьмичёва первой медалью — «За отвагу», которую он так и не смог получить — отослали её ему домой, пока хозяин был в госпитале. Раньше самого солдата награда оказалась в родительском доме.

Так чудо спасло в первый раз. Но и потом Ангел-хранитель (это уж я так думаю) не оставлял.

— Я уже командовал разведкой. Ночью идёт кто-то в нашу сторону. Я командую остановиться. Продолжает идти. Тогда пытаюсь выстрелить из пистолета в живот тому, кто идёт. Осечка. А это оказался мой бывший комбат. Он просто ничего не слышал… Если бы тогда выстрелил, сейчас бы мы с вами не разговаривали.

— А медали-то потом ещё были?

— Много — «За взятие Будапешта», «За взятие Вены»… Всю войну в пехоте.

Я думал, что Кузьмичёв устал, ему надо домой, и потому начал прощаться.

— Да, надо идти… в читальный зал областной библиотеки, поработать, — был мне ответ 95-летнего профессора.

27 октября

В США, город Питсбург, в синагоге гражданин страны расстрелял 11 человек, 6 ранил (из которых четверо полицейские).

В России, город Санкт-Петербург, в дорожном происшествии погибло 8 человек.

28 октября

В театре оперы и балета «Торжественное собрание общественности Нижегородской области, посвящённое 100-летию комсомола». В коридорах и зрительном зале невообразимый гвалт. Ни одного свободного места. Меня усадили в ложу «А». На самом деле смотреть происходящее на сцене было не совсем удобно, но зато всё перед глазами. Делились впечатлениями с рядом сидящим В.Н. Величко.

Внесли на сцену сохранившиеся знамёна районных комсомольских организаций, выступил губернатор Г.С. Никитин с просьбой и его принять в комсомольцы, так как по своему возрасту раньше он этого сделать не успел.

В этом же духе концертные номера, выступления. Завершилось всё приглашением на сцену бывших первых секретарей Горьковского обкома ВЛКСМ — начиная с Февралёва.

С гордостью отмечается, что из вожаков молодёжи многие стали руководителями предприятий, учёными, депутатами всех уровней… и ни слова за весь вечер о деятелях культуры, искусства. А я помню, когда в советское время такое упоминание было обязательным в любом докладе. Комсомольцы, хоть и в прошлом, чётко следуют стратегической линии, провозглашённой нынешними правителями государства.

Признаюсь, с облегчением вышел из стен театра. Домой отправился пешком. В городе выпал первый ночной снег, и до сих пор весь не растаял.

29 октября

Столетие Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева весело отметили представлением «100 минут о любви» в театре драмы. Действие состояло из отрывков студенческих постановок разных курсов.

Приехали актёры из столицы (те, кого сейчас часто видим в телевизионных сериалах). В центре внимания, «купалась в лучах славы» и обожания собравшейся публики Татьяна Васильевна Цыганкова.

В конце со сцены Л.А. Чигин, среди прочих, поблагодарил и журнал «Вертикаль. XXI век» за выпуск специального номера, но, к сожалению, при этом не назвал имени А.В. Мюрисепа. А ведь без его огромного труда ничего бы не состоялось.

С Ириной сидели в ложе Бенуара. Мне показалось, что действие было несколько затянутым по времени. Хотя, может быть, это именно только показалось, потому что музыкальные номера сразу сменялись танцевальными, драматические — кукольными, акробатические — вокальными. Молодость, энергия, желание показать то, что умеют… Постановка и сценарий Л.А. Чигина.

31 октября Бор

Закончено с оформлением дома в Кунавино. Не знаю, зачем я всё это сделал. Видимо, готовлюсь к завершению, подвожу итоги — хотя и не в полной мере сам всё это осознаю.

Вместе с нами (с Сидоровым) ездил Михаил Рубцов. После отправились к нему в сад. Как там хорошо дышится. В этом году я крайне редко выезжал из города, о чём сожалею.

Пока ещё зелёная трава подёрнута, припорошена пепельного вида изморозью, посверкивающей искристо, когда на неё попадает солнечный свет. Срезаем с Виктором калину. Грозди красных ягод на фоне голубого, промытого солнечным теплом неба. Как это трогает душу, волнует её. Особенно, когда наклонишься, чтобы поднять с травы упавшую кисть калины, а потом невольно посмотришь вверх… и на мгновение замрёшь от открывшейся красоты.

Как всё вокруг нас красиво, гармонично, разумно. И как на фоне всего этого вечного мелочен, суетлив и несуразен человек.

Вечером встреча с Коломийцем по поводу вышедшего его собрания сочинений. Много доброго друг другу сказали.

4 ноября

День народного единства — официальный праздник в России. Много в новостях говорят о патриотизме, но как…

Первый канал ТВ (главный). Диктор о съёмках фильма в Кремле Ростова Великого: «Теперь экскурсоводы рассказывают о всех квестах, показывают локации, проводят флэшмобы…»

Не знаю — правильно ли я написал (грамматически) все эти слова, однако главный вопрос в другом: что произошло с головами тех, кто готовит тексты для дикторов, если красивейший русский язык заменяется такими вненациональными терминами?

Отдал Е.И. Юсову фотографии, что сделал в Горбатовке 2 ноября А.Ф. Важнёв. Евгений Иванович попытается нарисовать мой портрет (или акварелью, или цветными карандашами) для оформления книги «Искры потухающих костров». Ходил к нему в мастерскую на площадь Лядова пешком.

5 ноября

Переписывал прощальное слово с Николаем Коняевым, делал из текста что-то наподобие воспоминаний. Вдова писателя ещё 20 октября прислала письмо с таким предложением, и я посчитал обязательным это выполнить.

Часа за три написал дополнения, отредактировал прежнее прощание, которое и у себя в блоге разместил, и Русская народная линия с «Родной Ладогой» и «Днём литературы» опубликовали — это сразу после кончины Николая Михайловича.

Думаю, мы ещё почитаем что-то из архива Коняева. Человеком Николай был собранным, организованным (во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление о нём), супруга в литературных трудах была ему помощницей, заинтересованным человеком, так что архив разберёт, продолжение дневников к изданию подготовит, незавершённые вещи опубликует. Это редкая для писателя удача — супруга-соратник. Дай ей Бог сил, терпения и мужества.

Читал тексты, заметки, переданные отцом Евгением Юшковым для 58-го номера «Вертикали. XXI век». Как всё экономно по словам и глубоко по мысли. Честное слово — зачитываюсь. Как замечательно, что есть такой человек, который строг к себе (чутко самокритичен) и добр к окружающим. Даже его обличения, в первую очередь, сострадательны, а не назидательны, поучительны.

Теперь основной блок предполагаемой книги отца Евгения собран. Пора приступать к вёрстке «Молчания».

7 ноября

В музее-квартире М. Горького открытие выставки «Булгаков и Горький: как распался союз писателей». Приурочено к продолжающемуся юбилею писателя, хотя в городе относительно торжеств ничего не слышно — слишком скромно отмечается эта дата. Впрочем, об этом я уже говорил. (100-летие комсомола праздновалось куда грандиознее.)

Выставка любопытна представленными документами — отцифрованные копии почти ничем не отличаются от оригиналов. Обыденная общественно-административная жизнь тех лет теперь воспринимается как нечто исторически важное, судьбоносное. Записки Булгакова написаны крупным, свободным почерком — официальная служебная переписка, обращения с просьбами.

Сотрудник музея Михаила Афанасьевича Булгакова (Москва) провёл экскурсию по экспозиции, которую подготовили в отделе научных исследований. Однако сведения, им сообщённые, каких-то неожиданных открытий в себе не несли. Тут, думаю, вина нас, слушателей. Не задали сами для него нужной темы, и молодой человек выбрал наиболее простой способ — повёл экскурсию по давно накатанному пути (на уровне школьников старших классов): советская власть запрещала к постановке пьесы Булгакова, не издавала его книг, не выпускала за границу (безусловно, всё это для всякого творца трагедия). Ни слова, что И.В. Сталин поддерживал его «Дни Турбиных», позаботился, чтобы у Михаила Афанасьевича была зарплата в Художественном театре… Хотя ради объективности об этом стоило упомянуть.

История взаимоотношений с Горьким давала возможность раскрыть всю сложность творческого взаимоотношения (на примере) вообще в писательской среде. Уверен — если бы направить экскурсовода в это русло, о многом интересном сумел бы рассказать. Горький высоко ценил созданное Михаилом Афанасьевичем. Объективно, он не мог не видеть глубину таланта этого писателя. Но ни на одно его письмо своим письмом не ответил. Хотя, во время редких личных встреч, вернее всего, свою позицию разъяснял. Булгаков (если учесть, в какой ситуации он тогда находился) не мог не испытывать чувство ревности к славе Горького… Сколько тут всего скрыто! И навряд ли легко объяснимо. И ещё — ОГПУ изъял у писателя дневник. Тот ходатайствовал, чтобы ему этот документ вернули. Вернули. И Булгаков его уничтожил. Но, как оказалось, предусмотрительные чекисты предварительно весь его перефотографировали. В перестройку этот текст был опубликован.

В соседнем зале выставка, посвящённая Е.П. Пешковой — много

хороших фотографий с Горьким, детьми. Её одежда, письменный стол. Вот ещё одна невероятно интересная судьба… Но в этом зале я прохаживался уже один.

Сегодня исполнилось 80 лет А.М. Коломийцу. Отмечали в ресторане «Экспедиция» (оформлен в геологическом стиле — даже вертолет в зал у сцены поместили), что недалеко от Ивановской башни Кремля. Меню (изобильнейшее) соответствующее — северная рыба, грибы, мясо кабана и лося…

Я подсчитал — это четвертый юбилей Алексея Марковича, на котором присутствую. Срок!..

8 ноября

В США вновь массовый расстрел людей — на этот раз в кафе. Устроил одиночка с пистолетом. 12 человек убито.

9 ноября

В Калифорнии горит целый город. Огонь уничтожил более двух тысяч домов, множество автомобилей. Есть погибшие. По улицам, в дыму и между языков пламени мечутся брошенные домашние животные — лошади с фермы, собаки… Жуткое зрелище — огненные смерчи.

В России в эту осень в Краснодарском крае пережили невиданное доселе наводнение, пришедшее после ливней — с разрушением тысяч домов, гибелью людей. Не менее жуткий катаклизм произошёл в Италии. И подобные природные явления происходят с настораживающим (если не сказать пугающим) постоянством — всё чаще и чаще. Какие-то глобальные изменения происходят в природе, катастрофические для человечества, современной техногенной цивилизации.

11 ноября

Не стало Евгения Анатольевича Андрианова — человека, всю жизнь преданного музыке, жившего ею, бесконечно влюблённого в свою скрипку.

Со скорбной вестью позвонила его супруга:

— Я вам первому сообщаю об этом. Да больше и не знаю, кому. Он был весь пропитан вами — ваши книги, публикации он бережно хранил. Они и сейчас лежат все вместе… Всё-таки болезнь его одолела.

У меня в Союзе писателей мы встречались с Андриановым не так давно. Говорили о подготовке нового выступления Евгения Анатольевича у нас, строили планы на сезон 2018-2019 гг.

Я убеждён, что музыкантом прожита достойная жизнь. Хотя в провинции этого достичь непросто.

Похороны пройдут во вторник, прощание на Бугровском кладбище.

Пообещал обязательно быть.

12 ноября

Из типографии привезли отпечатанную книгу Анатолия Абрашкина «Атлантида и Нижегородская отчина». Автор за ней приехал в Союз писателей, заодно начал обзванивать тех, кого хотел бы видеть на её представлении. Я даю номера телефонов, которые Анатолию неизвестны.

— Андрианова обязательно нужно пригласить. Он человек замечательно хороший, светлый.

— Евгения Анатольевича мы завтра хороним, — был мой ответ.

Реакция спрашивающего понятна, и, в общем-то, стандартна — удивление, огорчение…

Относительно Анатолия Александровича в последнее время я потеплел, «сменил гнев на милость». Надеюсь, что больше повода для обиды и раздражения он мне не даст.

Пили вкусный грузинский коньяк, закусывая черной икрой, и вспоминали прошлое, многое из которого было связано с журналом «Вертикаль. XXI век». Меня к этому подтолкнула сегодняшняя работа над

содержанием книги публицистики, которую хотелось бы издать в следующем году. Много чего накопилось за последние годы.

13 ноября

Солнце. Холодно. Ветер не сильный, но такое впечатление, что проникает к телу сквозь куртку. Даже стена старого дома-конторы, что на Бугровском кладбище, от него не защищает. Зато на холодном солнце, на фоне чистейшего неба сказочно золотом горят купола старообрядческого храма.

Вхожу в ритуальный зал после священника. Невысок, толстоват, с аккуратной бородкой, литию читает поспешно, но внятно. В нем нет степенности, но и суеты, какого-либо пренебрежения к исполнению таинства в его службе нет. Смерть невольно всех заставляет думать об ином, становиться серьёзнее.

Ещё когда вошёл в помещение, то почувствовал тот самый неповторимый её запах — смесь: увядших цветов, ладана и какого-то застойного, густо-сладкого, тяжёлого для души. Но священник разжег кадило, бросил в него свежий кусочек ладана, и таинственная тяжесть прежнего запаха постепенно пропала.

Людей проститься с Евгением Анатольевичем пришло немного. Я взглянул на гроб несколько раз со стороны (стоял недалеко от аналоя священника), и больше не мог. Тот, кто в нем лежал, совсем не был похож на Андрианова — острый нос, что-то истерзанное болезнью лежало в домовине, обитой красным бархатом, а не скрипач, которого я знал, в исполнении которого любил слушать замечательную музыку, которому внимал, когда тот рассуждал о жизни инструмента (для него скрипка не была бездушным куском дерева — хоть и изящно сконструированным).

Подошедшая вдова (враз ставшая маленькой, усохшей в своих черных одеждах) всё благодарила меня и за то, что пришёл, и за внимание к Андрианову в последние годы его жизни. Я, отнекиваясь, в свою очередь успокаивал Лидию Дмитриевну, что Евгений Анатольевич прожил счастливую жизнь — в ней он занимался только любимым делом — музыкой. К тому же рядом была она — во всем поддерживающая, потому что тоже музыкант — пианист.

Вышел после панихиды на улицу, и вновь замёрз. Чтобы согреться — быстрым шагом пошёл в сторону площади Лядова, да так и дошёл до дома.

Уже вечером, в Союзе писателей написал некролог для блога и в хронику:

ПАМЯТИ Е.А. АНДРИАНОВА

Ушёл из жизни Е.А. Андрианов — талантливый музыкант, светлейшей души и добрейшего сердца человек, большой друг Нижегородской областной организации Союза писателей России. Мы приняли с Евгением Анатольевичем друг друга как-то сразу, без осторожного узнавания. Тут же договорились провести в зале нашей организации на улице Рождественской его концерт. Скрипач Андрианов поразительный — вся его жизнь была отдана служению музыке, этому инструменту. И потому первый концерт, как и все последующие, что состоялись в большом зале писательской организации, прошёл с аншлагом. Евгений Анатольевич любил эту аудитории, где собирались его послушать известные нижегородские писатели и поэты, учёные и художники, артисты и общественные деятели. Благодаря приглашению Андрианова у нас выступали и известные пианисты, лауреаты международных конкурсов Геннадий Курсков и Наталья Горшкова.

Кажется, совсем недавно бы обсуждали с музыкантом следующую программу, с которой он должен был у нас выступить. Евгений Анатольевич готовился, ежедневно музицировал, и вот… Теперь мы будем вечно хранить благодарную память об удивительном человеке и музыканте в наших сердцах.

Панихида, на которой я смог сказать слова прощания Е.А. Адрианову, прошла на старинном нижегородском Бугровском кладбище.

Валерий Сдобняков, председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России.

14 ноября

В Калифорнии продолжают бушевать природные пожары. Сгорело уже около 8 тысяч домов, особняков, поместий — в этих местах живёт много людей со сверхдоходами. Город Рай, откуда всё и началось, больше не существует. Такого, как передают СМИ, в Америке ещё не было.

Из Красноярского края пришёл журнал «Истоки» с опубликованной главой (2006 год) «Искры…». Вчера Володя Макаренков по электронной почте прислал ПДФ-файл альманаха «Под часами», который отправил в типографию — и там глава из этой книги (2007 год).

На другой стороне земного шара бушуют пожары, а у нас Ока стынет. Вдоль правого берега тащит (пока ещё неширокую) полосу снежно-ледяного сала. Закрайки левого берега схвачены ненадёжным льдом, который понабило к кустам как нечто лишнее, ненужное. Но на фоне закаменелой от мороза коричневой земли снежная белизна намороженного льда действительно выглядит чем-то инородным, появившимся раньше времени.

С А.В. Мюрисепом в Союзе писателей встречались с начальником отдела культуры Сокольского района. Обсуждали моё предложение о проведении у них литературного концерта. Сделали какие-то первые наметки — не более того. Надарил книг наших авторов, дал парочку «Вертикалей. XXI век».

Уже когда стемнело (возвращаясь домой по набережной), спустился по бетонному склону к реке. Страшна холодная вода, гонимая ветром, влекущая на себе ледяное крошево…

В вечерних новостях репортаж из США всё о тех же пожарах. Один из владельцев яхты отдал пострадавшим все запасы, что были на борту — две упаковки бутылок с водой, может быть, ещё что-то. За это его в Америке считают героем. Ну что тут скажешь, как с этим народом мы можем понять друг друга, сравниться в жертвенности?

16 ноября

Книжный фестиваль в Союзе писателей. Станислав Смирнов говорит о подготовленных и изданных им книгах. Это всё антикоммунистическое краеведение (в большинстве). Много эмоций (в текстах), но мне в них зачастую не хватает объективности, спокойного анализа. Конечно, произошедшая революция и всё, что последовало затем, и во мне не вызывает сочувствия. Но уж коли это произошло, и мы от этих событий уже ушли на сто лет вперёд, то лишь их осуждать (опираясь, всё-таки, лишь на отдельные факты) — этого слишком мало для объективного осознания тех непростых судьбоносных для России событий.

Представлял Станислав Александрович и книгу «Русского просветительского общества имени императора Александра Третьего», с которым сейчас активно сотрудничает. Но опять же, о ком эти тома? О Солженицыне (не с осуждением, напротив), о Белом движении и его предводителях и так далее.

Я довольно подробно рассказал о книгах, выпущенных нами за последнее время, дал возможность рассказать о своих книгах П.П. Шарову, почитать стихи Татьяне Антиповой и Евгению Эрастову.

По завершению заинтересованный разговор с сотрудниками всех наших центральных библиотек. Из детской областной попросили передать им номера «Вертикали. XXI век», вышедшие после 42-го номера! До этого выпуска все есть. Читатели их берут, читают, спрашивают новые.

17 ноября

Второй день конференции «Живая литература, ожившая история». В зале аншлаг. Анатолий Абрашкин напригласал гостей, чтобы представить свою книгу «Атлантида и Нижегородская отчина». Но вначале я рассказал о некоторых книгах, вышедших у меня. Устроил их выставку на столах вдоль окон. Тут же последняя книга В.Г. Цветкова. О Володе тоже рассказал, но сделал всё довольно поспешно (видел нетерпение Абрашкина), а надо бы заглянуть в содержание каждой книги, представить по нему.

Анатолий Александрович выступил с новой своей идеей — Атлантида была в наших местах, на Русской равнине. В пользу такой теории привёл разные факты. Сын его демонстрировал файлы на экране. Пересказывать здесь содержание книги нет никакого смысла. Но звучало всё сказанное довольно интересно и убедительно.

Вышла книга в «Вертикали. XXI век». В обсуждении приняли участие член-корреспондент РАН Евгений Мареев, доктор физико-математических наук Владимир Иванович Ерофеев… Перед началом встречи Абрашкин нас друг с другом познакомил. Ерофеев подарил книгу «Толстой — Американец» (свою), пишет рассказы (один хочет прислать для журнала), руководит Институтом проблем машиностроения Российской академии наук.

Во время застолья неожиданно познакомился с сослуживцем по 9-ой радиотехнической бригаде (только лет на двадцать раньше этого офицера я служил в подразделении): Выдриным Сергеем Александровичем. Он был, как я понял, заместителем командира или что-то вроде того. Сейчас занимается персоналом в крупной нижегородской фирме.

В Калифорнии продолжается бедствие. Установлено, что 80 человек погибло, 1300 пропали без вести, более 12 тысяч домов сгорело. И вот отличительная черта — началось мародёрство.

19 ноября

Вчера Занога и Бобин снимали в Союзе писателей выставку Евгения. На память Евгений Михайлович подарил мне зимний этюд, закатный, предвечерний, грустный — заснеженное (не полностью, островками видна земля) поле, стог сена, розовеющее небо…

С необъяснимой грустью расстаюсь с этой выставкой. Даже попросил, чтобы картины, что вывешены в моём кабинете, художник пока не забирал.

А сегодня А.Д. Данилин и Е.И. Юсов развешивали картины Важнёва. Получилось много, плотно (и в зале, и в коридоре), но сделали всё аккуратно и довольно быстро. В этих полотнах всё совсем другое — иной характер автора, иной стиль, который, может, и не всем по душе, но узнаваем, свой.

Евгений Иванович негромко сообщил, что мой портрет для книги «Искры…» он почти завершил. Исполнил пастелью.

21 ноября

Прочитал «семейные предания» Владимира Ивановича Ерофеева «Иван да Марья». Всё-таки как сложна, трагична человеческая жизнь (во все времена, в любой социальной формации), но в итоге содержит в своей основе нечто оптимистическое. Неразрывность этого удивительного сочетания, вроде бы взаимоисключающего, понимаешь только тогда, когда есть возможность «охватить взглядом» большой временной отрезок. Вот судьбы Ивана и Марьи: лагерь, война, плен, ранения, реабилитация, измена мужа, несправедливость при приёме на работу… Но в итоге Иван становится высококлассным специалистом на ГАЗе, который выучил мастерству тех, кто впоследствии стали Героями Социалистического Труда, руководителями крупного ранга, Марья вопреки всему (после страшных ранений рожать она не могла) рожает сына,

который теперь доктором физико-математических наук, профессором, директором Института проблем машиностроения Российской академии наук.

Заметки написаны как-то уж очень просто, коротким пересказом, но странно — в них всё есть: и характер, и атмосфера времени, и история страны… Отправил на вёрстку. Думаю, это последний материал для 58-го номера «Вертикали. XXI век».

24 ноября

Пока собирались участники выставки Важнёва, позвонил Н.В. Офитов — его статью «Кому ставят они памятники» моментально (только успел отправить) на целый разворот опубликовал еженедельник «Литературная Россия». Николай Викторович по-хорошему возбуждён, обрадован случившимся. Надеется на дальнейшее сотрудничество с этой газетой и широкое обсуждение своего материала. Я во всех этих ожиданиях не уверен (зная, как и из чего складываются отношения автора с редакцией), но портить настроение Николаю не стал.

Главная неожиданность — на открытие пришёл К.И. Шихов. После операции ослаб — похудел, побледнел, тяжеловато дышит, но три своих альбома в подарок принёс, подаренные мною книги Офитова и собрание сочинений А.М. Коломийца с собою забрал. Да и выступил хорошо (я ему первому, по старшинству, предоставил слово) — говорил долго, но по делу, о значимости искусства в жизни человека. После уж традиционно бегал курить в дальнюю комнату библиотеки. От этого пристрастия избавиться не смог. Да ведь как бегал — осторожно ходил, с опаской.

Ну, а после слова Кима всё пошло своим чередом: говорили Алексей Фёдоров, Ирина Маршева, Альберт Данилин, Владимир Занога, Виктор Тырданов… Альберт заметил — есть люди, которые окончили соответствующие творческие вузы, и значит, должны быть в этой области деятельности профессионалами, а они ничего не создают и не создали. А другие не имеют такого образования, а становятся профессионалами, потому что не могут без этого жить, пишут картины…

Тут даже некий спор возник между выступающими, ну да он довольно быстро утих. А ведь в словах Данилина много правды.

28 ноября

Было два посетителя. Первым пришёл Евгений Аркадьевич Шестов — пятидесяти лет, малого роста, щупловатый. Работает в областной детской библиотеке, хотя окончил Горьковское театральное училище и филфак Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Я взял для публикации в «Вертикали. XXI век» его рассказ «Конь на закате». Не во всём этот текст меня удовлетворяет, но решил поддержать автора. Евгений только что вернулся из недельной командировке — в Москву на особый фестиваль возил детей с психическими отклонениями. В столицу съехались делегации из многих городов России и зарубежья, дети показывали своё творчество по разным направлениям, с ними занимались известные деятели искусства. Жили они в гостинице «Космос» у ВДНХ, транспортом и прочим были обеспечены. В общем — дело самое благое. Немного обсудили его рассказ, передал в библиотеку (по их просьбе) недостающие номера своего журнала за последние годы.

Затем появился Александр Дмитриевич Бубнов — полная противоположность Шестову — гренадёрского роста под 190 см, плотен, голосом громок. Книголюб и книговед, создал своё неофициальное краеведческое издательство, участвует со своими книгами в ярмарках, реализует их среди коллег-краеведов по всей стране. Оказывается, это целый «свой круг по интересам», в который входят издательства, сеть распространения, общение между собой авторов, учёных, читателей. Александр не первый раз берёт книги в библиотеке нашего Союза писателей, чем радует. Для меня праздник, когда книга востребована. Попытался как-то

с журналом «Вертикаль. XXI век» войти в круг общения краеведов, но пока ничего конкретного в ответ не услышал.

А вчера больше двух часов сидел за компьютером с Михаилом Рубцовым. Тот написал очерк о крестоходцах с Камчатки — вот мы его и правили, дополняли. Каждый год на джипах группа мужчин совершает паломничество с берегов Тихого океана в Дивеево. Конечно, в полном смысле этого слова я бы подобную акцию крестным ходом не назвал. Это всё-таки больше походит на «православный туризм», но и это хорошо, потому что имеет свою подоплёку, свою основу совершаемого поступка. Михаил с ними познакомился через Нелли Зиму, а до неё эти люди както дозвонились... В общем сработали всё те же «связи по интересам».

Так для чего я обо всё этом рассказываю...

Мне кажется, что в России отсутствует единое общество, скрепляющее государство в нечто целое, незыблемое, когда интересы одного важны для всех. Всё до крайности раздроблено, и это опасно. Паломники, краеведы, писатели, специалисты, работающие с больными детьми — все порознь, все замкнуты в своём круге. Всё болезненно раздроблено, и в этом мне видится большая опасность для России.

3 декабря

Не стало писателя Андрея Георгиевича Битова.

Конечно же, в первую очередь дикторы на телевидении сказали, что в советское время его не печатали. Зачем эту ложь повторяют из раза в раз — не понятно. Будто этим как-то особо подчёркивают значимость писателя. Да когда же он им стал, если не в советское время? С 1963 по 1988 гг. опубликовал 15 книг. С 1965 г. член Союза писателей СССР. В 1978 г. в США вышел у него роман «Пушкинский дом», который не хотели печатать в Советском Союзе, но и этот поступок не сломал писательскую судьбу Битова. А в 1987 году Андрей Георгиевич был награждён орденом «Знак Почёта».

Но я бы не стал обо всём этом записывать, если бы не одно обстоятельство, связанное с моей собственной жизнью.

Ноябрь 1990 года. У себя на работе за какие-то смешные деньги я взял путёвку в санаторий в Абхазию, городок Новый Афон. В самолёте оказалось, что примерно туда же летит группа моих знакомых. Что же, так даже веселее.

Вместе из аэропорта Адлер мы переехали в Гагры. Там устроились в гостиницу, съездили попировать в пустующий в это время ресторан «Гагрипш», в котором одна стена — это огромное, в деревенском кружеве затейливое окно. После вернулись на берег моря в гостиницу «Абхазия» (тогда она выглядела по советским меркам довольно современной, хотя ощущение надвигающегося разора в её стенах, коридорах, номерах уже поселилось) — там зашли в гости к туристкам из Прибалтики (не помню, из какой республики), которые пели свои песни, а когда предложили нам спеть русские, мы так и не смогли что-то вспомнить.

— Мы обязательно от вас (в смысле от СССР) отделимся — тогда сказали нам хозяева.

Утро было тёплым, солнечным. На автобусе поехали в сторону Сухуми. Мои знакомые оттуда должны были отправиться дальше до Ткварчели, а я по пути, с невероятной тоской в сердце, вышел в Новом Афоне. Устроился в санатории «Абхазия» и начал гулять вдоль берега моря. Но поселившаяся тоска в сердце не проходила. И тут в центре городка увидел небольшой киоск, на витрине которого были выставлены книги, две из которых (на следующий день, когда магазинчик откроется) я решил купить: «Таинственный остров» Жюль Верна (выпущенный сухумским издательством «Алашара» в этом же 1990 году 100-тысячным тиражом) и роман Андрея Битова «Улетающий Монахов».

Если длиннющий и на мой взгляд скучнейший (как и все произведения этого автора) роман Верна я читал для «убийства времени», то книга

Битова тогда послужила тем переломным событием, которое изменило моё внутреннее состояние. Я впервые читал произведение Андрея Георгиевича. Был наслышан о его «Пушкинском доме», попадалось на глаза что-то ещё, но инстинктивно я ощущал, что это не мой автор. И не ошибся, читая книгу «Улетающий Монахов». Но всё-таки это была настоящая литература — моментами сложная, может быть, не очень повествовательная, а больше самовыразительная, но, пробираясь сквозь этот текст, я получал удовлетворение, как от хорошо проделанной работы.

Так Абхазия, Новый Афон соединили меня с Битовым.

7 декабря

Уже неделю в Париже не утихает бунт «жёлтых жилетов». К возмущённой толпе присоединяются студенты, старшие школьники. Постепенно от требования не повышать цены на бензин «восставшие» перешли к критике президента Франции Макрона. На Елисейских полях у Триумфальной арки горят костры из мебели разгромленных кафе, новогодних елок, фанеры и всевозможного хлама. Традиционно полыхают легковые автомобили у обочин дорог. Около 1500 арестованных. Полиция разгоняет толпу из водомётов, забрасывает гранатами со слезоточивым газом, расстреливает резиновыми пулями.

Большую группу школьников загнали в огороженное место и поставили на колени, руки за головами. И вот те же деятели, что так поддерживали переворот в Киеве в 2014 году (французские), кто говорил, что народ имеет право на бунт, проклинают и осуждают доморощенных протестующих. Никто в Европе не возмущён действиями правительства республики, не обвиняют его в чрезмерном применении силы. Не слышно предупреждений «не применять силы против детей».

С любопытством за всем этим наблюдаю по телевизионным репортажам. Чем закончится?

8 декабря

Большая поэтическая встреча в Союзе писателей, зал не вместил всех пришедших. Открывая её, особенно поддержал приехавших из Арзамаса и Дивеева.

Всё-таки это удивительно — в любом уголке земли люди хотят творить, и написание рифмованных текстов тут в приоритете. Поэзия «внедрена» в ген, в корневую природу человека. А наши сегодняшние власти пытаются нас убедить, что литература — это нечто устаревшее, ненужное.

Интересную большую программу подготовила Н.В. Зима. Я передал ей стопку книг Владимира Цветкова «Вера в Бога у меня от мамы» для реализации — распространения в Дивееве среди паломников, которым Нелли Витальевна проводит экскурсии.

Встреча с И.К. Кузьмичевым. По просьбе Ивана Кирилловича подобрал ещё несколько номеров «Вертикали. XXI век», которых нет в его личной библиотеке. На поэтический вечер профессор оставаться не стал — поспешил читать полученные журналы.

Ещё один посетитель — супруга профессора бывшего технического университета А.С. Храпченкова. Вчера автор звонил (ему 92 года), просил посмотреть, почитать его мемуары. Вот супруга и принесла книжку «Незабываемое в очерках» в сто с небольшим страниц. Сказала, что Алексей Степанович много писал для газет, у него изданы монографии и учебники.

Набирал на компьютере с газетной вырезки свою давнюю статью «Очередная колониальная война Америки» (еженедельник «Земля Нижегородская», 12.04.2003 г.), которую в своё время написал по просьбе А.П. Гладышевой. Это о вторжении США в Ирак. Формируя книгу неизданной публицистики, в первый раздел изначально хотел поместить статьи три-четыре (из давних) как «публицистический дневник». Но за-

тем вспомнил ещё о нескольких, потом ещё — все соответствуют заявленной теме. Так одна публикация тянет за собой другую (сколько же я их написал, о которых почти забыл!), в итоге начинаю задумываться: а не издать ли мне их отдельным сборником? Тут споры, размышления, несогласия, предложения по общественно-социальным вопросам за более чем двадцать лет.

13 — 17 декабря Москва

Пока ехал в поезде (взял в дорогу перечитать роман Александра Фадеева «Разгром»), надумал съездить в Союз писателей России, взять одну нужную бумагу. Офитов, видимо, опоздал к приходу поезда — я ждал до последнего, пока один не остался на платформе — потому сразу отправился на Комсомольский проспект.

После ремонта помещения первого этажа выглядят по-деловому опрятно, свежо. В кабинете председателя поговорили с Н.Ф. Ивановым. Зашёл Сергей Котькало.

Закончив дело в Союзе, поехал к Николаю Викторовичу. Там застал звонок Владислава Анатольевича Бахревского. 19 декабря хочет провести встречу по детской литературе. Жаль, что к этому времени уже вернусь в Нижний — тема очень важная, тут нужно принимать самые серьёзные и срочные меры. Заверил Владислава Анатольевича, что готов войти в Совет по детской литературе.

Ближе к вечеру успели съездить с Офитовым в «Ленинку», отвезти номера «Вертикали. XXI век», и после долго гуляли в Александровском саду. Холодно! Снег на стене Кремля от света фонарей белыми кирпичиками бархатно выделяется. Памятники императору Александру, Князю Владимиру в изморози.

14.12. Разбудил телефонный звонок. В трубке человек долго объяснял, когда мы с ним познакомились, а я этого никак не мог вспомнить. И только лишь, когда он упомянул о «заводике на Московском шоссе», я догадался, что это Леонид Мунябин. Договорились встретиться по моему возвращению в Нижний Новгород.

Перед поездкой в Синодальную библиотеку, читал газету «Мир живописи» № 7-8 (107-108), 2018 г., издаваемую Товариществом живописцев Московского союза художников (подарил Юрий Николаевич Попков ещё в прошлый мой приезд в столицу), и вдруг натолкнулся на некролог:

ВАХТАНГОВ Евгений Сергеевич

На 76-м году ушёл из жизни наш коллега, член СХ СССР, педагог, академик Российской академии художеств Евгений Сергеевич Вахтангов.

Художник получил имя в честь своего деда — прославленного режиссёра Евгения Вахтангова — по просьбе группы театра. Закончив МСХШ, Евгений Сергеевич поступил в МГХАИ им. В.И. Сурикова, где учился у Ф.Ф. Рындина и Д.Д. Жилинского. С 1995 года он преподавал живопись на факультете сценографии ГИТИСа. Работы художника вошли в собрания Третьяковской галереи, Русского музея, Московского музея современного искусства, многих художественных музеев и частных коллекций. Светлая ему память!

Сразу вспомнилась выставка Евгения Сергеевича в Академии художеств. И то, как тепло мы попрощались: Вахтангов, это чувствовалось в нём, мягок, добр. Хотя писал несколько странно — изображал нечто абстрактное, нанося точками масляную краску.

Вот и ещё один жизненный путь окончен. Мимолётное знакомство, а всё равно человека жалко.

Кстати, в этой же газете помещён отрывок из рукописи книги самого Попкова (он мне рассказывал о ней при встрече) «Практическая композиция». Труд автору никак не удаётся издать, хотя в его нужности для художественных учебных заведений он не сомневается.

Из отрывка я вырезал для себя небольшую цитату:

Строители использовали шесть основных и одну дополнительную меру — сажень (протянутая рука). Древнерусская мерная сажень (расстояние вытянутых рук — 178 см) соответствует 6 греческим футам или 4 локтям, 24 палестам (мера длины в 4 пальца).

С XI века сажень была основной русской мерой длины: она равнялась размаху рук человека, от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. Это была «прямая» сажень, 178 см. Косая равнялась 248 см и определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх по диагонали руки. Сажень использовалась в строительных и земельных работах вплоть до 1917 года.

Вершок — ширина двух пальцев руки, указательного и среднего, около 4.4 см. Пядь равнялась расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами руки. Величина древнерусской пяди — 21 см.

В библиотеку Московского Патриархата имени святейшего патриарха Алексея II передал № 56-57 и 58 «Вертикали. XXI век» с автографом от редакции.

Позвонил Е.И. Юсов. Окончил мой портрет (пастелью) для «Искр…»

В Международном Сообществе Писательских Союзов у секретаря И.И. Переверзина оставил журнал для редактора «Общеписательской литературной газеты» В.Н. Фёдорова. В этом номере опубликованы его отличные стихи.

Уже вечером поехал к Н.Н. Шестинской. У Нины Николаевны в гостях Л.Г. Подунова (автор 58-го номера — написала предисловие к поэме Олега Шестинского «Поле»). Вот так всё удачно совпало. Пили чай с лимонным пирогом. Как всегда, заслушался байками Нины Николаевны о прошлой писательской жизни. Оказывается, в Санкт-Петербурге всё-таки поставили памятник поэту Михаилу Дудину. Вспомнила об этом Шестинская, видимо, под воздействием прочтения отрывков из моего дневника, где я вспоминал о Михаиле Александровиче.

— В январе хотим отметить юбилей Олега не каким-то большим вечером, а тесным кругом в каком-нибудь ресторане — пригласить как в прошлый раз всех вас.

Пообещал Нине Николаевне приехать.

Перед тем, как отправиться на «Семеновскую», съездил к комплексу «Москва-Сити». Вершины небоскрёбов теряются где-то в белом тумане облаков. Холодно, неуютно. И как в прошлый раз — пронизывающий ветер. Хотя место стало более обжитым. Но по тротуарам бродят всё больше группы молодых азиатских парней, и не похоже, чтобы они чувствовали себя гостями.

Отсюда, из торгового центра одного из небоскрёбов, спустился в метро, долгими подземными переходами прошёл на станцию «Выставочная».

В поезде подумал — это замечательно, что Нина Николаевна живёт с такой трогательной памятью о поэте. Только в этом году её стараниями произведения Шестинского опубликовали газеты «Завтра» и «ОЛГ», журналы «Наш современник», «Роман-газета. Детская», «Вертикаль. XXI век». Тут жена как бы доживает творческую жизнь мужа.

15.12. Ещё вчера у Офитова нашёл старые номера своего журнала. Там есть стихи Всеволода Грехнева (выпуск 23). Стал их перечитывать. Они философичны, а я ищу идею для названия книги публицистики, которую к тому же решил разделить на две — слишком велика по объему получилась. И нашёл у Всеволода Алексеевича некоторый мотив для названия первой книги. Выходит — не зря меня потянуло к строчкам профессора-пушкиниста.

У Кремлёвской стены дует ледяной ветер. На этот раз возложить цветы к праху В.П. Чкалова собралось много народу — лётчики, ветераны, члены Нижегородского землячества. Митингуют, говорят избитые, в общем-то, слова. Но каждому хочется произнести речь, потребовать, чтобы о подвиге Чкалова рассказывали в школах «подрастающему поко-

лению». А вот пройти вдоль могил руководителей государства не получилось — всё перекрыто. Теперь там проходят туристы, возвращаясь после посещения мавзолея.

В старый особняк, в переулке Тверской, переехало Представительство правительства Нижегородской области. Здание ещё не обжито — коридоры и кабинеты пахнут недавним ремонтом, мебель по местам, как следует, не расставлена, отсюда более спокойное демократическое общение во время продолжения встречи членов Землячества. Застолье больше напоминало приятельский ужин. Уж тут в своём тосте я попытался разбавить «раз и навсегда заученные речи» мыслью, что «Чкаловы и Гагарины появляются не сами по себе, их рождает почва, созданная нашими предками на протяжении тысячелетий. Герои даются свыше тому народу, который их заслужил, выстрадал общим подвигом жизни многих поколений».

Расставаясь, передал В.А. Карпочеву его книжки «Не превращайте память в прах», которые специально постарался выпустить к этой встрече.

16.12. Все встречи с художниками, которые я намечал на эту поездку, сорвались. Лишь с П.Т. Стронским Федорову удалось договориться увидеться в Гостином дворе на гранд-выставке «Золотые руки России». Пётр Тимофеевич показал несколько своих живописных работ, там выставленных. Кроме пейзажей, два портрета — Дениса Давыдова и зоолога Николая Дроздова. Затем повёл к стенду ювелирной мастерской «Хризолит». Тут просто шедевры — иконы в драгоценных окладах изумительной работы (будто ризы не из серебряной нити сотворены, а вытканы затейливыми кружевами тончайшей шёлковой нитью искусными мастерицами), блюдца, чашки, бокалы, вазочки, выполненные с витражной эмалью на серебряной основе. О технологии производства увлечённо рассказала коммерческий директор И.В. Буянова. Долго я любовался всем этим великолепием. Стоимость, конечно же, для простых смертных неподъёмная, да иначе и не должно быть. Один предмет мастерской (одновременно несколькими людьми) изготавливается от четырёх месяцев. Выставлены предметы с дизайнерским изыском — на благородном тёмно-зелёном бархатистом фоне, с направленной подсветкой или в красивой горке благородного тёмного дерева.

Отошёл я от этого чуда с подаренным альбомом изделий. Полистал его вдалеке, на скамье амфитеатра, подумал, и вернулся к стенду — попросил Ирину Владимировну ещё раз рассказать про своё производства на диктофон — подготовлю материал для журнала. Понятно, что повтор получился не таким азартным и подробным, но зато я задал некоторые новые, уточняющие вопросы.

Любопытны на выставке картины из Иркутска. Материал — береста, которую собирают в тайге. Разнообразие цветовой гаммы впечатляет. Автор — среднего роста, коренаст, по лицу бурят или якут. Стоило остановиться у его произведений, заговорил доброжелательно, с удовольствием представляя свои творения.

Ужинали у Алексея Степановича в мастерской отваренным судаком, горячей картошкой с огурцами и малым количеством водки.

17.12. В Москву пришли холода… Ну уж какие особенные холода — так, подморозило. Пошли с Офитовым прогуляться по затаившемуся Измайловскому парку. Он белый, малолюдный. Как приятно ощущать твёрдость утоптанного снега под ногой после тротуарной жижи столичных улиц, засыпанных химическими реагентами против обледенения. Я сегодня уезжаю домой.

На Курском вокзале, сидя в зале ожидания (и вспоминая, как в этом зале я сиживал совсем молодым, недавно окончившим школу, потом во время службы в рядах Советской Армии — разные времена, разные переживания), случайно нашёл в кармане открытку с изображением Земли из космоса и с надписью «Кто родился на Рождество?». Их раздавал

опрятный высокий молодой парень интеллигентного вида у метро «Арбатской». Я взял этот прямоугольник твёрдой бумаги, сунул в карман, но прочитал только сейчас. Открытку выпустило общество «Евреи за Иисуса». «Великое событие произошло около 2000 лет назад: Иисус Христос родился! Еврейский пророк Михей за 700 лет до Рождества предсказал, что Владыка появится на Земле Израиля, в городе Вифлееме: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами иудиными? Из тебя произойдет мне тот, который должен быть владыкою в Израиле и которого происхождение из начала, от дней вечных» (Михея 5:2). И, конечно, здесь речь о долгожданном еврейском мессии, в чём согласны и раввины, и христианские богословы». Дальше разъяснение и молитва, с извещением, что «шаббат проходит каждую субботу». И ещё: пришедший в мир является «…Спасителем всех людей от грехов их, а значит, и спасителем людей от дьявола, от вечных мучений в аду». Вот и я в этом зале и мучился духовно, и был искушает…

18 декабря

По прежней договорённости встретились в Союзе писателей с Леонидом Ивановичем Мунябиным, владельцем завода «Арма». Как я понял, семейное предприятие он передал своим детям, но о заводе, сотрудничестве (в прошлом) с датчанами и шведами рассказывает заинтересованно, азартно — в это смысл его жизни. Молодым шестнадцатилетнем парнем приехав из Баку в совершенно незнакомый город поступать в институт Инженеров водного транспорта. Голодая и трудясь грузчиком то на овощной базе, то в столовой Леонид его закончил, да так и остался в Горьком на всю оставшуюся жизнь.

Во времена приватизации удалось Мунябину заполучить в собственность небольшой заводик. Ради этого стоял у Центрального универмага с табличкой, скупал у граждан ваучеры.

Теперь рассказывает о невиданной и всё подавляющей в нашей стране коррупции — требуют взятки, начиная с клерка районного масштаба и заканчивая таможней. Слушаешь такое — и страшно становится за будущее страны. Производство, предпринимательство выживает вопреки условиям, а не потому, что власть их работу стимулирует. А ведь то же происходит и в искусстве, культуре….

19 декабря

В Литературном музее собрание, устроенное музеем А.М. Горького. Белый зал — главный, парадный — битком. Выступления чем-то мне напоминали партийно-хозяйственные активы советских лет — с констатацией достижений и бесконечным награждением грамотами. Я пришёл перед самым началом, и потому мне отыскалось место только в конце зала, у большого зеркала. Зато у самой новогодней елки, рядом с каким-то индусом. Но удобство своего местоположения я оценил немного позже, когда утомившись слушать деятелей из разных администраций, потомков не в первом поколении Горького, представителей библиотек, я, отвечая на телефонный звонок о. Евгения Юшкова, смог свободно выйти в каминный зал и задними комнатами пройти в дубовый зал и по мраморной лестнице спуститься в гардероб.

Идя по Верхне-Волжской набережной, опять подумал — закрывают, подводят итоги юбилея А.М. Горького, но ни одному писателю слова не дали, ни об одном даже не вспомнили. Как всё-таки чиновники чувствительны на «веяния времени», отношение вышестоящих к литературе.

Дома дочитал книгу Александра Зиновьева. Вот некоторые выписки из «На коне, танке и штурмовике». Александр Александрович, как ярый антисталинист, но и как объективный учёный, размышляет над свершениями и поступками вождя:

«Моя мать вырезала из газеты фотографию Сталина и вложила её в Евангелие. Я спросил её, зачем она это сделала. Ведь Сталин был зло-

дей! Она ответила, что Сталин взял на свою душу грехи всех других, что теперь его все будут ругать и что кто-то должен за него помолиться. И вообще нельзя знать, чего больше вышло из его дел — добра или зла. И неизвестно, что сделал бы на его месте другой…» (стр. 161).

«В наше время настоящее мужество нужно для того, чтобы судить о сталинской эпохе по её фактическому вкладу в эволюцию человечества».

Это писалось, как я понял, в конце 80-х годов, во времена разгара перестройки.

И далее:

«В эту эпоху сложился социальный строй нового общества, его экономика, система власти и управления, идеология, культура, образ жизни миллионов людей. Это была юность нового общества» (стр. 163).

Да, в таком ключе мало кто размышлял, если размышлял вообще.

Но читаем ещё:

«Дело обстояло вовсе не так, будто высшее Советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложных условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин явился не изобретателем русской трагедии, а лишь её выразителем» (стр. 170).

«Моя мать, действительно пострадавшая от коллективизации и пережившая все её кошмары, чувствовала разницу между глубинным потоком и пеной истории гораздо правильнее, чем все критики Сталина и его эпохи, вместе взятые. Она хранила в Евангелии портрет Сталина. Но она же благословила меня, когда я встал на путь бунта против Сталина, угрожавший мне гибелью. Сталин стал моим принципиальным врагом. Но я этого врага всё-таки уважаю неизмеримо больше, чем всех нынешних умников и смельчаков, воюющих против призраков уже неуязвимого прошлого. Он был для меня врагом эпохальным и историческим, а не конъюнктурно выгодной темой, как для нынешних «антисталинистов» (стр. 171).

«Как это ни странно на первый взгляд, жестокость в отношении миллионов людей в сталинские годы сочеталась с поразительной заботой о миллионах других людей. Причём число таких, кто чувствовал эту заботу, намного превосходило число тех, кто становился жертвами насилия и репрессий. Забота о людях проявлялась в организации просвещения, образования, развлечений, обучения профессиям, спорта и в улучшении бытовых условий.

Хотя последнее было незначительным по нынешним понятиям, людьми той эпохи они воспринимались как грандиозные… А главное, люди освободились от пут собственности и о всего того, что вносила в их жизнь власть денег. Люди на самом деле почувствовали себя во многих отношениях свободными» (стр. 191).

«Коммунизм приходил в мир прежде всего как искушение… И опять-таки тут мы имеем пример реальной диалектики: чем лучше становились условия жизни, тем слабее становились соблазны коммунизма. В послесталинские годы уровень жизни населения поднялся сравнительно со сталинским периодом настолько, что, если бы в тридцатые годы нам рассказали об этом, мы не поверили бы. Но люди уже изменились. Изменились их претензии к жизни и представления о хороших условиях. И соблазны коммунизма утратили свою силу…» (стр. 192).

(Зиновьев А.А. На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. — Москва: Алгоритм, 2016. — 240 с. — (Моя война).)

21 декабря

В учебном театре Нижегородского театрального училища экзамен по актёрскому мастерству 3 курса отделения «Актёр драматического театра и кино». Художественные руководители: А.В. Мюрисеп и Л.А. Чигин поставили пьесу «Очень простая история» М. Ладо. Действующие лица — Хозяин, Хозяйка, Даша (их дочь), Лёша (сын соседа), Сосед, Свинья,

Лошадь, Корова, Петух, Пёс. Понятно, что животные разговаривают (между собой) и всё чувствуют как люди. Молодые любят друг друга. Даша беременна — это мы узнаём с самого начала действия, которое происходит на скотном дворе. Сосед, понятно, пьяница и нищий. Тут суть конфликта.

А дальше начинается авторская мешанина. Лошадь помнит, как возвращались с войны, сосед служил в кавалерии, но деньги потерял во время перестроечной реформы, Собака носит ружьё, Петух слушает радио, но почему-то знает манеру исполнения Меркури, Корова беременна, но в действии, сюжете это никак не обыграно, зарезанная Свинья становится ангелом, как и самоубийца Сосед. И всё это для того (надо кому-то умереть, чтобы родился новый человек — чушь, конечно, ничем не объяснимая), чтобы Даша родила, хотя отец настаивает на аборте. Лошадь готова пожертвовать собой (она старая), но из принесённого Псом ружья (выяснилось, что пёс не может стрелять, потому что у него нет рук, однако для того, чтобы принести оружие руки «нашлись») Сосед выстрелить в неё не смог, а лучше пошёл и сам застрелился.

Удивительно — автор совершенно не в теме, о которой пытается размышлять (самопожертвование, святость, горний мир). Потому что — ну хоть бы пусть пошёл Сосед на берег реки, увидел, как топят котят, по благородству души спас их, а сам погиб — вот тебе и чистая душа. Но не после же самоубийства. А вот о реке, утопленных котятах в пьесе упоминается, но зачем — непонятно. А так всё бы сработало. В действии должна быть естественность, гармоничность, а не придуманность ради хохмы или подгона под какую-то «идею».

В общем — халтурный текст. А ребята старались. Хорош Петух (Остап Данилин) — тут создан образ. Приглянулась мне и Свинья (Софья Тесленко). Сам спектаклю собран в единое действие, оформлен. Но я бы на месте руководителей этот текст для постановки не взял. Уж очень он проигрывает на фоне замечательных произведений подобного типа русских писателей: «Холстомера» Л.Н. Толстого, «Мэри» И.С. Шмелёва… да хотя бы «Белого Бима Чёрное ухо» Г.Н. Троепольского.

22 декабря

Дал согласие на проведение в Союзе писателей выступления поэта из Санкт-Петербурга М.Г. Устинова. И вот он приехал: сам в форме царского полковника, в сопровождении паренька в шинели, в казацком обмундировании. В нашем зале собралось небольшое «патриотическое общество» послушать автора-исполнителя. Установили микрофон, видеокамеры. Трансляцию вели в интернете — «В контакте».

Михаил Григорьевич играл на гитаре, исполнял свои стихи-песни, рассказывал об участии в Приднестровских событиях и на Донбассе. Малого роста, подвижный, с редкими сохранившимися зубами («Через месяц мне исполнится 70 лет»), в мягких хромовых сапожках — было в его выступлении что-то весёлое, задиристое, скоморошечье.

После полуторачасового концерта всё спрашивал — понравилось ли выступление. Благодарил «Игоря-пулемётчика», с которым подружился в Новороссии.

— Пришлось пострелять? — спросил я у Игоря.

Это он обратился ко мне с просьбой разрешить выступление.

— Стрелял.

Сказал так, как бы подразумевая ещё нечто за своими словами. Когда одевался, я увидел, что на боку у него висит нож в ножнах.

Долго собирались уходить, лишний раз меня убеждая, что ничего наши «патриоты» не могут организовать достойно, по деловому.

Из новостей: в Индонезии неожиданное цунами обрушилось на побережье. Известно о более 200 погибших, много пропавших без вести.

26 декабря

Таня рассказала: они с Эмилем купили на Рождество подарки Николосу и Саше — столько, чтобы их выдавать каждый день до самого праздника (католического). «Так же весело». Но в первый же раз Саша захотел посмотреть все подарки. Ему не разрешили. Он разнервничался, обиделся и убежал в свою комнату, там всё разбросал. Таня туда зашла и спросила, зачем он это сделал?

— Я просто очень разочарован, — был ей ответ сына, которому три с половиной года.

В «Арсенале» Министерство информационных технологий решило отметить десятилетие Издательского совета Нижегородской области. Нескольких человек (из руководителей) попросили выступить. А что тут скажешь? Конечно, можно было бы сделать и больше, но и то, что выпущено, имеет свою непреходящую ценность — особенно книги по архитектуре, истории, мемуары (всё связано с Нижним Новгородом). В сегодняшней обстановке не потерять бы тех возможностей, что имеем. Наконец-то работа Совета обрела какую-то цельность, избавилась от хаотичности, вносимой давлением «авторитетов», желающих ежегодно издавать за счёт бюджета собственные (чаще бездарные, наскоро ради гонорара сколоченные) книги. Если всё устоится, то много полезного можно совершить и при скромном финансировании.

После, когда выпивали по бокалу шампанского, состоялся у меня разговор с Лисятниковой (по её инициативе) — директором областной библиотеки. Хотят отметить юбилей Ю.А. Адрианова. Предложил сделать специальный выпуск «Вертикали. XXI век» наподобие того, что мы подготовили по театральному училищу. Думаю, должно бы это их заинтересовать. Нет — тогда буду готовить один.

Сегодня в России прошло удачное испытание новой баллистической ракеты «Авангард» с гиперзвуковым боевым блоком. Подобного оружия нет ни у одной страны в мире. Боевой блок движется, в 20 раз превышая скорость звука.

27 декабря

Стали известны результаты испытания ракеты «Авангард». Гиперзвуковой планирующий блок «Авангард», выведенный на орбиту ракетой на высоту нескольких сот километров, отделился от неё и резко «нырнув» вниз на высоту около 100 км (граница между атмосферой и космосом) с огромной скоростью, маневрируя по курсу и высоте, двинулся к цели. Поскольку им можно управлять, то точность его наведения выше, чем у простой баллистической головки. Блок может нести ядерный боеприпас.

С полигона «Домбаровский» из-под Оренбурга блок пролетел более шести тысяч километров и в запланированное время точно поразил цель на Камчатке. Вице-премьер Правительства РФ Юрий Борисов, который курирует оборонный сектор, раскрыл некоторые цифры прошедших испытаний: боевой блок развил скорость в 27 раз быстрее скорости звука (9 км в секунду или более 30 тыс км в час). Он летел как метеорит в облаке плазмы.

Для примера: от Оренбурга до Нью-Йорка девять тысяч километров. Это расстояние «Авангард» пролетит за 17 минут. Фантастика!

30 декабря

Читаю книгу Николая Коняева «Николай Рубцов» (М.: Молодая гвардия, 2001. Серия «Жизнь замечательных людей») и странные чувства испытываю, перекличку чувств: отчего-то так горько, что не выполнил того, что собирался сделать — позвонить, договориться о встрече (Николай Михайлович в наших разговорах, в том числе по телефону, был ко мне расположен — я чувствовал это), приехать в Питер и долго, хорошо с ним посидеть, поговорить о многом. Всё надеялся, что выпадет какая-нибудь оказия в Северную столицу, и уж заодно…

Коняев с глубоким пониманием неустроенности судьбы поэта пишет и о его бесконечных странствиях (нищенских, голодных) и о его стихах. И в тексте оживает трагедийный образ, в котором создаётся явное ощущение, что без этой душевной (и житейской) пытки не появилось бы в России ещё одного великого поэта. Об этом не говорится напрямую, но явно читается между строк. К тому же параллельно с книгой Коняева, я читаю стихи самого Николая Рубцова (буквально следуя по годам за повествованием первого) и от двойной трагедии, двух случившихся преждевременных смертей так неспокойно, тоскливо на душе.

На улице Горького, в кафе встретились с Коломийцем. Алексей Маркович прочитал вёрстку книги «Записки истерзанного времени». Сделал достаточно замечаний и исправлений. Второй раздел в книге — мои беседы последнего (после выпуска «В предчувствии Апокалипсиса») времени. Приняли решение, что дополним этот раздел текстом беседы с самим Алексеем Марковичем — и как с выдающимся человеком, учёным-производственником, и как с литератором.

Из дома на улицу Горького, по морозу, ходил пешком. Стынут Ока и Волга подо льдом (рыбаки уже натоптали в снегу троп, обходящих оставшиеся дымящиеся белым туманцем полыньи), стынет город, в котором разом снег на тротуаре каменно затвердел, по бокам сугробами засверкал.

Вот и дождались, когда предстоящий Новый год радует морозцем.

31 декабря

Праздники омрачены трагедией в Магнитогорске — очередной взрыв бытового газа в жилом доме (пока это версия главная), обрушился один подъезд в десять этажей. Есть погибшие и покалеченные. В город прилетел В.В. Путин.

Необычное, более человечное поздравление с Новым годом граждан России записал президент страны. Может быть, и правда, что-то начнёт меняться в нашем обществе.

В Магнитогорске уже известно о восьми погибших, в тяжелейшем состоянии мальчик 11 месяцев.

В Челябинской области будет объявлен траур.